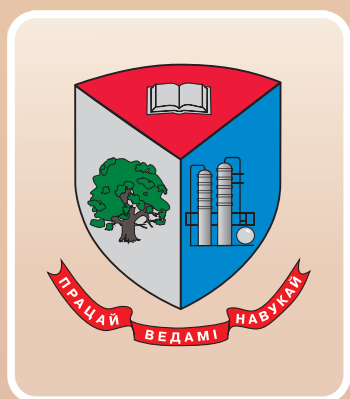

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (263) 2022 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2022

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (257) 2022 год

Выходит два раза в год

Минск 2022

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Шетько С. В., кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавир, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Кох Барбара, доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Лакида П. И., доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Украина;
Головко М. Ф., член-корреспондент НАН Украины, доктор физико-математических наук, профессор, Украина;
Щекин А. К., член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор, Российская Федерация;
Маес Воутер, доктор химических наук, профессор, Королевство Бельгия;
Бир Петр, доктор технических наук, профессор, Республика Польша;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каклаускас А., доктор экономических наук, профессор, Литовская Республика;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Ракачев В. Н., доктор исторических наук, профессор, Российская Федерация;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (257) 2022

Published biannually

Minsk 2022

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Shet’ko S. V., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Kulikovich V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Koch Barbara, DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Lakida P. I., DSc (Agriculture), Professor, Ukraine;
Golovko M. F., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Ukraine;
Shchekin A. K., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Russian Federation;
Maes Wouter, DSc (Chemistry), Professor, Kingdom of Belgium;
Beer Piotr, DSc (Engineering), Professor, Republic of Poland;
Gorinshteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;
Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;
Bashkurov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;
Kaklauskas A., DSc (Economics), Professor, Republic of Lithuania;
Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rakachev V. N., DSc (History), Professor, Russian Federation;
Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;

managing editor (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 327.2:910.4

В. А. Астрога

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

УПЛЫЎ ВЯЛІКІХ ГЕАГРАФІЧНЫХ АДКРЫЦЦАЎ НА РАЗВІЦЦЁ ЕЎРАПЕЙСКОЙ ГЕАПАЛІТЫЧНАЙ ДУМКІ

У артыкуле разглядаецца развіццё геапалітычных поглядаў у Еўропе ў перыяд Вялікіх геаграфічных адкрыццяў. Дадзена дэталёвая характарыстыка сутнасці эпохі вялікіх падарожжаў, прааналізаваны і ахарактарызаваны творы найбольш яркіх і вядомых у гэтай галіне еўрапейскіх філосафаў, географаў і гісторыкаў, эканамістаў і юрыстаў: Фернандэс дэ Авьёда, Барталаме дэ Лас Касас, Жан Бадэн, Гуга Гроцый, Уільям Пэн, Ш. Л. Мантэск'е, А. Ж. Цюрго. Выяўлена сувязь геапалітычных поглядаў і канцэпцый еўрапейскіх мысліцеляў з антычнымі геапалітычнымі тэорыямі. Адзначана нявывучанасць праблемы развіцця еўрапейскай геапалітычнай думкі ў айчынай гістарыяграфіі. Зроблена выснова, што геапалітычныя погляды мысліцеляў Еўропы сталі ў далейшым падмуркам тэорый класікаў геапалітычнай думкі XIX–XX стагоддзяў і сучаснасці.

Ключавыя словы: гісторыя, географія, геаграфічны дэтэрмінізм, марская моц, клімат, экспансія, калоніі, геапалітыка, погляды, канцэпцыя.

Для цытавання: Астрога В. А. Уплыў Вялікіх геаграфічных адкрыццяў на развіццё еўрапейскай геапалітычнай думкі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 5–10.

V. A. Ostroga

Belarusian state university

THE INFLUENCE OF THE GREAT GEOGRAPHICAL DISCOVERIES ON THE DEVELOPMENT OF EUROPEAN GEOPOLITICAL THOUGHT

The article examines the development of geopolitical views in Europe during the period of Great Geographical Discoveries. A detailed description of the essence of the era of Great Travel is given, the works of the most prominent and well-known European philosophers, geographers and historians, economists and lawyers in this field are analyzed and characterized, such as: Gonzalo Fernández de Oviedo, Bartolomé de las Casas, Jean Bodin, Hugo Grotius, William Penn, Charles Louis de Montesquieu, Anne Robert Jacques Turgot. The connection of the geopolitical views and concepts of European thinkers with ancient geopolitical theories is revealed. The unexplored nature of the problem of the development of European geopolitical thought in belarusian historiography is noted. It is concluded that the geopolitical views of the thinkers of Europe subsequently became the foundation of the theories of the classics of geopolitical thought of the XIX–XX centuries and modernity.

Keywords: history, geography, geographical determinism, sea power, climate, expansion, colonies, geopolitics, views, concept.

For citation: Ostroga V. A. The influence of the Great geographical discoveries on the development of european geopolitical thought. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (263), pp. 5–10 (In Belarusian).

Уводзіны. Вялікія геаграфічныя адкрыцці еўрапейскіх краін падштурхнулі цікавасць да геапалітыкі як тэорыі і практыкі замацавання вядучай ролі пэўнай дзяржавы ў свеце, па-

меры якой з XV ст. значна «пашырыліся». Адзначаючы сувязь геапалітыкі і Вялікіх геаграфічных адкрыццяў трэба падкрэсліць, што ўся гісторыя гэтай эпохі запоўнена прыкладамі

менавіта геапалітычных, геаэканамічных і геастратэгічных дзеянняў, дзе галоўнымі актэрамі адпачатку ў пагоні за золатам і ўладаю сталі выступаць атлантычныя пірэнейскія дзяржавы – Іспанія і Партугалія, а некалькі пазней і іншыя ўладары буйных марскіх флотаў – Францыі, Англіі і Галандыі. Як заўважаюць расійскія географы Коласаў У. А. і Міраненка М. С., кажучы пра ўплыў Вялікіх геаграфічных адкрыццяў на эвалюцыю геапалітыкі: «Сучасная геапалітычная структура свету мае глыбокія гістарычныя карані. Становішча краін у сучаснай сусветнай сістэме фармавалася амаль пяць стагоддзяў, пачынаючы з першага перадзелу свету ў 1494 г. (Тардэсільяская дамова) і працягваючы ў 1529 г. (Сарагоская дамова) паміж Іспаніяй і Партугаліяй. Еўрапейская глабальная экспансія з’явілася падставай цэнтральна-перыферычнай будовы свету, у падмурку якой ляжыць механізм тэрытарыяльнага пашырэння і падпарадкавання» [1, с. 174]. Цікавую думку выказаў і брытанскі палітгеограф Тэйлар П., які выдзеліў чатыры перыяды (эры) каланіяльнай актыўнасці, што прыпалі на разглядаемы намі перыяд. Першая эра з моманту адкрыццяў была названа «неканкурэнтнай эрай каланізацыі». Адзінымі метраполіямі тады былі Іспанія і Партугалія. Іх тэрытарыяльныя захопы ішлі паралельна без істотных супярэчнасцяў. Другі перыяд прыйшоўся на 1600–1800 гг. і атрымаў назву «Першая канкурэнтная эра каланізацыі». Вучоны лічыў, што яе найбольш важным геапалітычным трэндам была змена вектара гегемоніі ў паўночным кірунку і адзначаны дзейнасцю тых краін Еўропы, якія хутчэй, чым Іспанія і Партугалія, развівалі рынкавую гаспадарку. Больш за тое, ён звярнуў увагу, што ўжо ў другой палове XVI ст. каля 90% еўрапейскіх тавараў, якія пастаўляліся ў іспанскія калоніі, былі не іспанскага паходжання. У выніку адбывалася перамяшчэнне іспанскіх і партугальскіх багаццяў у Вялікабрытанію і Нідэрланды [1, с. 178–179].

Такім чынам, прапанаваная да разгляду праблема актуальная і мае некаторыя адлюстраванні ў замежнай гістарыяграфіі. Але фактычна яна не вывучана беларускімі даследчыкамі, таму, несумненна, мае высокі ўзровень навізны і патрабуе свайго асвятлення.

Асноўная частка. Характарызуючы ўздзеянне Вялікіх геаграфічных адкрыццяў на развіццё еўрапейскай геапалітычнай думкі, трэба найперш адзначыць спецыфіку самой эпохі. На пачатку XV ст. ва ўмовах безупынных унутраных і міждзяржаўных канфліктаў у краінах Сярэдняй і Паўднёвай Еўропы, на яе захадзе – Пірэнейскім паўвостраве склалася адносная

стабільнасць, Рэканкіста ўжо заканчвалася, і пірэнейскія Іспанія і Партугалія пачалі шукаць кірункі ўжывання сваёй вызваленай энергіі і новых магчымасцяў. На той час гэтыя перспектывы ўжо былі дастаткова яснымі і зразумелымі – пошук марскіх шляхоў дзеля атрымання доступу да ўсходніх «індыйскіх» вострых прыпраў, а таксама золата і срэбра. Справа ў тым, што гандаль вострымі прыправамі забяспечваў купцу астранамічныя прыбыткі ў тысячу адсоткаў. Нездарма ў той час, каб падкрэсліць багацце чалавека, казалі, што ён як «мех з перцамі». У сваю чаргу, паступовае развіццё таварна-грашовых адносін на кантыненте вымагала ўсё большы і большы аб’ём каштоўных металаў, якія ў шахтах Еўропы ў дастаковай колькасці не здабываліся. Але на той час рэалізацыі, як здавалася шмат каму, ранейшых авантурных планаў пошуку вострых прыпраў і золата «за краем свету», ужо відавочна садзейнічаў і прагрэс ў мараплаванні – развіццё новых лепшых караблёў, навігацыі і картаграфіі, а таксама артылерыйскай справы, арганізацыі дзяржаўнага кіравання і гандлю. У выніку гэтай прагі да вялікіх багаццяў і новых магчымасцяў ў 1492 г. адбылося адкрыццё Амерыкі іспанскім мараплавальнікам Хрыстафорам Калумбам, у 1497–1499 гг. партугалец Васка да Гама адкрыў марскі шлях з Еўропы ў Індыю, а ў 1519–1522 гг. таксама партугалец Фернан Магелан ажыццявіў першае кругасветнае плаванне. Гэты падзеі ў наступным разгарнулі вытворныя ад іх працэсы ў заходне-еўрапейскіх краінах – каланіяльныя захопы і стварэнне каланіяльных імперый, змаганне за каланіяльныя ўладанні і сусветнае панаванне, фарміраванне сусветнага рынку і пачатак глабалізацыі на нашай планеце.

Глабальнасць новых магчымасцяў добра разумелі і ў тыя часы. У 1494 г. Хрыстафор Калумб пісаў у сваім «Мемарыяле» да іспанскіх манархаў Ізабэлы і Фердынанда пра новыя адкрытыя землі: «прыход у гэты край нашага флоту, настолькі зладжанага і прыгожага, надаў бы нам вялікі аўтарытэт і забяспечыў нашыя будучыя пачынанні. Калі ўсё насельніцтва гэтага настолькі вялікага вострава [в. *Gaiçi* – В. А. *Астрога*] і іншых запэўніцца ў тым, як добра абыходзяцца з добрымі і як караюць злых, яно хутка прыйдзе ў падпарадкаванне, і гэтымі людзьмі можна будзе распараджацца як з васаламі). Іх Высокасці могуць быць упэўнены ў тым, што і там [у *Ejrope* – В. А. *Астрога*] прыбыццё гэтага флоту ўсяляк узвысіць іх у меркаванні хрысціянскіх уладароў...» [2, с. 39].

Як мы бачым на прыкладзе Іспаніі і Партугаліі, іх марскі патэнцыял ў той перыяд стаў найкаштоўнейшым. Вядомы ў свой час

тэарэтык «марской моцы» савецкі адмірал Гаршкоў С. Р. пазначаў: «Магутнасць флотаў была адным з фактараў, якія садзейнічалі пераходу асобных дзяржаў у лік вялікіх дзяржаў. Больш за тое, гісторыя дэмананструе, што дзяржавы, у якіх не было ваенна-марсіх сіл, не мелі магчымасці працяглы час займаць становішча вялікіх дзяржаў» [3, с. 93].

Высілкі пірэнейскіх краін далі свой плён. Іспанскі гісторык Лалагуна Х. падкрэслівае: «Амерыка прынесла вялізныя багацці, якія забяпечылі панаванне Кастыліі ў Еўропе і па-за яе межамі на сто гадоў наперад... Пастаўкі золата ўзраслі з 5000 кг ў 1503–1510 гг. да рэкордных 42 620 кг у 1550-х гг., а партыі срэбра павялічыліся з 86 тон ў 1530-х гадах да максімальных 2707 тон да апошняга дзесяцігоддзя XVI ст.» [4, с. 113]. У той час кожны еўрапейскі манарх імкнуўся манапалізаваць адкрытыя марскія шляхі. Гэта прывяло да таго, што Іспанія і Партугалія адразу сталі смяротнымі канкурэнтамі. Так, брытанскі даследчык Бэйкер Дж., кажучы пра стварэнне партугальскіх калоній пасля экспедыцыі Васка да Гамы, піша: «Віцэ-каралём партугальскай Індыі быў прызначаны Афонсу Албукеркі... палітыка Албукеркі заключалася ў тым, каб пашырыць тэрытарыяльную базу партугальскай імперыі... зрабіць гандаль манаполіяй партугальскага ўрада» [5, с. 86]. Гістарычны лёс Іспаніі і Партугаліі склаўся так, што ў 1580 г. яны аб'ядналіся ў адну ўнію пад уладай іспанскага караля, і зараз абедзве краіны ўжо сумесна імкнуліся падпарадкаваць свайму ўладарству ўсю прастору, дзе яны панавалі раней паасобку, як у Амерыцы, так і ў Азіі. Аднак паступова, па меры ўпадку Іспаніі і Партугаліі і іх здольнасці абараняць свае ўладанні з другой паловы XVI ст. пачала расці моц і пашыраліся заморскія імперыі Францыі, Англіі і Галандыі. Гэтыя краіны ўсяляк імкнуліся падарваць каланіяльную манаполію пірэнейскіх дзяржаў. Як пазначаюць даследчыкі, менавіта «Вялікія геаграфічныя адкрыцці з часам зрабілі вялізны ўплыў на... суадносіны сіл у самой Еўропе, дзеючы на карысць краінам, якія межавалі да яе атлантычнага “фасаду”... пачынаецца эра гандлёвых войн, арэнай для якіх служыць зямны шар» [6, с. 410]. Можна казаць, што з гэтага часу сутыкненне інтарэсаў еўрапейскіх дзяржаў у Азіі, Афрыцы і Амерыцы ўжо робіць сур'ёзны ўплыў як на ўласна еўрапейскую, так і ўвогуле на сусветную палітыку.

Першым супернікам стала Францыя, якая сама прагнула стварэння каланіяльнай імперыі і на гэты час ужо выйшла з бясконцых войн і рашуча стала «на шляху... глабальных амбіцый Іспаніі... Па ўсіх прычынах, геаграфічных,

эканамічных і палітычных, Францыя не магла застацца ў баку ад змагання за валоданне новымі землямі» [7, с. 11]. Дарэчы, цікава зазначыць, што яшчэ Страбон у сваёй «Геаграфіі» адзначаў выгаднае стратэгічнае становішча Кельтыкі-Галіі, якая мела выйсце ў Атлантычны акіян і Міжземнае мора [8, с. 126].

Натуральна, французскія ўлады гэтай краіны бачылі выгаднае геаграфічнае становішча Францыі. Асабліва адметнаю ў гэтым кірунку стала дзейнасць Армана-Жана дзю Плесі – герцага дэ Рышэл'ё, больш вядомага як кардынал Рышэл'ё. Гэты французскі дзяржаўны і рэлігійны дзеяч вельмі шмат зрабіў для фарміравання марской моцы Францыі і яе будучых каланіяльных поспехаў. Усведамляючы важнасць перавагі краіны ў морах, ён «ўпершыню звярнуў увагу на будаўніцтва марскога флоту, паставіўшы мэту пабудаваць 45 баявых караблёў у Атлантыцы і 30 галер у Міжземным моры» [7, с. 15]. Адначасова ім было загадана мадэрнізаваць галоўныя марскія порты – Тулон, Гаўр, Брэт і Бруат. У 1626 г. ён стварае Марскую раду ўзначальвае яе, а французскі кароль Людовік XIII прызначае Рышэл'ё на пасаду «гросмайстра, начальніка і сюрінтэнданта марскога і гандлёвага флоту Францыі». У тым жа годзе кардынал, выступаючы перад Асамблеяй натабляў, выказаўся за стварэнне моцнага флоту: «Няма іншага каралеўства, якое б было размешчана так удала, як Францыя, і настолькі багата неабходнымі сродкамі для таго, каб стаць гаспадаром на моры» [7, с. 15]. Кардынал у сваёй працы «Прынцыпы кіравання дзяржаваю» пісаў: «Гледзячы на выгаднае размяшчэнне двух французскіх узбярэжжаў – акіянскага і міжземнаморскага, якія роўным чынам валодаюць выдатнымі портамі, здаецца, быццам бы прырода наважылася падараваць Францыі панаванне над морамі» [9, с. 267]. Даследчык яго дзейнасці П. П. Чаркасаў піша: «...падводзячы вынікі развіцця марской і каланіяльнай экспансіі пры кардынале Рышэл'ё, можна адзначыць, што ўпершыню яна набыла палітычны, а не чыста гандлёвы, як раней, характар... За перыяд з 1600 па 1660 г. у Францыі з'явілася 450 кніг з апісаннем неведомых раней краін Амерыкі, Азіі і Афрыкі» [7, с. 15].

Англія была яшчэ адным буйным геапалітычным суб'ектам перыяду Вялікіх геаграфічных адкрыццяў, але напачатку, у XVI ст., пытанне пра набыццё ўласных калоній ёй не ўздыхалася, бо для гэтага не хапала ні дастатковых капіталаў, ні дастатковай колькасці вольных людзей. Аднак пасля паражэння Вялікай Армады ў 1588 г. перспектывы захопу іспанскіх калоній пачалі падавацца англічанам значна прастай задачай, тым больш для

англійскай прамысловасці, якая пачала развівацца, існавала жывоўная патрэба ў новых рынках збыту тавараў. Нават у Англіі з'явіліся трактаты, у якіх абгрунтоўвалася неабходнасць экспансіі і стварэння імперыі [10, с. 32].

Брытанскі гісторык Пэры Д. прыйшоў да высновы, што ў XV–XVI стст. быў назапашаны вялізарны аб'ём географічных ведаў, а надалей – «Беспрэцэндэнтная ўлада, якую далі веды, у рэшце рэшт прывялі Еўропу ад разведвальных даследчых паходаў для заваёвы ўсяго свету і, такім чынам, стварылі ўчарашні свет, пераважна які кіравалі еўрапейцы, і свет сённяшні, амаль цалкам які прыняў еўрапейскія тэхналогіі і метады кіравання хай нават толькі для таго, каб пазбегнуць рэальнай улады еўрапейцаў» [11, с. 17]. Вось такі гістарычны кантэкст ў нейкім сэнсе рэвалюцыйнай эпохі Вялікіх географічных адкрыццяў стварыў ўмовы для новага імпульсу развіцця геапалітычнай думкі. Брытанскі гісторык Кёнігсбергер Г. адзначаў: «Людзі Сярэднявечча разглядалі палітычную думку... як складовую частку думкі маральнай і рэлігійнай. Аднак з часоў Макіявелі, напачатку XVI ст., чыста рацыянальныя і свецкія тэорыі ўсё больш выцяснялі маральную і рэлігійную праблематыку...» [12, с. 14]. З гэтым трэба пагадзіцца, тым больш, што рэлігійныя матывы сапраўды здзяйснялі вялікі ўплыў на ўдзельнікаў «заморскіх экспедыцый», а місіянерства разам з жаданнем адкрыцця новых марскіх шляхоў было адным з фактараў імкнення «за моры». Гэта заўважальна адлюстроўвалася і ў грамадскай думцы таго часу, асабліва Іспаніі і Партугаліі.

Феадальная Іспанія часоў географічных адкрыццяў мела адпаведную ідэалогію, шырока прасякнутую рэлігійнымі пачуццямі. Так, іспанскі гісторык і этнограф, чыноўнік і пісьменнік **Фернандэс дэ Авьеда** (*Gonzalo Fernández de Oviedo y Valdés*, 1478–1557) лічыўся прыхільнікам імперскай ідэалогіі. Ён шмат разоў плаваў у Новы Свет, займаў там розныя адказныя адміністрацыйныя пасады. У 1532 г. быў прызначаны гістарыёграфам Індый. Ён лічыў іспанцаў богаабраным народам, сцвярджаў іх правы валодаць Новым светам, каб выканаць высокую духоўную місію хрысціянізацыі індзейцаў, якіх ён лічыў непаўнавартаснымі людзьмі, хаця адначасова і крытыкаваў жорсткасць многіх канкістадораў. Яго галоўная праца – «Натуральная і агульная гісторыя Індый», у якой аўтар выступае з пазіцыяй апалагета іспанскай каланізацыі, ідэолага Сусветнай Каталіцкай манархіі. Яго ідэйны супраціўнік – **Барталаме дэ Лас Касас** (*Bartolomé de las Casas*, 1484–1566), аўтар фундаментальнай працы «Гісторыя Індый». Зрэшты, погляды Авьеда цікавыя

і ў тым сэнсе, што іх прытрымліваліся большасць сучаснікаў, у той час як перадавыя думкі Лас Касаса сустракалі ў іх здзіўленне і супрацьдзеянне.

У XVI ст. адным з першых, хто пачаў сістэматычнае вывучэнне ўзаемасувязяў географіі і палітыкі, быў французскі мысліцель, філосаф, эканаміст, прафесар права **Жан Бадэн** (*Jean Bodin*, 1530–1596 гг.). Ён, як прыхільнік географічнага дэтэрмінізму, сцвярджаў, што моц і развіццё дзяржавы непасрэдна залежаць ад прыродных умоў, як казалі ўжо класічныя геапалітыкі праз два стагоддзі пазней. У сваёй шырока вядомай працы «Метад лёгкага пазнання гісторыі» ён пісаў, што для разумення «прыроды дзяржаўнасці» патрэбна ведаць «прыроду народа», якая ўзаемазвязана з географічным месцазнаходжаннем, і найперш з кліматам. Менавіта клімат ён лічыў найважнейшым фактарам уплыву на становішча ў дзяржаве: «Лепшы клімат стварае лепшыя традыцыі», пісаў ён [13, с. 89]. У якасці аргумента Жан Бадэн прыводзіў словы старажытнага грэчаскага філосафа Платона, што «некаторыя народы «зроблены» лепш, чым іншыя ... праз моцную розніцу іх месцаў жыхарства» [13, с. 79]. У сваёй працы ён шмат разважае аб уплыве прыродных фактараў на характар народаў Поўначы і Поўдня, Усходу і Захаду. Напрыклад, ён згаджаўся з антычнымі філосафамі, што «хто жыве ў паўночных землях, з'яўляецца больш актыўным і моцным, чым жыхары Поўдня... гэта дэманструе праўду, якая падаецца неверагоднай, якая заключаецца ў тым, што найвялікшыя імперыі заўсёды ўзніклі на поўдні, аднак яны зрэдку пашыраліся ў кірунак поўначы» [13, с. 84]. У выніку адна з ягоных высноў – «сярод усіх народаў Еўропы самыя заходнія – брытанцы і іспанцы, і менавіта яны самыя актыўныя» [13, с. 117]. Наяўнасць шматлікіх іспаскіх, а затым брытанскіх марскіх экспедыцый у розных кутках свету дэманструе рацыянальнае зерне ў поглядах французскага навукоўца. Акрамя таго, свае геапалітычныя перакананні, уплывы географічнага асяроддзя, клімату на развіццё дзяржавы ён выказаў яшчэ ў дзвюх працах «Кніга аб дзяржаве» і «Шэсць кніг аб рэспубліцы». Так, у апошняй прапануе ідэю географічнай тыпалогіі дзяржаў, згодна з якой для ўмеранага пояса тыповым з'яўляецца дзяржава «розуму», бо народы маюць адчуванне справядлівасці... паўднёвыя народы маюць патрэбу ў рэлігійнай уладзе, народы поўначы магчыма прымусіць падпарадкавацца толькі моцнай дзяржаве [14, с. 44].

У межах нашай тэмы неабходна адзначыць і галандскага юрыста і дзяржаўнага дзеяча, філосафа і паэта **Гуга Гроцыя** (*Hugo Grotius*, 1583–1645 гг.), які, як лічыцца, паклаў падмурак

міжнароднага права ў сваім трактаце «Аб праве вайны і міру» (1625 г.). У гэтай энцыклапедычнай па форме працы, поўнай гістарычных прыкладаў, ён прызнаваў суверэнітэт самастойных дзяржаў Еўропы, але лічыў войны з'яваю непазбежнаю, хаця і бясплоднаю. Даследчыкі мяркуюць, што яго ідэямі цікавіліся тагачасныя еўрапейскія ўладары і дыпламаты, і ён непасрэдна ўздзейнічаў на дзяржаўную практыку. Шматлікія цытаты з сачыненняў найперш антычных аўтараў робяць гэтую ўнікальную працу звязанай шматлікімі ніцямі са сферай геапалітыкі.

Эпоха Вялікіх геаграфічных адкрыццяў нарадзіла і такога брытанскага грамадскага дзеяча як **Уільям Пэн** (*William Penn*, 1644–1718). Гэта быў знакаміты квакер, філосаф, заснавальнік брытанскай калоніі Пенсільванія ў Паўночнай Амерыцы. Яго думкі гучалі на той час вельмі своеасабліва. Ён у сваім сачыненні «Досвед аб сапраўдным і будучым міры ў Еўропе шляхам стварэння Еўрапейскага кангрэса, Парламента ці Палаты дзяржаў» (1693) прапануе кіраўнікам і жыхарам еўрапейскіх дзяржаў аб'яднацца для вечнага міру і шчасця, дзеля справядлівасці, у імя спынення войн. Менавіта ён падаў праект не геапалітычных падзелаў новых земляў, а аб'яднання еўрапейскіх дзяржаў дзеля прымірэння і бяспекі свету [15, с. 140].

Можна казаць, што пасля Ж. Бадэна аналіз уплыву геаграфічных фактараў на дзяржаву і палітыку пэўны час не быў сярод цэнтральных праблем еўрапейскай грамадска-палітычнай думкі. І толькі ў першай палове XVIII ст. яна зноў выклікае цікавасць і становіцца аб'ектам увагі французскага правазнаўцы, філосафа і асветніка **Ш. Л. Монтэск'ё** (*Charles Louis de Seconda, Baron de La Brède et de Montesquieu*, 1689–1755). Ён фактычна стаў прадаўжальнікам геадэтэрмінічных ідэй Ж. Бадэна, але не абмежаваўся развагамі пра значнасць навакольнага асяроддзя. У сваёй працы «Аб духу законаў» (1748) ён непасрэдна звязваў сацыяльна-палітычную сітуацыю ў дзяржаве з кліматам, які лічыў найважнейшым геаграфічным

фактарам палітыкі, чым развіў ідэй Ж. Бадэна. Так, філосаф лічыў, што «народы спякотных кліматаў баязлівыя, як старыя, народы халодных кліматаў адважныя, як юнакі» [16, с. 198]. Паводле меркавання Ш. Л. Монтэск'ё, «дух законаў» краіны павінен адпавядаць умовам яе геаграфічнага асяроддзя – «калі справядліва, што характар розуму і палкасці сэрца надзвычай розныя ў розных кліматах, то законы павінны адпавядаць і розніцы гэтых палкасцяў, і розніцы характару» [16, с. 198]. Гэтыя ідэй адыгралі ў наступным важную ролю ў развіцці базавых пастулатаў класічнай геапалітыкі.

Апошнім заўважальным прадстаўніком французскай геаграфічнай школы ў грамадскай думцы XVIII ст. быў філосаф, эканаміст, дзяржаўны дзеяч **Ан Рабер Жак Цюрго** (*Anne Robert Jacques Turgot*, 1727–1781). Менавіта яго лічаць стваральнікам тэрміна «палітычная геаграфія». Пад уплывам ідэй Ш. Л. Монтэск'ё ён прааналізаваў сувязі паміж геаграфічным і палітычным працэсамі. Так, ён піша: «Народы, якія жылі ў гарыстых халодных і бясплодных краінах, з'яўляюцца заваёўнікамі раўнін, ствараюць імперыі альбо супраціўляюцца апошнім. Яны бяднешыя, мацнейшыя, больш няўразлівыя; яны маюць час для нападу і выбару пазіцыі для самаабароны» [17, с. 98]. Адзначым, што А. Цюрго для сваіх разваг ужывае шмат прыкладаў з жыцця абарыгенаў Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі.

Заклучэнне. Такім чынам, Вялікія геаграфічныя адкрыцці XV–XVI стст. распачалі эпоху геапалітычнай канкурэнцыі наступных стагоддзяў і «Вялікай геапалітыкі» XIX ст. У гэты час пачалося фарміраванне каланіяльных імперый і сусветнага рынку. Менавіта гэтыя падарожжы, з аднаго боку, пашырылі далягяды пазнання свету, але, з другога, зрабілі яго меншым, вядомым. Яны далі моцны імпульс для разнастайных навуковых даследаванняў, у тым ліку ў галіне гісторыі і геаграфіі, грамадскіх навук, чым стварылі аснову для фарміравання ў XIX ст. класічных геапалітычных тэрмінаў, ідэй і канцэпцый.

Спіс літаратуры

1. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001. 479 с.
2. Хроники открытия Америки. Новая Испания. Кн. 1: Исторические документы. М.: Академический проект, 2000. 496 с.
3. Горшков С. Г. Морская мощь государства. Изд. 2-е, доп. М.: Воениздат, 1979. 416 с.
4. Лалагуна Х. Испания: История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард. 2009. 352 с.
5. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М.: Изд-во «Иностранная лит.», 1950. 648 с.
6. История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVIII в.). М.: Наука, 1993. 656 с.
7. Черкасов П. П. Судьба империи. М., 1983. 183 с.
8. Страбон. География. Л.: Наука, 1964. 943 с.

9. Ришелье А. Ж. дю П. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008. 489 с.
10. Капитонова Н. К. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 838 с.
11. Перри Д. Эра великих географических открытий. М.: Центрполиграф, 2019. 445 с.
12. Кёнигсбергер Г. Г. Европа раннего нового времени, 1500–1789. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. 329 с.
13. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 411 с.
14. Мельник В. А. Политология: учебник. Минск: Выш. шк., 2006. 543 с.
15. Геополитика. М.: Академический проект: Культура, 2006. 1002 с.
16. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
17. Тюрго А. Р. Избранные философские произведения. М.: Соцэкгиз, 1937. 190 с.

References

1. Kolosov V. A., Mironenko N. S. *Geopolitika i politicheskaya geografiya* [Geopolitics and political geography]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2001. 479 p. (In Russian).
2. *Khroniki otkrytiya Ameriki. Novaya Ispaniya. Kn. 1: Istoricheskiye dokumenty* [Chronicles of the discovery of America. New Spain. Book 1: Historical Documents]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2000. 496 p. (In Russian).
3. Gorshkov S. G. *Morskaya moshch' gosudarstva* [Maritime power of the state]. Moscow, Voenizdat Publ., 1979. 416 p. (In Russian).
4. Lalaguna Kh. *Ispaniya: Istoriya strany* [Spain: History of the country]. Moscow, Eksmo Publ.; St. Petersburg, Midgard Publ., 2009. 352 p. (In Russian).
5. Beyker Dzh. *Istoriya geograficheskikh otkrytiy i issledovaniy* [History of geographical discoveries and research]. Moscow, Izd-vo "Inostrannaya literatura" Publ., 1950. 648 p. (In Russian).
6. *Istoriya Evropy. T. 3: Ot srednevekov'ya k novomu vremeni (konets XV – pervaya polovina XVIII v.)* [History of Europe. Vol. 3: From the Middle Ages to the New Age (the end of the 15th – the first half of the 18th century)]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 656 p. (In Russian).
7. Cherkasov P. P. *Sud'ba imperii* [The fate of the empire]. Moscow; Leningrad, 1983. 183 p. (In Russian).
8. Strabon. *Geografiya* [Geography]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1964. 943 p. (In Russian).
9. Rishel'e A. Zh. dyu P. *Politicheskoye zaveshchaniye, ili Printsipy upravleniya gosudarstvom* [Political Testament or Principles of Government]. Moscow, Ladomir Publ., 2008. 489 p. (In Russian).
10. Kapitonova N. K. *Istoriya vneshney politiki Velikobritanii* [History of British foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2016. 838 p. (In Russian).
11. Perri D. *Era velikikh geograficheskikh otkrytiy* [The era of great geographical discoveries]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2019. 445 p. (In Russian).
12. Kenigsberger G. G. *Evropa rannego novogo vremeni, 1500–1789* [Early Modern Europe, 1500–1789]. Moscow, Izdatel'stvo "Ves' mir" Publ., 2006. 329 p. (In Russian).
13. Boden Zh. *Metod legkogo poznaniya istorii* [Method of easy knowledge of history]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 411 p. (In Russian).
14. Mel'nik V. A. *Politologiya: uchebnik* [Political science: textbook]. Minsk, Vysheychaya shkola Publ., 2006. 543 p. (In Russian).
15. *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow, Akademicheskii proyekt: Kul'tura Publ., 2006. 1002 p.
16. Montes'k'e Sh. L. *O dukhe zakonov* [About the spirit of the laws]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p. (In Russian).
17. Tyurgo A. R. *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Sotsekiz Publ., 1937. 190 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Віктар Аляксандравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры мытнай справы. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Ostroga Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Паступіў 12.09.2022

УДК [94(476)+657.6(476)(091)]«18»

А. У. Ерашэвіч

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт

**ДЗЯРЖАЎНЫ ФІНАНСАВА-БЮДЖЭТНЫ КАНТРОЛЬ У БЕЛАРУСКИХ
ГУБЕРНИЯХ РАСІЙСКОЙ ИМПЕРЫИ В ПЕРШЕЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТ.**

У артыкуле раскрываецца працэс арганізацыі дзяржаўных органаў фінансава-бюджэтнага кантролю на тэрыторыі беларускіх губерняў імператарскай Расіі ў час праўлення імператараў Аляксандра I і Мікалая I. Аўтар, на аснове выкарыстання комплексу разнапланавых апублікаваных нарматыўных прававых актаў і выяўленых упершыню неапублікаваных архіўных дакументаў, вылучыў і прааналізаваў асноўныя кірункі дзейнасці кантралюючых інстанцый па праверцы наяўнасці і захаванасці казённых грашовых фондаў, рэвізіі законнага і мэтавага выкарыстання фінансавых сродкаў дзяржаўнага бюджэту. Адзначаецца, што ў Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. захоўвалася дэцэнтралізаваная сістэма дзяржаўнага фінансавага кантролю і не размяжоўваліся яго прадметы. З інстытутам фінансава-кантрольнай дзейнасці былі звязаны рахункаводства, касавае, бухгалтарскае і злічальна-рэвізійнае праца. У беларускіх губернях пастаянныя фінансавыя рэвізіі ажыццяўлялі злічальныя, а з 1831 г. кантрольныя аддзяленні казённых палат. Арганізацыйна-структурныя рэарганізацыі і перабудовы кантралюючых устаноў не закраналі парадак рэвізійнай дзейнасці. Мадэль незалежнага ад правяраемых і публічнага фінансавага кантролю не была сфарміравана.

Ключавыя словы: беларускія губерні, Расійская імперыя, дзяржаўны фінансава-бюджэтны кантроль, дзяржаўныя фінансы, дзяржаўны бюджэт, фінансавая праверка.

Для цытавання: Ерашэвіч А. У. Дзяржаўны фінансава-бюджэтны кантроль у беларускіх губернях Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 11–15.

A. V. Yerashevich

Belarusian State Economic University

**STATE FINANCIAL AND BUDGETARY CONTROL IN THE BELARUSIAN
PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF
OF THE XIX CENTURY**

This article reveals the process of organization of financial and budgetary control state bodies in the territory of the Belarusian provinces of Imperial Russia under Emperors Alexander I and Nicholas I. The study is based on the use and analysis of complex diversified published regulatory legal acts and discloses for the first time unpublished archival documents. The author identifies and analyzes the main activities of the supervisory authorities to verify the availability and safety of public funds, audit of the legal and targeted use of funds from the state budget. It is noted that in the Russian Empire in the first half of the XIX century the decentralized system of the state financial control remained and its subjects were not delimited. Accounting, cash, and auditing work were connected with the institute of financial and control activities. In the Belarusian provinces, constant financial audits were carried out by the counting and, since 1831, by the control departments of the state chambers. Organizational and structural reorganizations of regulatory agencies did not affect the procedure of audit activities. The model of independent audit and public financial control was not formed.

Keywords: Belarusian provinces, Russian Empire, state financial and budgetary control, public finances, state budget, financial audit.

For citation: Yerashevich A. V. State financial and budgetary control in the Belarusian provinces of the Russian Empire in the first half of the XIX century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 11–15 (In Belarusian).

Уводзіны. Як вядома, у сістэме кіравання дзяржаўнымі фінансамі важнае месца належыць кантрольным мерапрыемствам на ўсіх этапах бюджэтнага працэсу і фінансавых аперацый. Дзяржаўны фінансава-бюджэтны кан-

троль адносна казённых фінансавых актываў звязаны з даходнай і расходнай часткамі дзяржаўнага бюджэту, з пытаннямі бухгалтарскага ўліку (яго арганізацыяй і складаннем справаздач аб выкананні дзяржаўнага

бюджэту), аўдыту (пацвярджэннем, аналізам і ацэнкай верагоднасці даных фінансавай дакументацыі).

Большасць навуковых прац, якія датычацца кантрольна-нагляднай дзейнасці за дзяржаўнымі фінансамі ў імператарскай Расіі першай паловы XIX ст., належаць правазнаўцам і ў пэўнай ступені эканамістам [1; 2; 3]. У іх даследаваннях асноўная ўвага надавалася нарматыўнай прававой базе, формам арганізацыі і працэсу прававога рэгулявання сістэмы разнастайных адміністрацыйных структур дзяржаўных цэнтральных фінансава-кантрольных устаноў, органаў, высвятленню асноўных кірункаў іх фінансавай кантрольна-рэвізійнай дзейнасці. Пытанні ажыццяўлення фінансавага кантролю закраналіся і ўкраінскім гісторыкам Шаўчуком Б. Л. у кантэксце вывучэння структуры, паўнамоцтваў і асноўных тэндэнцый дзейнасці Валынскай казённой палаты ў канцы XVIII – 60-я гг. XIX ст. [4]. У беларускай гістарычнай навуцы адсутнічаюць навуковыя працы, прысвечаныя спецыяльнаму, усебаковому і комплекснаму аналізу фінансавых кантрольных мерапрыемстваў расійскага ўрада ў бюджэтнай сферы на тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст.

Неабходна падкрэсліць, што існуе неадпаведнасць сэнсу паміж базавымі катэгорыямі і паняццямі ў мінулых нарматыўных прававых актах, навукова-даследчай літаратуры і сучасным паняццям тэрміналагічнага апарату. У імператарскай Расіі выкарыстоўвалі паняцце «дзяржаўны кантроль», які ўключаў і фінансавую частку. Пад ім разумелі альбо кантрольна-рэвізійную ўстанову, якая ажыццяўляла праверку, ці сам працэс праверкі выканання рашэння пэўнага дзяржаўнага органа, ці арганізацыю нагляду з мэтай «поверкі».

Асноўная частка. У губернях мясцовыя адміністрацыйныя структуры кантролю за станам дзяржаўных фінансаў арганізаваліся пры казённых палатах. Яны здзяйснялі шэраг фінансава-кантрольных функцый, уключаючы падатковыя, кантрольна-рэвізійныя (фінансавы кантроль дзяржаўных устаноў, службовых асоб, прыватных прамысловых прадпрыемстваў, гандлю), мелі іншыя гаспадарчыя кампетэнцыі. У той жа час захоўвалася частковае аб'яднанне фінансавай часткі з адміністрацыйнай, паколькі рух грашовых сродкаў кантраляваўся не толькі казённымі палатамі, але і губернатарамі.

У абавязкі 6-й экспедыцыі губернскага казначэя казённой палаты ўваходзілі збор звестак пра прыходы і расходы, рэвізіі рахункаў, складанне і адпраўленне штомесячных і т. зв. трэтных (складаліся тройчы ў год) фінансавых ведамасцей у Экспедыцыю аб дзяржаўных даходах пры

Сенаце. Усе дзяржаўныя ўстановы, у якіх адбываўся прыход і расход грошай, павінны былі рабіць са штомесячных рахункаў выпіску для падачы ў казённую палату. Губернскі казначэй быў абавязаны неадкладна правяраць злічальныя выпісы, параўноўваць даходна-расходныя артыкулы з данымі акладных кніг, наглядаць «нет ли какого упущения в сборах, утраты казённых денег или неучасных расходов» [5, т. 21, № 15141, с. 92–93].

Паводле маніфеста ад 08.09.1802, у ліку абавязкаў казённых палат пакідаліся справы нагляду і кантролю за паступленнем казённых падаткаў і збораў, дастаўлення грашовых сум у патрэбныя месцы, захавання казённых грошай. З 1811 г. казённые палаты падпарадкоўваліся ведамству дзяржаўнага казначэя. Згодна з сенацкім указам ад 20.06.1810, члены казённых палат былі абавязаны аглядаць у губернскіх гарадах захаванасць дзяржаўнай грашовай казны [5, т. 31, № 24265, с. 217–219].

06.11.1830 было зацверджана Настаўленне аб парадку справаздачнасці ў казённых палатах і яе экспедыцыях. Фінансавому кантролю казённой палаты належалі губернатары, прадвадзіцелі дваранства і іншыя чыноўнікі адносна расходаў зямскага збору па фінансавых шнуравых кнігах і документах [6, арк. 113 адв.; 7, арк. 376–377 адв.]. Рэвізія месячных ведамасцей рахункаў, прыходна-расходных кніг, гадавых справаздач павятовых казначэйстваў, усіх губернскіх і павятовых прысутных урадавых устаноў і службовых асоб аб прыходзе і расходзе сум, якія паступалі, а таксама перапіска па справах фінансавай праверкі, складанне і паданне гадавой генеральнай фінансавай справаздачы казённой палаты ажыццяўляліся ў яе кантрольным адзяленні на чале з губернскім кантралёрам [8, т. 6–2, № 4833]. Такім чынам, інструкцыя казённым палатам ад 29.09.1831 рэгламентавала парадак справаводства ў іх. У кантрольных адзяленнях казённых палат, якія з 1821 г. знаходзіліся ў падначаленні Дэпартаменту дзяржаўнага казначэйства Міністэрства фінансаў, праводзілася рэвізія грашовых рахункаў усіх дзяржаўных устаноў і службовых асоб. Губернскія і павятовыя ўстановы дасылалі на фінансавую рэвізію ў казённую палату штомесячныя грашовыя ведамасці, а па сканчэнні года – свае бухгалтарскія кнігі і фінансавыя дакументы. На аснове гэтых матэрыялаў казённая палата складала генеральную справаздачу па губерні аб прыходзе, расходзе і рэштках сум. У наступным годзе яна адсылала яе ў дэпартаменты міністэрстваў, якія адпраўлялі ў Дзяржаўны кантроль падрыхтаваныя ім кароткія фінансавыя справаздачы.

Утрыманне служачых у кантрольных адзяленнях казённых палат пэўных беларускіх губерняў адрознівалася з прычыны неаднастайнасці тэрытарыяльных абшараў губерняў і неаднолькавасці колькасці справаводных папер. У кантрольных адзяленнях Мінскай і Магілёўскай казённых палат грашовае ўтрыманне з канца 1830 да сярэдзіны 1848 г. рэальна вырасла ў 7,8 разу, у Гродзенскай і Віцебскай – у 7,3 разу, у Віленскай – у 5,6 разу.

Колькасць справаводнай дакументацыі ў казённых палатах павялічвалася, асабліва ў час бюракратызацыі дзяржаўнага апарату царызму пры імператары Мікалаі І. Калі ў мінулыя 1840–1842 гг. Мінская казённая палата абрэвізавала 22490 кніг, ведамасцей і розных рахункаў, то за 1843–1845 гг. ужо 28646, альбо на 27% больш [9, арк. 24]. Толькі за 1843–1845 гг. кантрольным адзяленнем Мінскай казённой палаты было абрэвізавана 6232 кнігі, 910 справаздач, 8197 розных рахункаў, складзена 360 справаздач, 708 ведамасцей, налічана розных спагнанняў на 35793,15 руб. [9, арк. 21–22; 10, арк. 22–23].

Як правіла, казённые палаты беларускіх губерняў не выяўлялі значных фінансавых дзяржаўных страт. Так, у 1822 г., згодна з параўнаннем даных па ведамасцях і справаздачах Мінскай казённой палаты, была заўважана нязначная розніца ў паступленнях падатковых збораў у Мінскай губерні ў 1812–1816 гг. [11, арк. 126–128]. У справаздачы Мінскай казённой палаты аб акладных даходах за 1820 г. было паказана ў прыходзе 1295567,4 руб., а паводле ведамасцей вылічана 1338503,35 руб., за 1821 г. – адпаведна 1325582,75 і 1374765,22 руб. [12, арк. 357–358, 565–566]. Гэта тлумачылася не толькі недахопам прафесійных рэвізораў са значным грашовым утрыманнем і іх нежаданнем праводзіць скрупулёзныя лічбавыя падлікі па першасных фінансавых дакументах, заўважаць, параўноўваць і аналізаваць прычыны несупадзенняў даных паказанняў прыходаў і выдаткаў грошай у розных тыпах фінансава-справаводных матэрыялаў, але і тым, што назіраліся розныя віды супрацьдзеянняў з боку кантралюемых органаў, якія выяўляліся ў затрымках прысылкі неабходнай фінансавай дакументацыі. Так, Віцебская казённая палата рапартавала 09.08.1827 віцебскаму грамадзянскаму губернатару, што выдаваемыя з павятовых казначэйстваў квітанцыі ў плацяжы дзяржаўных падаткаў і земскіх павіннасцей не заўсёды злічваліся з кнігамі, адпраўляемымі імі на рэвізію ў казённую палату [13, арк. 20–20 адв.].

Такім чынам, рэарганізацыя мясцовых губернскіх фінансава-кантралюючых інстанцый складалася з таго, што ў казённых палатах

экспедыцыі рахункаў былі пераўтвораны ў спецыяльныя кантрольныя адзяленні на чале з губернскімі кантралёрамі. Казённые палаты, якія сумяшчалі функцыі і рахункаводства, і кантрольна-рэвізійнай дзейнасці, па-ранейшаму знаходзіліся ў залежнасці ад губернатараў і генерал-губернатараў. Разам з тым яны мелі шырокае кола фінансавых абавязкаў, уключаючы ўлік падаткаплацельшчыкаў, нагляд за паступленнем дзяржаўных падаткаў і збораў, фінансавы кантроль, рэвізію даных фінансавай справаздачнай дакументацыі.

Права агляду фінансавай часткі афіцыйных устаноў падначаленых ім тэрыторый мелі генерал-губернатары, ваенныя і грамадзянскія губернатары і іх упаўнаважаныя. Урадавымі чыноўнікамі ў казённых палатах і павятовых казначэйствах праводзіліся агляды наяўнасці грашовых сум (манет, папярковых знакаў кошту), афіцыйных бланкаў розных відаў дзяржаўных дакументаў (паперы, пашпартоў, пасведчанняў, білетаў, ярлыкоў, квітанцый, бандэролей на тытунь, абавязацельных дакументаў). У выніку рэвізій прысутных устаноў выяўляліся факты налікаў, злоўжыванняў з боку чыноўнікаў. Падчас агляду ўрадавымі чыноўнікамі казённых палат заўважаліся выпадкі адступленняў ад законнага парадку вядзення афіцыйнай фінансавай справаздачнасці, адсутнасці ўліковых дакументаў, розніцы і несупадзення фінансавых паказчыкаў у ведамасцях, кнігах, рахунках, адзначаліся факты адсутнасці праверак дакументацыі аб прыходзе і расходзе грошай, цяганіны ў руху афіцыйных спраў і папер, рас траты казённых сум і маёмасці. Так, у Мінскай казённой палаце да 1824 г. шмат спраў, кніг і рахункаў было неабрэвізавана амаль з часу адкрыцця губерні і на працягу 26 гадоў большая іх частка была ўвогуле неправерана. Галоўную прычыну падобнай з’явы шукалі ў недахопе кантралёраў, прыдатных да занятку месцаў, сталанаачальнікаў і нават іх памочнікаў, якія ведалі б сутнасць справаводства і пісьмаводства на рускай мове. Некалькі разоў рабіліся спробы запрашэння чыноўнікаў з унутраных вялікарасійскіх губерняў, якім абяцалі павялічыць аклады жалавання звыш штату, аднак жадаючых адшукаць не змаглі [14, арк. 117 адв.].

Яшчэ аднымі інстытутам і інструментам урадавага знешняга кантролю, якія закраналі дзяржаўныя фінансы, выступалі арганізаваныя Пецярбургам сенатарскія, міністэрскія рэвізіі, інспекцыі спецыяльных царскіх упаўнаважаных і асабістых паездкі (візіты) імператараў.

У час праверкі ў 1830 г. Віцебскай казённой палаты чыноўнік Міністэрства фінансаў стацкі

саветнік Галубцоў выказаў шэраг заўваг: у ёй адсутнічалі квітанцыйныя бланкі прыходу і расходу сум у кнізе пра гербавую паперу, не тлумачыліся віды паступленняў асігнацыямі і меднай манетай, назіралася розніца ў відах дзяржаўных даходаў па асобных павятовых казначэйствах за пэўныя месяцы [15, арк. 11 адв., 12 адв., 18–18 адв.].

Сенатарскіх рэвізій у беларускіх губернях імператарскай Расіі ў першай палове XIX ст. было няшмат. Інструкцыі сенатарам для агляду губерняў ад 01.08.1805 прадугледжвалі і фінансавую праверку казённых палат [16, арк. 339–340]. У час рэвізіі сенатарам генерал-лейтэнантам Ахлестышавым у 1853 г. канцылярыі віцебскага губернатара было выяўлена, што адпаведна даным кніг у прыходзе не аказалася ад розных дзяржаўных устаноў і службовых асоб з 1847 г. па 01.06.1853 сум у памеры 25766,36 руб., якія павінны былі паступіць [17, арк. 66 адв.].

Заклучэнне. У Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. захоўвалася дэцэнтралізаваная сістэма дзяржаўнага фінансавага кантролю і не размяжоўваліся яго прадметы. З інстытутам фінансава-кантрольнай дзейнасці былі звязаны рахункаводства, касавая, бухгалтарская і злічальна-рэвізійная праца. Па сутнасці, і фінансавы, і бюджэтны, і падатковы кантроль быў злучаны ў адзін. Спецыфікай фінансава-кантрольных адносін было тое, што ў той час адсутнічаў дакладны падзел дзяржаўнага бюджэту ў гэтым ракурсе на даходную (дзяржаўныя падаткі і зборы), расходную (фінансаванне і крэдытаванне за кошт даходаў) і фінансава-кантрольную часткі (праверка мабілізацыі, руху і размеркавання дзяржаўных грашовых сродкаў, прыходу і расходу фінансавых рэсурсаў дзяржаўных устаноў).

Механізм рэалізацыі паўнамоцтваў сістэмы ведамаснага фінансавага кантролю заключаўся ў тым, што ніжэйшыя губернскія і павятовыя ўладныя інстанцыі фіксавалі грашовыя абароты па прыходах і расходах, вялі бухгалтарскія кнігі, складалі гадавыя фінансавыя справаздачы. У кантрольных аддзяленнях казённых палат праводзілася фінансавая рэвізія па сапраўдных дакументах.

У беларускіх губернях мэтанакіраванага, сістэматызаванага, пастаяннага фінансавыя рэвізіі ажыццяўлялі злічальныя, а з 1831 г. кантрольныя аддзяленні казённых палат, у якія ўсе дзяржаўныя губернскія і павятовыя ўстановы павінны былі адпраўляць для дакументальнай праверкі штомесечныя фінансавыя ведамасці, справаздачы, кнігі, рахункі, іншыя дакументы. У казённых палатах складаліся агульныя фінансавыя справаздачы, якія пасылаліся спачатку для разгляду і праверкі ў дэпартаменты профільных міністэрстваў, а потым у Дзяржаўны кантроль. Казённым палатам ажыццяўлялі дзяржаўны фінансавы кантроль у формах папярэдняга, бягучага і наступнага шляхам складання справаздач на аснове касавых бухгалтарскіх кніг, фінансавых дакументаў і рахункаў. Выканаўча-распарадчыя ўстановы, уключаючы казённые палаты, займаліся самаправеркамі. У дадатак, спецыяльную праверку і рэвізію дзяржаўных фінансавых рэсурсаў, але аднаразова і нерэгулярна, маглі ажыццяўляць упаўнаважаныя службовыя асобы генерал-губернатараў, губернатараў, прадстаўнікі Сената, профільных міністэрстваў, давераныя асобы імператараў ці яны самі ў час асабістых паездак.

Мадэль незалежнага ад правяраемых і публічнага фінансавага кантролю ў разглядаемых перыяд не была сфарміравана.

Спіс літаратуры

1. Лагутин И. Б. Государственный финансовый контроль в Российской империи в первой половине XIX века. Курск: Курский гос. ун-т, 2006. 132 с.
2. Лагутин И. Б. Финансовый контроль в Российской империи: эволюция правового регулирования в первой половине XIX века. Saarbrücken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. 152 с.
3. Мизинцева В. В. Государственный финансовый контроль в Российской империи в XIX веке // История науки и техники. 2011. № 5. С. 45–52.
4. Шевчук Б. Л. Здійснення фінансового контролю Волинською казенною палатою наприкінці XVIII – 1860-х рр. XIX ст. // Волинські історичні записки: збірник наукових праць. 2010. Т. 4. С. 132–140.
5. Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной его императорского величества канцелярии, 1830 (ПСЗ-1).
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 7594.
7. НГАБ. Ф. 333. Воп. 1. Спр. 710.
8. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е с 1825 по 1881 г.: в 55 т. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1884.
9. НГАБ. Ф. 333. Воп. 25. Спр. 111.
10. НГАБ. Ф. 333. Воп. 25. Спр. 110.
11. НГАБ. Ф. 333. Воп. 1. Спр. 730.

12. НГАБ. Ф. 333. Воп. 1. Спр. 733.
13. НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 946.
14. НГАБ. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 5296.
15. НГАБ. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4641.
16. НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 51.
17. НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 25436.

References

1. Lagutin I. B. *Gosudarstvennyy finansovyy kontrol' v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka* [State financial control in the Russian Empire in the first half of the XIX century]. Kursk, Kurskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2006. 132 p. (In Russian).
2. Lagutin I. B. *Finansovyy kontrol' v Rossiyskoy imperii: evolyutsiya pravovogo regulirovaniya v pervoy polovine XIX veka* [Financial control in the Russian Empire: the evolution of legal regulation in the first half of the 19th century]. Saarbrücken, Germany, LAP Lambert academic Publishing, 2010. 152 p. (In Russian).
3. Mizintseva V. V. State financial control in the Russian Empire in the XIX century. *Istoriya nauki i tekhniki* [History of science and technology], 2011, no. 5, pp. 45–52 (In Russian).
4. Shevchuk B. L. Implementation financial control of the Volyn State Chamber in the late XVIII – 1860s of the XIX century. *Volins'ki istorichni zapiski: zbirnik naukovikh prats* [Volyn historical notes: Collection scientific work], 2010, vol. 4, pp. 132–140 (In Ukrainian).
5. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRE)]. St. Petersburg, Tipografiya 1-go otdeleniya sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii Publ., 1830 (In Russian).
6. National Historical Archive of Belarus (NHAB). Fund 1297. I. 1. F. 7594.
7. NHAB. Fund 333. I. 1. F. 710.
8. *PSZ* [CCLRE)]. St. Petersburg, Tipografiya 2-go otdeleniya sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830–1884. (In Russian).
9. NHAB. Fund 333. I. 25. F. 111.
10. NHAB. Fund 333. I. 25. F. 110.
11. NHAB. Fund 333. I. 1. F. 730.
12. NHAB. Fund 333. I. 1. F. 733.
13. NHAB. Fund 1430. I. 1. F. 946.
14. NHAB. Fund. 1297. I. 1. F. 5296.
15. NHAB. Fund 1297. I. 1. F. 4641.
16. NHAB. Fund 295. I. 1. F. 51.
17. NHAB. Fund 1430. I. 1. F. 25436.

Інфармацыя пра аўтара

Ерашэвіч Аляксандр Уладзіміравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай гісторыі. Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт (220070, г. Мінск, Партызанскі пр-т, 26, Рэспубліка Беларусь). E-mail: erash06@rambler.ru

Information about the author

Yerashevich Aliaksandr Vladimirovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor of Department of Economic History. Belarusian State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: erash06@rambler.ru

Пасмуніў 02.09.2022

УДК 331.1:334.712(476)

Г. В. Алексашина

Белорусский государственный экономический университет

СОСТАВ НАЕМНЫХ РАБОЧИХ РЕМСЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МИНСКА И РЕГУЛИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ИХ ТРУДА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

На основе статистических источников рассмотрены численность, профессиональный состав и состав по виду производства наемных рабочих ремесленных мастерских Минска в 1895, 1898, 1908 гг. и их изменение в динамике. Определен удельный вес наемных рабочих по видам производства и профессиям в общем составе рабочих ремесленных мастерских. В конце XIX – начале XX в. наблюдался постоянный устойчивый рост численности наемных рабочих ремесленных мастерских Минска. Они составляли значительную часть промышленных рабочих города. Большинство рабочих были заняты производством одежды, товаров для дома и в строительстве. Порядок деятельности ремесленных заведений в конце XIX – начале XX в., а также труд наемных работников в них регламентировался Уставом ремесленным 1879 г. лица, занятые наемным трудом у ремесленников, определялись действующим законодательством как ремесленные работники. В рассматриваемый период были приняты правовые нормы, регулировавшие труд наемных работников. Законодательно была ограничена продолжительность рабочего дня для детей и подростков, занятых в производстве, установлена ответственность предпринимателей за исполнение закона, усилен контроль за соблюдением правовых норм со стороны властей.

Ключевые слова: история, город, Беларусь, ремесленное производство, наемный рабочий, законодательство.

Для цитирования: Алексашина Г. В. Состав наемных рабочих ремесленных предприятий Минска и регулирование условий их труда (конец XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 16–20.

G. V. Alexashina

Belarus State Economic University

THE COMPOSITION OF HIRED WORKERS OF HANDICRAFT ENTERPRISES IN MINSK AND THE REGULATION OF THEIR WORKING CONDITIONS (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

On the basis of statistical sources, the number, professional composition and composition by type of production of hired workers of craft workshops in Minsk in 1895, 1898, 1908 and their changes in dynamics are considered. The specific weight of hired workers by types of production and professions in the total composition of workers of craft workshops is determined. At the end of the XIX – beginning of the XX century, there was a constant steady increase in the number of hired workers of craft workshops in Minsk. They made up a significant part of the city's industrial workers. Most of the workers were engaged in the production of clothing, household goods and in construction. The order of activity of handicraft establishments in the late nineteenth and early twentieth centuries, as well as the work of hired workers in them, was regulated by the Craft Charter of 1879. Persons engaged in hired labor for artisans were defined by the current legislation as artisan workers. During the period under review, legal norms regulating the work of employees were adopted. The length of the working day for children and adolescents engaged in production was limited by law, the responsibility of entrepreneurs for the implementation of the law was established, control over compliance with legal norms by the authorities was strengthened.

Keywords: history, city, Belarus, craft production, employed worker, legislation.

For citation: Alexashina G. V. The composition of hired workers of handicraft enterprises in Minsk and the regulation of their working conditions (late XIX – early XX century). *Proceedings of BSTU, issue. 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 16–20 (In Russian).

Введение. В конце XIX – начале XX в. ремесленное производство занимало значительное место в промышленности Минска. Рабочие ремесленных предприятий составляли весомую часть всех рабочих промышленности города, поэтому изучение их численности, состава и

условий труда представляет несомненный интерес. В отечественной историографии эти вопросы не получили должного освещения, что актуализирует данное исследование [1; 2]. Целью работы является изучение численности и профессионального состава наемных рабочих

ремесленных мастерских Минска, анализ правовых актов, регламентировавших их труд. В статье использовались данные, собранные Минским губернским статистическим комитетом за 1895, 1898, 1908 гг., а также нормативно-правовые документы Российской империи.

Основная часть. В материалах губернских статистических комитетов профессии ремесленников, наемных работников, сгруппированы

в 4 раздела: первый объединяет ремесленников, занимавшихся производством продуктов питания, второй – одежды, третий – товаров для дома и строительством, к четвертому отнесены ремесленники, не вошедшие в первые три раздела.

В 1895 г. общая численность наемных рабочих ремесленных мастерских Минска составила 1808 человек (таблица).

Численность, состав по виду производства и профессиям наемных рабочих ремесленных мастерских Минска и их изменение в динамике за 1895–1908 гг.

Профессия	Годы						Изменение, %		
	1895		1898		1908		1989 г.	1908 г.	1908 г.
	Число	%	Число	%	Число	%	к 1895 г.	к 1898 г.	к 1895 г.
1. Производство продуктов питания									
Хлебник	93	5,1	107	5,5	209	8,5	+15,1	+95,3	+124,7
Булочник	114	6,3	115	6,0	182	7,4	+0,9	+58,3	+59,6
Мясник	102	5,6	113	5,8	72	2,9	+10,8	–36,3	–29,4
Кондитер	35	1,9	28	1,4	13	0,5	–20,0	–53,6	–62,9
<i>Всего</i>	344	19,0	363	18,8	476	19,3	+5,5	+31,1	+38,4
2. Производство одежды									
Портной	295	16,3	356	18,4	399	16,2	+20,7	+12,1	+35,3
Сапожник	265	14,7	315	16,3	329	13,3	+18,9	+4,4	+24,2
Модистка	80	4,4	67	3,5	90	3,6	–16,2	+34,3	+12,5
Шляпник	40	2,2	42	2,2	53	2,1	+5,0	+26,2	+32,5
Перчаточник	22	1,2	17	0,9	26	1,1	–22,7	+52,9	+18,2
<i>Всего</i>	702	38,8	797	41,3	897	36,3	+13,5	+12,5	+27,8
3. Производство товаров для дома и строительство									
Печник	64	3,5	107	5,5	103	4,2	+67,2	–3,7	+60,9
Трубочист	35	1,9	38	2,0	30	1,2	+8,6	–21,1	–14,3
Столяр	88	4,9	112	5,8	64	2,6	+27,3	–42,9	–27,3
Плотник	70	3,9	58	3,0	70	2,8	–17,1	+20,7	0,0
Бондарь	21	1,2	25	1,3	34	1,4	+19,0	+36,0	+61,9
Слесарь	64	3,5	41	2,1	55	2,2	–35,9	+34,1	–14,1
Кузнец	71	3,9	50	2,6	98	4,0	29,6	+96,0	+38,0
Медник	20	1,1	22	1,1	27	1,1	+10,0	+22,7	+35,0
Жестянщик	37	2,0	55	2,8	69	2,8	+48,6	+25,5	+86,5
Ружейник	15	0,8	7	0,4	12	0,5	–53,3	+71,4	–20,0
Красильщик	22	1,2	23	1,2	41	1,7	+4,5	+78,3	+86,4
Стекольщик	9	0,5	10	0,5	24	1,0	+11,1	+140,0	+166,7
Серебряник	8	0,4	10	0,5	21	0,9	+25,0	+110,0	+162,5
Часовщик	32	1,8	33	1,7	1	0,04	+3,1	–97,0	–96,9
Резчик	4	0,2	6	0,3	22	0,9	+50,0	+266,7	+450,0
Шорник	31	1,7	32	1,7	39	1,6	+3,2	+21,9	+25,8
Каретник	12	0,7	21	1,1	43	1,7	+75,0	+104,8	+258,3
Литограф	25	1,4	29	1,5	22	0,9	+16,0	–24,1	–12,0
Фотограф	10	0,6	17	0,9	39	1,6	+70,0	+129,4	+290,0
<i>Всего</i>	638	35,3	696	36,0	814	33,0	+9,1	+17,0	+27,6
4. Прочие									
Извозчики	124	6,9	76	3,9	247	10,0	–38,7	+225,0	+99,2
Разнорабочие	–	–	–	–	35	1,4	–	–	–
<i>Всего</i>	124	6,9	76	3,9	282	11,4	–38,7	+271,1	+127,4
<i>Итого</i>	1808	100,0	1932	100,0	2469	100,0	+6,9	+27,8	+36,6

Примечание. Составлено по источникам: [3, л. 26 об.; 4, л. 221 об.; 5, л. 526 об.].

Из них большинство шило одежду (702 человека, или 38,8%). Следующая по численности группа – работники, производившие товары для дома и занятые строительством (638 человек, или 35,3%). Рабочих, выпускавших продукты питания, насчитывалось 295 (16,3%). Меньшинство рабочих относилось к группе «прочие», в которую вошли извозчики (124 человека, или 6,9%). Среди всех профессий наибольшие по численности группы составили портные (295 человек, или 16,3%) и сапожники (265, или 14,7%). Удельный вес извозчиков, булочников, мясников и хлебников колебался в пределах 6,9–5,1%. Доля всех остальных профессиональных групп была невелика и составляла менее 5%, а ружейников, каретников, фотографов, стекольщиков, серебряников и резчиков – менее 1%.

В 1898 г. общее число рабочих ремесленных мастерских Минска выросло до 1932 человек, из которых, по-прежнему большинство шили одежду – 797 (41,3%). Близкой к ним по численности и удельному весу группой были рабочие, занятые в производстве товаров для дома и строительстве – 696 (36,0%). В мастерских, выпускавших продукты питания, насчитывалось 363 работника (18,8%), прочих – 76 (3,9%). Как и в 1895 г., наибольшие по численности группы составили портные – 356 (18,4%) и сапожники – 315 (16,3%). Как и ранее, в пределах 6–5% колебался удельный вес булочников, мясников, хлебников. Менее 4% составляли доли других профессиональных групп, в том числе менее 1% – тех же профессий (плюс перчаточники), что и в 1895 г.

В 1908 г. общее число рабочих, занятых в ремесленной промышленности Минска, составляло уже 2469 человек, из них 897 (36,3%) рабочих шили одежду, 814 (33,0%) – выпускали товары для дома и занимались строительством, 476 (19,3%) производили продукты питания.

Анализ динамики численности рабочих ремесленных мастерских Минска показал, что в 1898 г. в сравнении с 1895 г. их число увеличилось на 6,9%, в 1908 г. в сравнении с 1898 г. – на 27,8%, в 1908 г. в сравнении с 1895 г. – на 36,6%. Тенденция увеличения числа рабочих была характерна для таких групп, как производство продуктов питания, одежды, товаров для дома и строительство.

В 1908 г. в сравнении с 1895 г. число рабочих в ряде профессий сократилось: больше всего среди часовщиков (в 32 раза).

В 1913 г. в Минске насчитывалось уже 2987 рабочих ремесленных мастерских, из которых 532 (17,8%) были заняты в производстве продуктов питания, 1004 (33,6%) – одежды, 1311 (43,9%) – товаров для дома и строительстве, 140 (4,7%) относились к группе «прочие» [6, с.18]. Как и раньше, основная масса наемных

работников была сосредоточена в строительных профессиях, производстве товаров для дома и одежды. Однако теперь удельный вес занятых производством товаров для дома и в строительстве превысил долю занятых в производстве одежды, что объяснялось, отчасти, активным жилищным строительством, развернувшимся в Минске в эти годы. В целом в 1913 г. в сравнении с 1895 г. численность наемных работников ремесленных мастерских Минска возросла в 1,7 раза. Всего в промышленном производстве города в 1913 г. насчитывалось 9,9 тыс. человек [7, с. 123]. Следовательно, рабочие ремесленных мастерских составляли почти треть (30,2%) всех промышленных рабочих Минска.

В рассматриваемый период происходили изменения в законодательном регулировании труда рабочих ремесленных предприятий. До 1890 г. ремесленники Минска объединялись в цеховую организацию, препятствовавшую свободной конкуренции. В 1890 г. цеховая ремесленная управа Минска была заменена упрощенной. Цехи перестали существовать как самостоятельные единицы, а слово «цехи» в официальной документации заменялось словом «ремесла». Мастера стали называться ремесленниками, а подмастерья – ремесленными рабочими. Организация ремесленного производства была частично приспособлена к новым условиям.

Порядок деятельности ремесленных заведений в конце XIX – начале XX в., а также труд наемных работников в них регламентировался Уставом ремесленным 1879 г., включенным затем в Устав о промышленности 1893 г. Лица, занятые наемным трудом у ремесленников, определялись действующим законодательством как ремесленные работники и не имели права заниматься ремеслом самостоятельно. Закон разрешал принимать в качестве ремесленных работников не только взрослых, но и детей с разрешения родителей или опекунов. Свое звание ремесленный работник получал на основании письменного удостоверения работодателя, засвидетельствованного ремесленной Управой. Рабочая неделя ремесленного работника составляла шесть дней. Отмечалось, что в воскресенье и важнейшие православные праздники ремесленники не должны работать без необходимости. Только евреям-мастерам разрешалось работать в эти дни. Рабочий день ремесленных работников продолжался с 6.00 до 18.00 с 30-минутным перерывом на завтрак и полуторачасовым перерывом на обед и отдых [8, с. 77–83].

Установленная продолжительность рабочего дня почти нигде не соблюдалась из-за отсутствия надлежащего контроля. Ремесленные управы сквозь пальцы смотрели на грубые нарушения законов о ремесленном труде, занимая сторону

предпринимателей при решении конфликтных ситуаций с рабочими. Функции контролирующего органа исполнялись фактически самими предпринимателями или их представителями, избранными в органы ремесленного управления. Рабочий день в ремесленных мастерских значительно превышал установленную норму, фактически составлял 15–16 часов. Рабочие трудились в подвалах или других непригодных помещениях, где размещались мастерские [2, с. 45]. Санитарный врач Минска Дулевич С. И. докладывал на Третьем съезде врачей Минской губернии, что пекарни в городе размещаются в частных квартирах, где «господствует грязь, вонь, теснота, недостаток света и воздуха. Пекари тут же живут, спят. Дети, кошки, домашние вещи, масса посторонних вещей, грязное платье и белье – вот картина многих наших пекарен» [9, с. 47].

1 июня 1882 г. был принят закон «О малолетних, которые работают на заводах, фабриках и мануфактурах» [10]. По усмотрению властей закон мог быть применен в ремесленных заведениях. Согласно его положениям, дети, не достигшие 12-летнего возраста, к работам не допускались. Малолетним считался работник в возрасте от 12 до 15 лет. Они должны были работать не более 8 часов в сутки, не включая время на завтрак, обед и ужин, а также на отдых и посещение школы. Работа не должна была продолжаться более 4 часов подряд. Запрещались ночные работы детей в возрасте менее 15 лет, в праздничные и воскресные дни. В случае отсутствия у работника образования в рамках одного курса в одноклассном народном или равном ему училище, владельцы предприятий должны были предоставить ему возможность посещения названных учебных учреждений не менее 3 часов ежедневно или 18 часов в неделю. Ответственность за соблюдение закона возлагалась на фабричную инспекцию.

Архивные материалы содержат сведения о попытках регулирования труда детей и подростков в ремесленных предприятиях городскими властями. Так, в апреле 1892 г. Минская городская управа сообщала о наличии в городе мастерских, где работают дети. Отмечалось, что «малолетние по принуждению своих хозяев работают по ночам, подрывая тем свое здоровье» [11, л. 2–3]. Избранная комиссия по надзору за трудом малолетних, изучив ситуацию, доложила, что дети работают в среднем по 13 часов в сутки [11, л. 59]. В том же году в Минске были

избраны попечители малолетних. Однако их попытки улучшить положение детей, работающих в ремесленных мастерских, к положительным результатам не привели.

19 ноября 1906 г. Николай II утвердил положение Совета Министров «Об обеспечении нормального отдыха служащих в ремесленных заведениях». Положение подтверждало 12-часовой рабочий день служащих и 2-часовой перерыв на отдых. Регламентировалось время сверхурочных работ: оно составляло не более двух часов в сутки в течение не более 60 дней в году. Сверх определенного законом времени работы допускались только в случае чрезвычайных обстоятельств. Положение определяло право ремесленных служащих, не достигших 17-летнего возраста, освобождаться в будние дни для посещения школ. За нарушение норм о продолжительности и распределении рабочего времени устанавливались санкции в отношении владельцев или управляющих заведениями. Они могли быть арестованы на срок до одного месяца или оштрафованы в размере до 100 рублей. Контроль за исполнением закона в городах принадлежал городским управам и участковым попечителям, избираемым городскими думами, а также полиции [12, с. 986–988].

Заключение. В конце XIX – начале XX в. наблюдался постоянный устойчивый рост численности наемных рабочих ремесленных мастерских Минска, которые к 1913 г. составили почти третью часть промышленных рабочих города. Большинство ремесленных рабочих были заняты в производстве одежды (а именно, портные и сапожники), товаров для дома и в строительстве. Стремясь удовлетворить растущий спрос горожан на продукты питания, одежду и другие товары и услуги, ремесленники расширяли производство и нанимали работников. Недорогая продукция и услуги ремесленников пользовались немалым спросом: низкие цены на них соответствовали невысокой покупательной способности населения.

В рассматриваемый период в городах Беларуси нормативно-правовая база, регламентирующая условия труда наемных работников ремесленных предприятий, была расширена: ограничено рабочее время ремесленных работников, определено право детей и подростков, занятых в мастерских, на получение образования и обеспечен относительно независимый от предпринимателей контроль исполнения законов.

Список литературы

1. Абезгауз З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900–1913 гг.). Минск: Наука и техника, 1977. 168 с.
2. Бич М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. Минск: Наука и техника, 1983. 280 с.
3. НИАБ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 74. Статистические сведения о фабриках и заводах, числе ремесленников, населения по сословиям и вероисповеданиям, родившихся, бракосочетавшихся и умерших,

зданий в городах и уездах, за исключением церквей и др. богослужебных зданий по городам и уездам за 1895 г. 1895–1896 гг.

4. НИАБ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 89. Материалы к отчету о состоянии Минской губернии за 1898 г. (ведомости, таблицы, рапорты). 1898.

5. НИАБ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 118. Материалы к отчету о состоянии Минской губернии за 1908 г. (ведомости, таблицы, рапорты). 1908 г.

6. Обзор Минской губернии за 1913 г. Минск: Губ. тип., 1914. 72 с.

7. Шибеко З. В. Минск в конце XIX – начале XX в.: очерк социально-экономического развития. Минск: Наука и техника, 1985. 151 с.

8. Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). СПб., 1896. 312 с.

9. Дулевич С. И. Санитарное состояние г. Минска // Труды третьего съезда врачей Минской губернии, 9–12 января 1914 г. / Общество минских врачей; под ред. М. А. Поляка. Минск: Электротип. Илья Каплан, 1914. С. 42–51.

10. Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. Собр. 3-е. СПб., 1886. Т. 2. 1139 с.

11. НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2322. Дело об образовании и деятельности комиссии по надзору за трудом малолетних рабочих. 1892–1897 гг.

12. Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. 26. 1141 с.

References

1. Abezgauz Z. E. *Rabochiy klass Belorussii v nachale XX v. (1900–1913 gg.)* [The working class of Belarus in the early twentieth century (1900–1913)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1977. 168 p. (In Russian).

2. Bich M. O. *Rabocheye dvizheniye v Belorussii v 1861–1904 gg.* [The labor movement in Belarus in 1861–1904]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1983. 280 p. (In Russian).

3. NIAB. Fund 21. I. 1. F. 74.

4. NIAB. Fund 21. I. 1. F. 89.

5. NIAB. Fund 21. I. 1. F. 118.

6. *Obzor Minskoy gubernii za 1913 g.* [Overview of the Minsk province for 1913]. Minsk, Gub. tip. Publ., 1914. 72 p. (In Russian).

7. Shibeko Z. V. *Minsk v kontse XIX – nachale XX v.: ocherk sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Minsk in the late XIX – early XX century: An essay on socio-economic development]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1985. 151 p. (In Russian).

8. *Ustav o promyshlennosti (fabrichnoy, zavodskoy i remeslennoy i ustav probirnyy)* [The Charter of the industry]. St. Petersburg, 1896. 312 p. (In Russian).

9. Dulevich S. I. Sanitary condition of Minsk. *Trudy tret'yego s'yezda vrachey Minskoy gubernii, 9–12 yanvarya 1914 g.* [Proceedings of the Third Congress of Doctors of the Minsk province, January 9–12, 1914]. Minsk, Elektrotip. Il'ya Kaplan Publ., 1914, pp. 42–51 (In Russian).

10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1886, vol. 2. 1139 p. (In Russian).

11. NIAB. Fund 1. I. 1. F. 2322.

12. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1909, vol. 26. 1141 p. (In Russian).

Информация об авторе

Алексашина Галина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: gal1na@tut.by

Information about the author

Alexashina Galina Vyacheslavovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarus State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: gal1na@tut.by

Поступила 05.09.2022

УДК 37.014:37.1.08(476) «19»

В. М. Астрога

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АДУКАЦЫЙНАЯ І КАДРАВАЯ ПАЛІТЫКА ЦАРЫЗМУ Ў БЕЛАРУСІ
Ў ПАЧАТКУ XX СТ.**

У артыкуле разглядаецца адукацыйная і кадравая палітыка царызму ў Беларусі ў пачатку XX ст. Вывучэнне дадзенай праблемы дае магчымасць больш поўна і глыбока даследаваць развіццё сістэмы народнай адукацыі, паказаць ролю грамадска-педагагічнага руху ў барацьбе з рэакцыйнай лініяй самаўладдзя. На канкрэтных прыкладах аўтар паказвае, што курс урада быў накіраваны на захаванне саслоўнай школы і існуючых парадкаў. Аналізуюцца статыстычныя даныя аб колькасці навучальных устаноў, вучняў і настаўнікаў. На канкрэтных даных прыводзіцца «паказчык увагі» дзяржавы да школы і яе настаўніка. Падкрэсліваецца дваістасць і непасрэднасць урадавай адукацыйнай палітыкі, яе саслоўны характар і нерашучасць у многіх пачыненнях, спазненне за тэмпам і ўзроўнем развіцця ў параўнанні з краінамі Захаду. Асноўныя палажэнні і вывады грунтуюцца на аналізе нарматыўна-прававых актаў, даных статыстыкі, матэрыялаў перыядычнага педагагічнага друку і архіўных крыніц.

Ключавыя словы: адукацыйная палітыка царызму, навучальныя ўстановы, настаўніцтва, Віленская навучальная акруга, грамадска-педагагічны рух, сістэма народнай асветы.

Для цытавання: Астрога В. М. Адукацыйная і кадравая палітыка царызму ў Беларусі ў пачатку XX ст. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 21–26.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**EDUCATIONAL AND PERSONNEL POLICY OF CZARISM IN BELARUS
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article examines the educational and personnel policy of tsarism in Belarus at the beginning of the 20th century. The study of this problem provides an opportunity to more fully and deeply investigate the development of the public education system, to show the role of the social-pedagogical movement in the fight against the reactionary line of self-government. Using specific examples, the author shows that the course of the government was aimed at preserving the class school and the existing order. Statistical data on the number of educational institutions are analyzed. Pupils and teachers. Specific data shows the state's «attention rate» to the school and its teacher. Emphasized the duality and inconsistency of the government's educational policy, its class character and indecisiveness in many undertakings, lagging behind the pace and level of development compared to Western countries. The main provisions and conclusions are based on the analysis of regulatory and legal acts, statistical data, materials of periodical pedagogical publications and archival sources.

Keywords: educational policy of tsarism, educational institutions, mentoring, Vilnius educational district, social and pedagogical movement, system of public education.

For citation: Ostroga V. M. Educational and personnel policy of czarism in Belarus at the beginning of the XX century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 21–26 (In Belarusian).

Уводзіны. Народная асвета ў другой палове XIX – пачатку XX ст. адставала ад патрабаванняў часу і становілася відавочнай перашкодай на шляху эканамічнага і культурнага прагрэсу. На павестку дня востра паўставала праблема ўвядзення ўсеагульнай адукацыі і, наогул, карэннай перабудовы школы з мэтай прывядзення яе ў адпаведнасць з культурнымі патрэбамі грамадства. Дзяржаўная адукацыйная палітыка непасрэдна ўплывала на тэорыю і практыку навучальнага і выхаваўчага працэсу, яе накі-

рункі, метады і сродкі ажыццяўлення выступалі ў якасці непасрэднага ўвасаблення палітычных устаноў разглядаемага часу. Нягледзячы на спробы мадэрнізацыі і рэфармавання, сістэма народнай асветы Беларусі характарызавалася строгім кантролем з боку міністэрскіх чыноўнікаў, адсутнасцю вышэйшых навучальных устаноў і пераемнасці паміж пачатковай і сярэдняй школамі, захаваннем прывілей для маёмасных слаёў у атрыманні сярэдняй адукацыі, шматтыпнасцю ніжэйшых навучальных

устаноў, іх падначаленасцю розным міністэрствам і ведамствам.

Асноўная частка. На тэрыторыі Беларусі развіццё адукацыі мела некаторыя адрозненні ў параўнанні з арганізацыяй сістэмы асветы ў цэнтральных расійскіх губернях. Асноўныя накірункі развіцця народнай адукацыі і кадравага забеспячэння ў многім вызначала нарматыўна-прававая база, выпрацаваная і замацаваная царызмам ў другой палове XIX ст.: для Віленскай навучальнай акругі захоўваліся асобыя палажэнні, правілы, статуты, сваё адміністрацыйнае кіраванне і розныя крыніцы адкрыцця і ўтрымання навучальных устаноў. Расходы на народную асвету ў беларускіх губернях адрозніваліся сваёй мізэрнасцю: згодна з данымі на 1 студзеня 1899 г., у Віцебскай губерні на душу насельніцтва яны складалі 25,5 кап., Гродзенскай – 19,3 кап., Мінскай – 18,7, Магілёўскай – 10,8 (у іншых губернях Расіі, для параўнання, у сярэднім 36,1 кап.) [1, с. 52–53].

У пачатку XX ст. сістэма ніжэйшых навучальных устаноў заставалася складанай і налічвала 17 тыпаў [2, с. 125]. Характэрнай адметнасцю развіцця народнай адукацыі Беларусі з’яўлялася тое, што ў гэты час тут дзейнічала значна больш пачатковых навучальных устаноў ведамства Св. Сінода, чым міністэрскіх. Урад, у сваю чаргу, імкнуўся да іх пашырэння ў губернях з перавагай праваслаўнага насельніцтва (Магілёўскай, Віцебскай і Мінскай). Гэта знайшло адлюстраванне ў іх падтрымцы і фінансаванні. На піку свайго развіцця ў 1905 г. працавала 4990 царкоўных школ з 156 812 навучэнцамі. Пасля рэвалюцыі іх колькасць паступова скарацілася з 4027 школ з 143 670 навучэнцамі ў 1908 г. да 2813 школ з 136 900 навучэнцамі ў 1914 г. [3, с. 374].

Дастаткова хуткімі тэмпамі пачала развівацца сетка пачатковых народных вучылішчаў, якія знаходзіліся ў падпарадкаванні Міністэрства народнай асветы. Іх колькасць узрасла з 1314 (106 196 навучэнцаў) у 1905 г. да 4784 (304 745 навучэнцаў) у 1914 г. Сярод іх найбольш распаўсюджанымі былі вясковыя аднакласныя народныя вучылішчы. Значна павялічылася і колькасць гарадскіх вучылішчаў: з 39 да 82, а вучняў – з 7344 да 12 432 чалавек [3, с. 371, 379]. Нягледзячы на магчымасць атрымання павышанай пачатковай адукацыі, выпускнікі гарадскіх вучылішчаў не мелі права пераходу ў сярэднія навучальныя ўстановы.

Сістэму ніжэйшай адукацыі Віленскай навучальнай акругі дапаўняла таксама значная колькасць яўрэйскіх вучылішчаў – 3328 (з іх 3050 хедэраў), 6 вучылішчаў ведамства імператрыцы Марыі і 7 вучылішчаў ваеннага міністэрства [4, с. 32–33]. У пачатку XX ст. назіраўся рост

чыгуначных школ і прафесійных вучылішчаў, рамесніцкіх класаў пры гарадскіх вучылішчах і інш.

Адносіны ўрада да народнай асветы асабліва яскрава праяўляліся праз адносіны да настаўніцтва. У 1904 г. у пачатковых навучальных установах Віленскай навучальнай акругі працавалі 6664 настаўнікі, у тым ліку: у гарадскіх аднакласных вучылішчах – 654 чалавекі, двухкласных – 504, у гарадскіх вучылішчах па палажэнні 1872 г. – 723, у сельскіх аднакласных – 4278, двухкласных – 308. Яшчэ 35 настаўнікаў выкладалі ў нядзельных школах і на вячэрніх курсах для дарослых [5, с. 128–131].

Узровень падрыхтоўкі настаўніцкіх кадраў у другой палове XIX ст. адлюстроўваў барацьбу прагрэсіўных сіл грамадства і рэакцыі. У гэты час вышэйшых педагагічных навучальных устаноў на тэрыторыі Беларусі не было і толькі ішоў працэс фарміравання сярэдніх педагагічных навучальных устаноў: у 1916 г. працавалі 9 настаўніцкіх семінарыяў, 3 настаўніцкія інстытуты, 7 двухгадовых педагагічных курсаў, 7 педагагічных класаў пры жаночых гімназіях. Мала клапаціла ўрадавых чыноўнікаў і матэрыяльная незабяспечанасць народнага настаўніцтва: у пачатку XX ст. рабочыя многіх галін прамысловасці зараблялі больш за педагогаў [6, с. 436.].

2 красавіка 1903 г. у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях былі ўведзены ўпраўленні па справах земскай гаспадаркі (у 34 губернях цэнтральнай Расіі яны існавалі з 1864 г.). Нягледзячы на абмежаванасць іх правоў і магчымасцей, яны ўсё ж такі адыгралі станоўчую ролю ў развіцці народнай асветы. Справа з увядзеннем земстваў адлюстроўвала адносіны ўрада да адукацыі, самакіравання ў беларускіх губернях, да польскага дваранскага і каталіцкага ўплыву. Гэтыя органы ствараліся не выбарным шляхам, а камплектаваліся з чыноўнікаў розных устаноў. Міністэрства асветы планавала за земскімі ўстановамі пакінуць адну гаспадарчую частку і клопат пра матэрыяльнае забеспячэнне навучальных устаноў, а адміністрацыйнае кіраванне трымаць у сваіх руках. У такім выпадку настаўнік хоць і мог выбірацца земствам, але дапускаўся да працы толькі інспектарам. Такім чынам, у адрозненне ад земскіх школ Расіі, гарадскія і сельскія грамадзяне да кіравання гэтых навучальных устаноў не дапускаліся.

Разам з тым земствы дастаткова актыўна ўключыліся ў справу: вывучалі і аналізавалі стан народнай адукацыі, адкрывалі новыя навучальныя ўстановы і ўтрымлівалі іх, назначалі стыпендыі выхаванцам настаўніцкіх семінарыяў. Даволі часта яны з’яўляліся арганізатарамі

педагогічных курсаў, з'ездаў і нарад настаўнікаў, забяспечвалі школы вучэбна-метадычнымі дапаможнікамі. выдзялялі грашовую дапамогу настаўнікам, бо добра разумелі, што «недастатковая забяспечанасць адбіваецца на самім складзе асоб, якія ідуць на службу» [7, л. 107.]. Так, Гомельскае земства ў 1912 г. выдзеліла на папаўненне фондаў школьных бібліятэк 2220 руб., на набыццё «чароўных ліхтароў», светлавых карцінак і арганізацыю народных чытанняў – 1103 руб. Клімавіцкае земства стала ініцыятарам і фундатарам адкрыцця педагогічных курсаў. Павысіць узровень тэарэтычных і практычных ведаў і ўменняў, у тым ліку і па асновах сельскай гаспадаркі, змаглі 70 народных настаўнікаў. Магілёўскае земства, у тым ліку, праектавала адкрыць у губерні 25 настаўніцкіх семінарыяў, штогод па дзве, і склала ўзорны праект сеткі гэтых навучальных устаноў [8, с. 141]. Толькі ў 1914 г. у Полацкай настаўніцкай семінарыі былі зацверджаны 53 земскія стыпендыі са штогадовым выдзяленнем з земскіх сродкаў па 5300 руб. Акрамя гэтага, Віцебскае губернскае земства ўтрымлівала 11 стыпендыятаў з ліку дзяцей настаўнікаў земскіх школ, якім выдавалася па 60 руб. у год на іх утрыманне ў сярэдніх навучальных установах [9, с. 27, 85.]. У разглядаемы час актыўна абмяжоўваўся праект аб усенавучы і ролі ў ім настаўніка. Земствы сваёй дзейнасцю стрымлівалі рост царкоўных школ, памяншаючы на іх выдаткі і адкрываючы свае. У Магілёўскай губерні, дзе школ духоўнага ведамства было больш, чым у іншых губернях, нават адбываліся сутыкненні пры абмеркаванні сеткі ўсеагульнага навучання [10, л. 24]. Напярэдадні Першай сусветнай вайны большасць міністэрскіх школ фінансавалася за кошт земскіх сродкаў.

Нягледзячы на патрабаванні шырокіх колаў грамадства, яшчэ пачынаючы з 1860-х гг. закон аб увядзенні ўсеагульнай адукацыі на тэрыторыі імперыі адсутнічаў. Гэта абумоўлівала стыхійнасць у развіцці і пашырэнні школьнай сеткі. Адкрыццё новых навучальных устаноў паранейшаму ў многім залежала ад фінансавых магчымасцей сялян і выдаткаў земскіх органаў, а не ад рэальных патрэб ахопу адукацыяй дзяцей школьнага ўзросту. Таксама забаранялася адкрываць навучальныя ўстановы там, дзе ўжо існавалі ці планаваліся царкоўныя школы. Колькасць навучэнцаў у розных воласцях, паветах і губернях мела значныя адрозненні. Так, у канцы 1913 г. у беларускіх паветах Віленскай губерні вучылася 3,12%, у Віцебскай – 4,84%, у Магілёўскай – 6,78% насельніцтва [3, с. 341].

На тэрыторыі Беларусі не існавала адзінай сярэдняй агульнаадукацыйнай школы. Галоў-

нымі яе тыпамі з'яўляліся мужчынскія гімназіі, мужчынскія рэальныя вучылішчы і жаночыя гімназіі; няпоўная сярэдняя адукацыя давалася ў мужчынскіх і жаночых прагімназіях. У другой палове XIX ст. сярэдняя адукацыя развівалася вельмі марудна. У 1880 г. у Беларусі дзейнічала толькі 8 гімназій і 5 прагімназій, а агульная колькасць служачых, уключаючы выкладчыкаў, складала 292 чалавекі. У 1871/72 гг. рэальныя гімназіі былі пераўтвораны ў рэальныя вучылішчы, і ў 1888 г. яны набылі статус агульнаадукацыйных сярэдніх навучальных устаноў. З пачатку XX ст. павялічылася колькасць дзяржаўных і прыватных сярэдніх навучальных устаноў, як мужчынскіх, так і жаночых. У 1914 г. у Віленскай навучальнай акрузе працавала 31 мужчынская гімназія (731 служачы), 42 жаночыя (1147 служачых) і 11 рэальных вучылішчаў (280 служачых) [11]. Усяго ва ўрадавых і прыватных сярэдніх навучальных ўстановах мелі магчымасць набыць адукацыю толькі 31 328 чалавек [3, с. 380]. Устаноўленыя правілы і палажэнні абмяжоўвалі і перашкаджалі набыць неабходную адукацыю і заняць належнае месца ў грамадстве выхадцам з разначыннага асяроддзя, пакідаючы за дваранствам прывілею на дастойную адукацыю.

Такім чынам, для народных мас адукацыя, як правіла, абмяжоўвалася пачатковай школай і элементарным узроўнем ведаў, што, як лічылі міністэрскія чыноўнікі, адпавядала іх патрабаванням і ўмовам простага побыту, а таксама матэрыяльным магчымасцям. Такая ўстаноўка супадала з галоўнай задачай выхавання «сялянскіх юнакоў у духу хрысціянскай веры і маралі і ў адданасці Прастолю і Айчыне» [12, с. 28]. Акрамя гэтага, школа мела яшчэ і «прыватныя мэты, абумоўленыя гістарычным лёсам гэтага краю, яго гістарычным мінулым, а таксама і цяперашнім яго становішчам, як непадзельнай часткі Вялікай Расіі» [13, с. 32].

Палітыка ўрада ў Беларусі ў дачыненні да настаўнікаў праводзілася так, каб сфарміраваць адпаведнага «ідэальнага» працаўніка ў народнай адукацыі. Ідэал уяўляўся расійскаму школьнаму кіраўніцтву ў выглядзе талерантнага, сціплага, непрыкметнага працаўніка, які добра ўсведамляў важнасць настаўніцкага абавязку і аддана службы царкве і царскаму трону [14, с. 54]. Асноўныя накірункі адукацыйнай і кадравай палітыкі непасрэдна залежалі ад канкрэтнай палітычнай сітуацыі, у тым ліку ступені нарастання і актывізацыі нацыянальна-вызваленчага руху.

Рэвалюцыя 1905–1907 гг. абудзіла свядомасць і адказнасць за лёс народнай адукацыі ў асяроддзі перадавых і прагрэсіўна настрояных настаўнікаў, разгарнуўся шырокі

грамадска-педагагічны і вучнёўскі рух, удзельнікі якога атрымлівалі карысны палітычны вопыт і паступовае ўсведамленне неабходнасці разбурэння застарэлых падыходаў да школьнага будаўніцтва. Падчас рэвалюцыі актывізаваўся працэс стварэння палітычных партый, якія ўключаліся ў барацьбу за ўладу. Яны фарміравалі ўласныя праграмы, у якіх непасрэдная ўвага ўдзялялася пытанням абнаўлення школы і ўсяго вучэбна-выхаваўчага працэсу. Ва ўмовах рэвалюцыйнага ўздыму 1905–1907 гг. царызм быў вымушаны часова задаволіць патрабаванні грамадства ў галіне асветы. Станоўчай з’явай у жыцці школы стала пашырэнне сеткі пачатковых народных вучылішчаў. У пачатку 1907 г. Дзяржаўная Дума прыступіла да абмеркавання прапанаванага Міністэрствам народнай асветы праекта аб увядзенні ўсеагульнага пачатковага навучання. У якасці важных фактараў дэмакратычнага абнаўлення сярэдняй адукацыі варта адзначыць юрыдычнае ўраўнаважанне ўрадавых і прыватных сярэдніх навучальных устаноў, скасаванне пераводных экзаменаў для вучняў, перагляд вучэбных планаў і з’яўленне магчымасці для выпускнікоў рэальных вучылішчаў паступаць ва ўніверсітэты. Новай рысай у палітыцы царызму стаў дазвол выкладання Закона Божага рымска-каталіцкага веравызнання ў пачатковай і сярэдняй школе на роднай мове на аснове пісьмовых заяў бацькоў. У гэты час разгарнуўся рух за стварэнне бацькоўскіх камітэтаў і сходаў.

Пад уплывам перадавой педагагічнай думкі, галоўным арыенцірам якой сталі прынцыпы дэмакратыі і гуманізму, пашыраліся і паляпшаліся змест і метады навучання. Важным фактарам стала наладжванне кантактаў нашых настаўнікаў з замежнымі калегамі, шырокае пранікненне на расійскі кніжны рынак і ў педагагічныя бібліятэкі прац прагрэсіўных вучоных, іх папулярызаванне праз айчынных часопісы. Усё часцей з’яўляліся артыкулы, якія ўздымалі праблемы стварэння нацыянальнай школы. Пэўныя зрухі ў галіне народнай адукацыі былі таксама звязаны з павышэннем тэарэтычнай і метадычнай кваліфікацыі настаўніцтва праз арганізацыю настаўніцкіх курсаў, нарад і сходаў. Працягвалася стварэнне і развіццё педагагічных прафесійных арганізацый, якія стаялі ў вытоках аб’яднання настаўнікаў на прынцыпе дэмакратычнага абнаўлення народнай асветы і фарміравання новых падыходаў мадэрнізацыі царскай школы.

Часова царызм праяўляў цяглікасць і гнуткасць. У новых умовах пасля паражэння рэвалюцыі 1905–1907 гг. урадавая лінія ў школьным пытанні фарміравалася пад дамінуючым уплывам правакансерватыўных сіл, якія высту-

палі за «здоровую рускую нацыянальную школу» пад кіраўніцтвам і надзорам царквы і ўрада. Гэтая лінія была накіравана на ліквідацыю дэмакратычных заваёў у галіне адукацыі, узмацненне цэнтралізаванага кантролю за школай і палітычнай добранадзейнасцю настаўнікаў, рэанімацыю царкоўных школ [15, с. 20]. Сілы рэакцыі абрушыліся на вынішчэнне ў навучальных установах рэвалюцыйных настрояў: прыцягваліся і звальняліся з працы найбольш актыўныя настаўнікі, выключаліся за ўдзел у хваляваннях вучні. Хваля адміністрацыйных ганенняў абрушылася на прыватныя сярэднія навучальныя ўстановы, бацькоўскія камітэты, павялічыўся інстытут школьнай інспекцыі. Аднаўляліся пільны ўнутрышкольны рэжым і пазашкольны нагляд, пераводныя экзамены, узмацнілася цензура за педагагічнымі выданнямі і г. д.

Але рэакцыя аказалася не здольнай павярнуць назад плынь грамадскай энергіі, перайначыць свядомасць, выкараніць прагрэсіўныя думкі і практыкі настаўніцтва. Пераадольваючы бюракратычныя перашкоды, грамадска-педагагічны рух набывае новыя накірункі, формы і метады барацьбы за абнаўленне сістэмы адукацыі.

Пытанні рэарганізацыі сістэмы адукацыі не былі вырашаны. Многія прадстаўнікі прагрэсіўных колаў працягвалі трымацца думкі Пурышкевіча: «Каб не было ў Расіі рэвалюцыі і ўмацоўвалася праваслаўная вера – гнаць настаўнікаў і на іх месца прызначаць салдат» [16, с. 301]. Толькі нязначныя крокі наперад зрабіў Часовы ўрад пасля Лютаўскай рэвалюцыі, але істотных змен і рэформаў так і не адбылося. Мнагатыпная сістэма адукацыі пераходзіла пад бюракратычнай апекай. Былі праведзены толькі некаторыя мерапрыемствы ў інтарэсах буржуазіі: скасаваны нацыянальныя і рэлігійныя абмежаванні пры паступленні ва ўсе навучальныя ўстановы, а таксама цыркуляры аб забароне ўдзелу настаўнікаў і навучэнцаў у палітычнай дзейнасці [3, с. 342]. Апякун Віленскай акругі заклікаў усіх работнікаў адукацыі захоўваць былы парадак і спакой, а навучальныя ўстановы перасцярог «ад усіх выпадковасцяў і эксцэсаў» [17, с. 251].

Але развіццё капіталізму ў Расіі штурхала ўрад на пэўныя крокі ў пашырэнні народнай адукацыі. І зроблена было шмат. Калі ў 1856 г. ў Віленскай акрузе было толькі 830 навучальных устаноў з 22 607 навучэнцамі, то на 1 студзеня 1911 г. – 10 287 навучальных устаноў з 544 663 навучэнцамі. За 54 гады колькасць навучальных устаноў узрасла ў 12,4 разу, а навучэнцаў – у 24,1 разу [18, с. 13]. У 1897 г. у межах сучаснай Беларусі пісьменных мужчын было 36,4%, жанчын –

15,2%; пісьменныя складалі 25,7% [19, с. 108]. Яшчэ ў 1868 г. паказчык асветы (лік вучняў на 100 чалавек насельніцтва) у губернях Віленскай акругі быў 1,05, а ў 1894 г. у дачыненні да міністэрскіх школ ён узрос да 2,24, у той час як у земскіх губернях ён склаў 3,12, а па ўсёй еўрапейскай Расіі ў сярэднім 2,93 [20, с. 93].

Заклучэнне. Без грамадскага ўздыху пачатку XX ст. барацьба супраць старой школы і архаічнай сістэмы выхавання не магла прэтэндаваць на поспех. Гэты рух непасрэдна ўплываў на эвалюцыю адукацыйнай палітыкі, якая праводзілася царызмам у мэтах прыстасавання асветы да патрэб кіруючых слаёў грамадства. Урад працягваў весці барацьбу з тайным навучаннем, забараняў атрыманне адукацыі на роднай мове, усяляк імкнуўся стры-

маць ініцыятыву насельніцтва і земскіх устаноў у развіцці сеткі навучальных устаноў.

Адукацыйная палітыка царызму ў пачатку XX ст. відавочна не адпавядала актуальным патрабаванням часу, характарызавалася дваістасцю і непаслядоўнасцю. Усе нерашучыя захады і мерапрыемствы ў галіне асветы не змаглі дапамагчы кіруючым колам зняць напружанасць, вырашыць наспелыя вострыя сацыяльныя супярэчнасці ў грамадстве. Уплывовым фактарам грамадска-культурнага жыцця краіны з'яўляўся грамадска-педагагічны рух. Патрабаванні карэннай рэарганізацыі сістэмы адукацыі, якія актыўна падымаліся перадавымі коламі грамадства і прагрэсіўнымі педагогамі, становяцца ў шэраг найважнейшых агульнадэмакратычных патрабаванняў.

Спіс літаратуры

1. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи / под ред В. И. Формановского. С-Петербург: тип. Акц. общ. печатного и писчебумажного дела «Слово», 1902. Вып. 3. 200 с.
2. Кириллов М. К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и в начале XX в. (1860–1907) // Из истории школы Белоруссии и Литвы / отв. ред. В. З. Смирнов. М.: Просвещение, 1964. С. 7–179.
3. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М. А. Ткачоў [і інш.], пад рэд М. А. Лазарука. Мінск: Народная асвета, 1985. 464 с.
4. Статистические сведения по начальному образованию за 1904 год. С-Петербург: тип. П. П. Сойкиной, 1906. 61 с.
5. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи / под ред. В. И. Формановского, А. А. Шапеллина. Одесса: тип. К. И. Фесенко, 1907. Вып. 6. 312 с.
6. Жалование народного учителя // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 11. С. 436.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 2519. Воп. 1. Спр. 15.
8. Могилевское земство и народное образование // Народное образование в Виленском учебном округе. 1914. № 3. С. 138–141.
9. Местная хроника // Народное образование в Виленском учебном округе. 1914. № 2. С. 27–89.
10. НГАБ. Ф. 2084. Воп. 1. Спр. 131.
11. Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1914 г. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1915.
12. Тихомиров Д. Задачи народной школы // Народное образование в Виленском учебном округе. 1901. № 1. С. 27–32.
13. Одинцов Н. Частные задачи народной школы в С-Западном крае // Народное образование в Виленском учебном округе. 1901. № 1. С. 32–40.
14. Снапкоўская С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Мінск: НІА, 1998. 191 с.
15. Тебиев Б. К. Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 29 с.
16. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э. К. Дорошевич [и др.] М.: Педагогика, 1986. 462 с.
17. НГАБ. Ф. 2254. Воп. 2. Спр. 928.
18. Снапкоўская С. В. Асвета на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. // Адукацыя і выхаванне. 1997. № 8. С. 11–24.
19. Улащик Н. Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии // История СССР. 1968. № 1. С. 106–116.
20. Сцяпура З. Стан народнай асветы на Беларусі да вайны 1914 года // Асвета. 1927. № 7. С. 92–98.

References

1. *Statisticheskiye svedeniya po nachal'nomu obrazovaniyu v Rossiyskoy imperii* [Statistische Informationen zur Grundbildung im Russischen Reich]. Ed. by V. I. Formakovskiy. St. Petersburg, tit. Akts. Obshch. pechatnogo i pischebumazhnogo dela "Slovo" Publ., 1902, issue 3. 200 p. (In Russian).
2. Kirillov M. K. Elementary school of Belarus in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries (1860–1907). *Iz istorii shkoly Belorussii i Litvy* [From the history of the school of Belarus and Lithuania]. Ed. V. Z. Smirnov. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1964, pp. 7–179 (In Russian).
3. Tkachou M. A., Pase U. S., Syan'kevich G. R. *Asveta i pedagogichnaya dumka u Belarusy: Sa starazhytnykh chasou da 1917 g.* [Enlightenment and pedagogy of thought in Belarus: from ancient times to 1917]. Ed. by M. A. Lazaruk. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1985. 464 p. (In Belarusian).
4. *Statisticheskiye svedeniya po nachal'nomu obrazovaniyu za 1904 god* [Statistical data on primary education for 1904]. St. Petersburg, tip. P. P. Soykina Publ., 1906. 61 p. (In Russian).
5. Formakovskiy V. I., Shapellin A. A. *Statisticheskiye svedeniya po nachal'nomu obrazovaniyu v Rossiyskoy imperii* [Statistical data on primary education in the Russian Empire]. Odessa, tip. K. I. Fesenko Publ., 1907, issue 6. 312 p. (In Russian).
6. Salary of the national teacher. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna School District], 1907, no. 11, pp. 436 (In Russian).
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 2519. I. 1. F.15.
8. Mogilev Zemstvo and public education. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna School District], 1914, no. 3, pp. 138–141 (In Russian).
9. Local chronicle. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna School District], 1914, no. 2, pp. 27–89 (In Russian).
10. NHAB. Fund 2084. I. 1. F. 131.
11. *Otchet po upravleniyu Vilenskim uchebnym okrugom za 1914 g.* [Report on the management of the Vilna School District for 1914]. Wil'no, tip. A. G. Syrkin Publ., 1915 (In Russian).
12. Tikhomirov D. Tasks of the folk school. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna School District], 1901, no. 1, pp. 27–32 (In Russian).
13. Odintsov N. Private tasks of the public school in the S-Western Territory. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna School District], 1901, no. 1, pp. 32–40 (In Russian).
14. Snapkouskaya S. V. *Adukatsynaya palityka i shkola na Belarusi ŷ kantsy XIX – pachatku XX st.* [Educational policy and school in Belarus at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. Minsk, NIA Publ., 1998. 191 p. (In Belarusian).
15. Tebiev B. K. *Pravitel'stvennaya politika v oblasti obrazovaniya i obshchestvenno-pedagogicheskoye dvizheniye v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. Avtoreferat dissertatsii doktora pedagogicheskikh nauk* [Government policy in the field of education and the socio-pedagogical movement in Russia of the late XIX – early XX century. Abstract of thesis DSc (Pedagogical)]. Moscow, 1991. 29 p. (In Russian).
16. Doroshevich E. K. *Antologiya pedagogicheskoy mysli Belorusskoy SSR* [Anthology of pedagogical thought of the Belarusian SSR]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 462 p. (In Russian).
17. NHAB. Fund 2454. I.2. F. 928.
18. Snapkouskaya S. V. Education in Belarus in the late XIX – early XX century. *Adukatsyya i vykhavanne* [Education and upbringing], 1997, no. 8, pp. 11–24 (In Belarusian).
19. Ulashchik N. N. Literacy in pre-revolutionary Belorussia. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1968, no. 1, pp. 106–116 (In Russian).
20. Stsyapura Z. The camp of people's asvety in Belarus and the wars of 1914. *Asveta* [Education], 1927, no. 7, pp. 92–98 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Валянціна Міхайлана – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Пастыніў 12.09.2022

УДК 373.091.8:908(476)(091)"19"

Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет

**ЭКСКУРСИИ УЧАЩИХСЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье изучены вопросы организации и проведения школьных экскурсий. Летом 1911 г. состоялась первая сборная экскурсия учащихся сразу нескольких учебных заведений. На примере этой экскурсии подробно изложены все этапы подготовки, в том числе проработка экскурсионного маршрута, вопросы материального обеспечения. Рассмотрено, как решались вопросы питания учащихся в период поездки, как шло взаимодействие с местными учреждениями во время путешествия, какая помощь была оказана экскурсантам со стороны местных правительственных и учебных заведений. Сделаны выводы о том, что в начале XX века школьные экскурсии стали важным элементом образовательного процесса в учебных заведениях городов Беларуси. Организация и проведение экскурсий тщательно продумывались и планировались, чтобы обеспечить безопасность жизни и здоровья экскурсантов, комфортные условия путешествия. Экскурсии получали организационную и материальную помощь как со стороны учебной администрации, так и частных лиц и различных учреждений.

Ключевые слова: город, Беларусь, начало XX века, экскурсии, учебные заведения, история.

Для цитирования: Воронич Т. В. Экскурсии учащихся учебных заведений городов Беларуси в начале XX века // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 27–31.

T. V. Voronich

Belarusian State Economic University

**EXCURSIONS OF STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CITIES
OF BELARUS IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article studies the organization and conduct of school excursions. On the example of the first excursion organized for several educational institutions, which took place in the summer of 1911, all stages of preparation are considered in detail including the study of the excursion route, issues of financial security. It is presented how the issues of nutrition of students during the trip were solved, how the interaction with local institutions went on during the trip, it is shown what kind of assistance was provided to the tourists by local government and educational institutions. Conclusions are drawn that at the beginning of the 20th century school trips became an important element of the educational process in educational institutions in the cities of Belarus. The organization and conduct of excursions were carefully thought out and planned in order to ensure the safety of life and health of tourists, comfortable travel conditions. Both the educational administration and private individuals and various institutions provided organizational and financial assistance.

Keywords: city, Belarus, early XX century, excursions, educational institutions, history.

For citation: Voronich T. V. Excursions of students of educational institutions in the cities of Belarus in the beginning of the XX century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 27–31 (In Russian).

Введение. В современной Беларуси объектом пристального внимания общественности является система школьного образования, идет поиск новых форм и методов обучения. Крайне важным является использование исторического опыта. В данной статье поставлена цель изучить порядок организации и проведения школьных экскурсий в учебных заведениях городов Беларуси в начале XX века. Данная тема является практически неизученной в современной белорусской историографии. В монографии Г. Ф Шаповала «История туризма в Беларуси» отдельный

параграф посвящен истории детского туризма. Автор утверждает, что зарождение детского туризма происходило лишь в 30-х гг. XX века. Предшествующий период автор не рассматривает [1, с. 49]. Началу экскурсионной деятельности в учебных заведениях Российской империи, в том числе и на территории Беларуси, во второй половине XIX – начале XX вв. уделено внимание в работе Н. М. Якуш [2, с. 74, 82]. Одной из первых тем экскурсий в системе образования стала исследовать белорусский историк Валентина Острога [3]. Однако ее работы посвящены образовательным

экскурсиям учителей. Первая попытка рассмотреть ученические экскурсии была сделана самим автором [4].

Основная часть. Школьные экскурсии начинают занимать заметное место в воспитательном и образовательном процессе в учебных заведениях городов Беларуси с начала XX века, когда циркуляром министра народного просвещения были введены для учащихся летние образовательные прогулки и путешествия [4].

Наиболее популярными стали однодневные пешие загородные экскурсии. Вместе с тем крупные учебные заведения, такие как гимназии, организовывали и проводили многодневные экскурсии, связанные с посещением различных регионов Российской империи. В 1901–1903 гг. учащиеся двух Виленских гимназий посетили Крым и Кавказ, Псков и Петербург. В 1902 г. Минской гимназией была проведена экскурсия в Соловецкий монастырь и на Мурманский берег. Очень активно экскурсионная деятельность развивалась в Могилевском реальном училище, в котором на протяжении 1903/1904 учебного года было проведено 28 экскурсий [6, с. 8–10].

Как правило, экскурсии организовывались каждым учебным заведением самостоятельно. Летом 1911 г. была проведена первая сборная экскурсия, в которой приняли участие ученики и учителя нескольких средних учебных заведений Беларуси.

Подготовительная работа по организации экскурсии началась еще в начале 1910/1911 учебного года, когда в Управлении Виленского учебного округа возникла идея провести сборную экскурсию в один из отдаленных регионов Российской империи. Первоначально в Управлении был разработан экскурсионный маршрут на Дальний Восток. Предполагалось проехать до Владивостока и ознакомиться по пути с Уралом и сибирскими городами. Однако из-за вспыхнувшей эпидемии чумы в Харбине от этого маршрута отказались и разработали два других направления: одно в Среднюю Азию, а другое – вдоль Мурманского берега до норвежского порта Варде. Большинство желающих выбрали первый из предложенных вариантов.

Разработка плана будущей экскурсии находилась под личным контролем попечителя округа. В итоге был выработан следующий маршрут: Вильна, Харьков, Славянск, Ростов-на-Дону, Дербент, Баку, Красноводск, Байрам-Али, Бухара, Самарканд, Скоблево, Андижан, Ходжент, Ташкент, Самара, Нижний Новгород, Москва, Смоленск, Вильна [7, с. 7]. В определенных пунктах маршрута были запланированы

остановки для отдыха и осмотра достопримечательностей. Помимо железной дороги для передвижения было решено использовать паромное сообщение от Баку до Красноводска на Каспийском море и от Самары до Нижнего Новгорода на Волге. Кроме того, были запланированы две поездки на лошадях в сторону от железной дороги в кишлак Шахимердан из Скоблева и в г. Ош из Андижана.

После утверждения общего маршрута тщательно продумывался каждый этап путешествия. Были высчитаны расстояния между станциями и стоимость билетов, расписание движения поездов и пароходов. В местах остановок намечены наиболее интересные места для посещения экскурсантами. Также был составлен список должностных лиц и учреждений, к которым планировалось обратиться за помощью во время путешествия. Важно отметить, что в Российской империи действовали льготные тарифы на оплату проезда для экскурсантов-учащихся. Скидка от стоимости железнодорожного билета составляла 75% [8]. Стоимость всей экскурсии на одного человека составила 85 руб., в том числе на продовольствие было запланировано по 1 руб. в день. В реальности было потрачено 60 руб. на одного учащегося [7, с. 6]. Оставшиеся деньги после возвращения домой вернули ученикам. Сэкономить получилось благодаря поддержке, которую получали экскурсанты по пути своего путешествия. Канцелярия Управления Виленского учебного округа отправляла письменные обращения к должностным лицам и учреждениям во все пункты маршрута экскурсии. В итоге экскурсанты во время их путешествия получили серьезную помощь от местных властей и предприятий.

За учеников из малообеспеченных семей, которые имели успехи в учебе, оплату внесли сами учебные заведения. Также были привлечены частные пожертвования. Так, в Гомельской гимназии для этой цели был организован благотворительный вечер.

Каждый ученик, который отправлялся на экскурсию, обязан был иметь определенный набор вещей: «пальто теплое, два летних парусиновых (белых) костюма, один зимний суконный, три смены нижнего белья, подушку с тремя наволочками, три полотенца, три простыни и одеяло, блюдечко, стакан или чашку и чайную ложку, ножик и вилку». Желательно было наличие фотоаппаратов.

Участие в экскурсии было возможно только лишь с письменного разрешения родителей. Общее количество участников экскурсии составило 46 человек, включая 38 учеников и шесть руководителей [7, с. 11]. Состав руководителей экскурсии подбирался так, чтобы в нем были представлены учителя-специалисты по истории,

географии и естественным наукам. В составе был и учитель хорового пения, благодаря чему в течение 42-дневной поездки ребята «развлекались и других стройным пением». Особую проблему во время путешествий составляла проблема сохранности багажа. Поэтому в состав были включены два служителя для охраны вещей экскурсантов [7, с. 13].

Одним из самых актуальных вопросов было обеспечение экскурсантов своевременной медицинской помощью, для этого в состав экскурсионной группы входил врач. Был разработан целый ряд мер для предотвращения заражения инфекционными заболеваниями во время путешествия, в том числе малярией. По рекомендациям врача была составлена походная аптечка, основу которой составили «противолихорадочные, желудочные и перевязочные средства». Кроме того, врач имел с собой набор хирургических инструментов. Также были взяты запасы «талька, вазелина и свиного сала» для ухода за ступнями ног.

Лица, назначенные руководителями экскурсии, провели серьезную подготовительную работу. Прежде всего ознакомились с путеводителями и другой литературой, посвященной описанию территорий, по которым проходил маршрут экскурсии. Кроме этого, была изучена научная литература по организации экскурсий. Одновременно проводилась подготовительная работа с учениками-экскурсантами. Ребятам были прочитаны соответствующие лекции, из гимназических библиотек им были выданы книги и пособия, содержащие различную информацию о местах экскурсии.

Особое внимание было уделено снаряжению экскурсии. Поскольку большинство учеников были из обеспеченных семей, некоторые из них имели свои фотоаппараты. Всего у экскурсантов их было 10. Тем не менее по распоряжению попечителя округа экскурсанты из Педагогического музея получили дорогую новейшую модель фотоаппарата со всеми принадлежностями. Для добычи образцов горных пород было взято пять молотков. Для организации досуга во время долгих переездов в поездах взяли с собой около 20 книг для чтения, настольные игры – шахматы, триктрак. Поскольку всем было интересно, какого максимума достигает температура в Туркестане, специально закупили несколько термометров [7, с. 15].

Экскурсия находила поддержку у многих учреждений и предприятий. Так, управление железных дорог предоставило путешественникам пульмановский вагон, считавшийся в тот период одним из самых лучших. Благодаря этому экскурсанты смогли доехать до самого

Баку почти в персональном вагоне без пересадок. Хотя вагон оказался тесноватым, всем места не хватило, в итоге шесть экскурсантов спали на багажных полках. Причем сами ребята, как отмечал один из руководителей экскурсии, «философски примирились со своей участью» [7, с. 18].

Тщательно был проработан вопрос питания учащихся. Накормить такую огромную группу людей одновременно было проблематично. Поэтому экскурсанты отправились в путешествие со своими собственными запасами продовольствия, в том числе чая и сахара. В вагоне были организованы ежедневные дежурства руководителей для обеспечения экскурсантов питанием. Утренние и вечерние чаепития заменяли завтраки и ужины. Основу чаепития составляли булочки. Главной задачей дежурного руководителя было «достать» эти булочки. Если встречные станции были маленькие, то приходилось собирать булочки по различным станциям в несколько приемов. К булкам давались колбаса, ветчина или сыр, в зависимости от того, что удавалось купить по пути следования. Если встречный город был крупным, то пытались заказывать необходимое количество жареной телятины. В тех районах, где не было буфетов, закупали голландский сыр, поскольку он долго хранился. По мере приближения жаркого климатического пояса пришлось отказаться от масла, поскольку «оно не выдерживало и часу». Таким образом, для дежурного руководителя организация питания была довольно сложной задачей. Нарезкой хлеба, мяса, сыра и приготовлением бутербродов занимались сами экскурсанты, причем довольно охотно. Для чаепития использовались три огромных чайника, один на 60 и два на 40 стаканов. Два чайника были приобретены специально для экскурсии и затем планировалось их передать в Педагогический музей для дальнейших экскурсий. Чайники наполнялись кипятком одновременно на станциях во время остановок, и сделать это, учитывая большие объемы, было довольно проблематично. Не все станции имели возможность дать кипяток в таком большом количестве. Серьезной проблемой это стало в Средней Азии, где станции были редкими, а буфеты при них практически отсутствовали. Приходилось прибегать к услугам местных жителей, которые специально выходили на платформы с самоварами для продажи кипятка путешественникам. В итоге иногда приходилось переплачивать за кипяток почти в десять раз. Вместе с тем были случаи, когда путешественники получали кипяток вообще бесплатно. Порой удавалось договориться с начальником следующей станции и по прибытии поезда путешественников уже ждал требуемый объем кипятка. Вообще, проблема обеспечения чистой кипяченой водой в условиях сильной жары была

крайне актуальной. Руководители прилагали максимум усилий, чтобы обеспечить необходимое количество воды и, тем самым, уберечь ребят от употребления сырой воды [7, с. 18–21].

Организация обеда также доставляла немало хлопот. Самый идеальный вариант был, когда поезд совершал длительную остановку в крупном городе в обеденное время. В таком случае экскурсанты обедали в одном из местных ресторанов. В противном случае приходилось отправлять телеграммы на станции, где поезд стоял не более 15 мин, с просьбами приготовить обед. Но не каждая маленькая станция могла обеспечить обедом сразу 46 человек. Поэтому приходилось делить обедающих на группы, причем одна группа обедала в 13–14 часов дня на одной станции, а другая в 16–17 часов на следующей станции [7, с. 21].

Экскурсия находила живую поддержку со стороны должностных лиц и учреждений, а также со стороны местного населения. Например, в Харькове по распоряжению ректора для экскурсантов были открыты университетские музеи и обсерватории, причем экскурсии проводили профессор. С обсерваторией харьковского университета экскурсантов познакомил знаменитый русский астроном, профессор Струве Л. О. (1858–1920). В Славянске, знаменитой грязелечебнице, по указанию Директора курорта, путешественникам было разрешено «бесплатно пользоваться купальнями, цветником и всеми курортными развлечениями» [7, с. 28]. В Управлении минеральных групп экскурсанты получили разрешение на бесплатное посещение курортов, а в Кисловодске всем желающим без предварительной записи были предоставлены «ванны из Нарзана».

В Баку при поддержке конторы Нобеля была организована экскурсия в Черный город на заводы Нобеля. Посетили экскурсанты также и знаменитый горящий фонтан на промыслах Ротшильда. С гидротехническими сооружениями Гиндукушской плотины познакомил сам заведующий, организовавший крайне радушный неформальный прием для путешественников. Особую поддержку экскурсанты получили в Бухаре, где они были приняты в статусе гостей эмира [7, с. 80].

Особую сердечную поддержку экскурсанты получали от учебных заведений. Именно местные учебные заведения предоставляли ночлег в своих помещениях для экскурсантов, проводили экскурсии по местным достопримечательностям. А в Андижане, конечной станции Средне-Азиатской железной дороги, местные учащиеся даже организовали торжественную встречу с военным оркестром, специально для гостей сервировали стол с чаем, бутербродами и сладостями.

По распоряжению попечителя во время путешествия велся путевой журнал. Ученики заполняли его по очереди ежедневно в свободной форме – от кратких и сухих сообщений до подробных, и нередко в литературной форме. Было составлено также 15 ученических дневников. Это были небольшие тетради, в которых ученики в большинстве бессистемно записывали свои впечатления о наиболее заинтересовавших их местах и событиях. Среди этих дневников выделялись два «увесистых манускрипта», авторами которых были два ученика Бобруйской гимназии. Ребята шаг за шагом проследили всю экскурсию и изложили события «подробно, связно и с любовью». Но далеко не все ученики отдали учителям все свои записи. Многие из тех, кто тщательно вел дневники, оставили свои воспоминания на память себе, не захотев отдавать свои записи для составления общего отчета об экскурсии.

Длительность поездки составила 42 дня, за которые экскурсанты преодолели свыше 10 тыс. километров пути.

Заключение. Таким образом, в начале XX века школьные экскурсии стали важным элементом образовательного процесса в учебных заведениях городов Беларуси. Организация и проведение экскурсий тщательно продумывались и планировались, чтобы обеспечить безопасность жизни и здоровья экскурсантов, комфортные условия путешествия. Экскурсии получали организационную и материальную помощь как со стороны учебной администрации, так и частных лиц и различных предприятий. А государство проводило политику, направленную на поощрение и развитие экскурсионной деятельности в учебных заведениях.

Список литературы

1. Шаповал Г. Ф. История туризма Беларуси. Минск: РИВШ, 2006. 163 с.
2. Якуш Н. М. История и география туризма в Беларуси. Минск: БГТУ, 2012. 212 с.
3. Острога В. М. Образовательные экскурсии и поездки учителей Беларуси (начало XX в.) // Из истории науки Беларуси: к 25-летию исторического факультета БрГУ им. А. С. Пушкина: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 25–26 ноября 2016 г.: в 2 ч. Брест, 2018. Ч. 1. С. 236–243.
4. Воронич Т. В. Школьные экскурсии в городах Беларуси в начале XX века // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы;

рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2021. 443 с. С. 259–262.

5. Школьные экскурсии, их значение и организация: сб. ст. под ред. Б. Е. Райкова; авт.: Г. Н. Боч [и др.]. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1910. С. 318–320.

6. Описание экскурсий учащихся Виленского учебного округа за 1910 год: по поручению управления Виленского учеб. округа / сост. А. И. Шестов. Вильня: изд. Управления Виленского учебного округа, 1911. 238 с.

7. Описание экскурсии воспитанников средних учебных заведений Виленского учебного округа в Туркестан летом 1911 года / сост. С. И. Медведев. Ковно: изд. Управления Виленского учеб. округа, [1912?]. 176 с.

8. Русские учителя за границей / изд. Комиссии по организации образовательных экскурсий при учеб. отделе Общества распространения технических знаний [Год 1-й]. М., 1910. С. 1.

Reference

1. Shapoval G. F. *Istoriya turizma Belarusi* [History of tourism in Belarus]. Minsk, RIVSH Publ., 2006. 163 p. (In Russian).

2. Yakush N. M. *Istoriya i geografiya turizma v Belarusi* [History and geography of tourism in Belarus]. Minsk, BGTU Publ., 2012. 212 p. (In Russian).

3. Ostroga V. M. Educational excursions and trips of Belarusian teachers (early 20th century). *Iz istorii nauki Belarusi: k 25-letiyu istoricheskogo fakul'teta BRGU im. A. S. Pushkina*: sb materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [From the history of science in Belarus: to the 25th anniversary of the Faculty of History of the BrSU after A. S. Pushkin: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Brest, 2018, part 1, pp. 236–243 (In Russian).

4. Voronich T. V. School excursions in the cities of Belarus at the beginning of the 20th century. *Belarus' u kontekstse eurapeyskay gistoryi: asoba, gramadstva, dzyarzhava* [Belarus in the context of European history: individual, society, state]. Grodno, GrDU Publ., 2021, pp. 259–262 (In Russian).

5. *Shkol'nyye ekskursii, ikh znachenie i organizatsiya: sbornik statey* [School trips, their meaning and organization]. Ed. by B. Y. Raykov. St. Petersburg, tip. B. M. Vol'fa Publ., 1910, pp. 318–320 (In Russian).

6. *Opisaniye ekskursiy uchashchikhsya Vilenskogo uchebnogo okruga za 1910 god: po porucheniyu upravleniya Vilenskogo uchebnogo okruga* [Description of excursions for students of the Vilna educational district for 1910: on behalf of the administration of the Vilna educational district]. The compiler A. I. Shestov. Vil'nya, izd. Upravleniya Vilenskogo uchebnogo okruga Publ., 1911. 238 p. (In Russian).

7. *Opisaniye ekskursii vospitannikov srednikh uchebnykh zavedeniy Vilenskogo uchebnogo okruga v Turkestan letom 1911 goda* [Description of the excursion of pupils of secondary educational institutions of the Vilna educational district to Turkestan in the summer of 1911]. The compiler S. I. Medvedev. Kovno, izd. Upravleniya Vilenskogo uchebnogo okruga Publ., [1912?]. 176 p. (In Russian).

8. *Russkiye uchitelya za granitsey. Izdaniye Komissii po organizatsii obrazovatel'nykh ekskursiy pri uchebnom otdele Obshchestva rasprostraneniya tekhnicheskikh znaniy [God 1-y]* [Russian teachers abroad. Publication of the Commission for the organization of educational excursions at the educational department of ociety for the Dissemination of Technical [Year 1]]. Moscow, 1910, p. 1 (In Russian).

Информация об авторе

Воронич Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: vtv1@mail.ru

Information about the author

Voronich Tatyana Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarus State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vtv1@mail.ru

Поступила 05.09.2022

УДК 355.233.233.1:378

М. К. Климко

Белорусский национальный технический университет

РОЛЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ КАДРОВ БЕЛАРУСИ (1917–1920-Е ГГ.)

В статье рассматривается система подготовки военных специалистов в период становления БССР. Раскрывается значение партийных организаций, исполкомов Советов, военных комиссариатов, Всеобуча в подготовке военных специалистов. Обосновывается необходимость организации допризывной подготовки на базе техникумов, вузов. Военно-патриотическое воспитание определено как важнейшая составляющая оборонной мощи страны.

Ключевые слова: армия, допризывная подготовка, военно-патриотическое воспитание.

Для цитирования: Климко М. К. Роль военно-патриотического воспитания в системе подготовки военных кадров Беларуси (1917–1920-е гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 32–36.

М. К. Klimko

Belarusian National Technical University

THE ROLE OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION IN THE SYSTEM OF TRAINING MILITARY SPECIALISTS IN BELARUS (1917–1920S)

This article is about the creation of the system for training military specialists during the period of BSSR. Here we will get to know more about party organizations, the executive committee of the Soviets, military commissariats, Vseobuch of military specialists and ect. It is justified by the need to organise a pre-conscription training on the basis of higher technical education. Military-patriotic education is absolutely the most important part of the country's defensive power.

Keywords: army, pre-conscription training, military-patriotic education.

For citation: Klimko M. K. The role of military-patriotic education in the system of training military specialists in Belarus (1917–1920s). *Proceedings of BSTU, Lssne 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 32–36 (In Russian).

Введение. С приходом к власти партии большевиков декларируется классовый подход к сущности государства. Претерпевает изменения и армия. СНК РСФСР издаются декреты и постановления, которыми декларируется отказ от кадровой армии и производится частичный перевод ее на милиционно-территориальную. Но продолжающаяся борьба за сохранение политической власти, гражданская и первая мировая война вскоре изменили отношение лидеров большевиков к армии. Более того, армия стала надежным инструментом в формировании у солдат твердых гражданско-патриотических позиций. Вскоре был организован Всеобуч при военных комиссариатах, который на плановой основе проводил допризывную военную и спортивную подготовку среди рабочих, крестьянской и студенческой молодежи.

Вопросы строительства, реформирования Красной Армии, создания системы подготовки кадров и военно-патриотического воспитания с 1917 г. по 1920-е гг. в отечественной историографии частично раскрыты в диссертационных исследованиях, монографиях, коллективных трудах. Так, вопросам реорганизации армии,

организации военно-патриотического воспитания и идеологической работы среди студенческой молодежи посвящены диссертации В. Ф. Кушнера [1] и Е. В. Пиульского [2], работы П. А. Селиванова [3, 4], П. Г. Чигринова [5], Н. Е. Мусиной [6], Р. П. Платонова [7] и В. В. Даниловича [8].

Основная часть. После Октябрьской революции 1917 г. большевики, придерживаясь идей К. Маркса и Ф. Энгельса о «милиционной армии», считали, что постоянная армия не нужна [8]. Так, 29 октября 1917 г. на совещании полковых представителей петроградского гарнизона В. Ленин заявил: «Наша задача, которую мы ни на минуту не должны упускать из виду – всеобщее вооружение народа и отмена постоянной армии» [3, с. 4]. Однако под влиянием внутренней и внешней политики 15 января 1918 г. появился Декрет Совета Народных Комиссаров «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (РККА).

Уже 8 апреля 1918 г. появился декрет о волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам. Ответственность за их создание легла на местные Советы.

Повсеместно были организованы уездные и волостные военные комиссариаты, которые в первую очередь занимались учетом военнообязанных, военным обучением, мобилизацией, снабжением. Так, только за этот период в Беларуси было проведено «более 45 мобилизаций различных категорий военнообязанных трудящихся, по которым в Красную Армию призвано около 300 тыс. рабочих и крестьян» [4, с. 288].

Потребность в подготовке кадров для армии вызвала необходимость создать систему всеобщего военного обучения. В марте 1918 г. было принято решение о создании Всеобуча. ВЦИК 22 апреля 1918 г. принял Декрет «Об обязательном обучении военному искусству». Все трудящиеся в возрасте от 18 до 40 лет должны были пройти военное обучение без отрыва от производства по программе Всеобуча. После обучения они становились военнообязанными. В январе 1919 г. в Беларуси было создано и начало функционировать Управление Всеобуча Западного военного округа.

В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) обсудил вопрос военного положения и принял программу партии, в которой указал на необходимость укрепления Красной Армии, улучшения «организации обучения и политического воспитания красноармейцев» [3, с. 34], подчеркнул значение школ красных командиров и необходимость изучения всеми трудящимися военного дела.

Политбюро ЦК РКП(б) 1 июня 1919 г. принял декрет «Об объединении советских республик – России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии – для борьбы с мировым империализмом». Таким образом, летом 1919 г. был создан «военно-политический союз советских республик» [3, с. 99]. Тем не менее в 1919–1920 гг. часть территории Беларуси попала в зону польской оккупации и на некоторое время была выведена из советской системы.

ЦК РКП(б) 3 июня 1920 г. принял постановление об обязательном изучении военного дела всеми коммунистами. К концу 1920 г. на территории Беларуси действовало 13 различных курсов и школ по подготовке красных командиров с различными сроками обучения.

Важно отметить, что в 1920 г. в рамках групп Всеобуча изучался курс допризывной подготовки и спорта студентами допризывного возраста. Так, в сентябре 1920 г. проходили подготовку во Всеобуче 60 студентов Белорусского государственного политехнического института (БГПИ) допризывного возраста. А в ноябре 1920 г. военная подготовка красных командиров была организована в рамках учебного процесса в БГПИ [10].

В 1920 г. Всеобуч активно занимался ликвидацией неграмотности, так как их задача заключалась не только в обучении военному делу, но и воспитании будущего гражданина, способного не только защищать, но и строить свое Отечество. Благодаря этому за 1921–1925 гг. более «11 тыс. допризывников ликвидировали свою неграмотность» [1, с. 17]. А за период гражданской войны и военной интервенции в Беларуси в рамках Всеобуча было обучено военному делу более 100 тыс. рабочих и крестьян. Это способствовало укреплению физического и морально-патриотического духа Красной Армии. Всеобуч стал «подлинной школой массовой подготовки трудящихся к защите Советской страны» [4, с. 259].

К концу гражданской войны в РККА находилось семнадцать призывных возрастов (1885–1901 гг.) и насчитывалось 5,3 млн. человек [9, с. 39]. На VIII Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов 22–29 декабря 1920 г. было принято решение о сокращении численности Красной Армии. В РККА была начата демобилизация, которую провели с декабря 1920 г. по февраль 1923 г. тремя этапами. За данный период времени численность армии сократилась в десять раз – с 5,3 млн до 562 тыс. человек.

После гражданской войны Всеобуч был реорганизован. Основной задачей допризывной подготовки стало «готовить кадры сознательных бойцов за дело революции еще до вступления в ряды Красной армии и содействовать оздоровлению подрастающего поколения трудящихся масс». Сроки допризывной подготовки были сокращены с двух лет – 420 часов обучения, до одного года – 280 часов [11, с. 5].

Допризывную подготовку в СССР проводили в несколько этапов. Так, в школах в учебную нагрузку были включены обязательные занятия по физическому развитию. Считалось, что именно школа формирует «первые зачатки физического воспитания будущего гражданина». Следующим этапом стала «преддопризывная подготовка» юношей и девушек 16–18 лет. Она проводилась «в ВУЗах, на заводах, фабриках, в различных спортивных кружках, ячейках». Следующим этапом была допризывная подготовка юношей в возрасте от 19 лет и «до момента призыва в армию». Подготовка была рассчитана на 1 год обучения, 280 учебных часов. Допризывная подготовка проводилась «вневойсковым порядком» и не требовала значительных расходов из государственных средств. После обучения по 280-часовой программе допризывник проходил еще трехмесячную «специальную подготовку войскового порядка в качестве новобранца» [11, с. 4, 8].

Военной допризывной подготовкой молодежи в Беларуси занимались части особого назначения (далее – ЧОН). Они входили в состав Западного военного округа и осуществляли борьбу с бандитизмом. ЧОН проводили как групповые, так и индивидуальные занятия по военной подготовке, «казарменные и лагерные сборы, тактические занятия, маневры». С 1918 по 1924 г. в ЧОН Беларуси военную подготовку прошли около 20 тыс. человек [1, с.15]. ЧОН просуществовали до 1924 г. [12].

23–28 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов заслушан доклад о Красной Армии. Украиной, Грузией, Арменией, Азербайджаном и Беларусью, как союзными республиками, было сделано «Заявление Союзных Республик на IX Всероссийском съезде Советов по докладу о Красной Армии», в котором призывалось предпринять меры, направленные на «укрепление мощи Красной Армии, поднятие ее техники, улучшение материального положения как рядовых красноармейцев, так и командно-комиссарского состава» [13].

В 1921 г. М. Фрунзе в работе «Единая военная доктрина и Красная армия» поднимает вопрос о создании военной доктрины. На XI съезде РКП(б) 22 марта – 2 апреля 1922 г. был сделан специальный доклад о состоянии Красной Армии, о единой военной доктрине. Съезд принял постановление о дальнейшем «повышении боеспособности» Красной Армии, указав на то, что одной из важных мер по укреплению армии является «усиление и укрепление ее коммунистического ядра», подтвердил принятое в декабре 1921 г. ЦК партии решение «о поголовном призыве в ряды армии всех коммунистов призывного возраста (1899–1901 гг.)» [9, с. 45].

Усилению коммунистического ядра РККА уделяли должное внимание в Беларуси. Так, 16 ноября 1922 г. 75 курсантов 21-х кавалерийских командных курсов г. Минска вступили в ряды Коммунистической партии. Все курсанты были выходцами из рабочих и крестьян, участниками Гражданской войны. Будущие командиры Красной Армии, став коммунистами, пополняли коммунистическую ячейку данных курсов. Они занимались всесторонним воспитанием курсантов и «развитием их классового самосознания». Основой партийной работы стало «парткрестничество», когда каждый член партии или достойный кандидат партии «прикрепляется к определенной группе (4–5 человек) беспартийных курсантов и, непрерывно находится среди них» [14].

Происходящие события, обсуждаемые на съездах вопросы не только очертили круг проблем, но и определили основные направления, стратегию военного строительства. В августе

1923 г. ЦИК и СНК СССР приняли декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». В декрете были прописаны механизмы формирования территориальных и сохранение кадровых частей, проведение допризывной и военной подготовки.

В Красной Армии начали создаваться «территориально-милиционные» формирования. Реформирование Красной Армии в 20-х гг. позволило сделать вывод о том, что «территориально-милиционное» положение армии выгодно экономически, но в современных условиях государству необходима кадровая армия [12, с.11]. В связи с переходом на территориально-милиционный принцип комплектования и учебы Красной Армии в 1923 г. Всеобщий был отменен. Допризывную подготовку проводили военные структуры и общественные организации (комсомол, профсоюзы) [8, с. 680].

18 сентября 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли Закон «Об обязательной военной службе». Все трудящиеся лица мужского пола в возрасте 19–40 лет были обязаны проходить военную службу, которая состояла из допризывной подготовки – с 19 лет, осуществлялась в течение двух лет; действительной военной службы – с 21 года, продолжительностью в пять лет, и зачисления в запас. Впоследствии Закон редактировался 08.08.1928 и 13.08.1930.

20 августа 1926 г. постановлением ЦИК и СНК СССР вводится высшая допризывная военная подготовка (с 1926 / 1927 учебного года), которая осуществлялась на базе ВУЗов, техникумов и других специальных учебных заведений. Она состояла из 180 часов теоретической и двух месяцев практической подготовки на сборах в военных лагерях. После окончания учебного заведения выпускники служили 9 месяцев в армии или 12 месяцев на флоте.

В ноябре 1926 г. в БГУ была создана военная кафедра. Военруком назначен полковник Петров М. М. В 1926–1931 гг. курс «Высшая допризывная военная подготовка студентов» преподавал командир 39-го Мелекесско-Пугачевского кавалерийского полка Г. К. Жуков [15].

Важную роль в подготовке резерва Красной Армии сыграл Осоавиахим, созданный в 1927 г. Он стал ярким примером успешной работы оборонных обществ.

13 августа 1930 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О введении в действие Закона “Об обязательной военной службе” в новой редакции» вместо высшей допризывной военной подготовки была введена высшая вневойсковая подготовка.

Заключение. Таким образом, в 1917–1920-х гг. шел процесс создания и реформирования

Красной Армии. Острая нехватка специалистов вызвала необходимость организовать подготовку военных кадров рядового состава и красных командиров. Требовались не только военная подготовка, но и усиление агитационной, воспитательной, образовательной и идеологической работы. Советской властью был создан Всеобуч, организованы и успешно работали курсы подготовки

красных командиров, кадров политпросветработы, введена допризывная военная подготовка в техникумах и вузах Беларуси. Складывающаяся система подготовки кадров способствовала успешному строительству Красной Армии, внесла важный вклад в процесс массовой подготовки трудящихся к защите БССР и развития спортивно-массового движения.

Список литературы

1. Кушнер В. Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 1976. 25 с.
2. Пикульский Е. В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Минск, 1975. 26 с.
3. Селиванов П. А. Военное строительство Белоруссии в период разгрома походов Антанты. Минск: Наука и техника, 1973. 208 с.
4. Селиванов П. А. Военная деятельность Советов Белоруссии 1917–1920 гг. Минск: Наука и техника, 1980. 294 с.
5. Чигринов П. Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся: из опыта работы Компартии Белоруссии (1926–1941 гг.). Минск: Беларусь, 1981. 207 с.
6. Мусина Н. Е. Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы. Витебск: ВГМУ, 2015. 146 с.
7. Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / под ред. Р. П. Платонова. Минск: БелНИИДАД, 2001. 312 с.
8. Даніловіч В. В. Моладзь у грамадзянска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2020. 730 с.
9. Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Военное изд-во М-ва обороны Союза ССР, 1958. 460 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 210. Оп. 1. Д. 7.
11. В помощь комсомольцу-политруку (сборник материалов политико-просветительной работы среди допризывников). Минск: ЦКЛКСМБ Политсекретариат бел. воен. комиссариата, 1924. 162 с.
12. Армия белорусского народа: к 100-летию Вооруженных Сил Республики Беларусь / А. Н. Гура [и др.]. Минск: Беларусь, 2018. 262 с.
13. Известия. 1921. № 292 (1435). 27 декабря.
14. Звезда. 1922. № 271 (1272). 16 ноября.
15. Новиков И. А., Пушенко Е. Н. Становление военного факультета в БГУ: история и современность // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 28–31.

References

1. Kushner V. F. *Voyenno-patrioticheskoye vospitaniye i podgotovka trudyashchikhsya Belorussii k zashchite Rodiny (1921–1925 gg.)*. *Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk* [Military-patriotic education and preparation of the workers of Belarus for the defense of the Motherland (1921–1925). Abstract of thesis PhD (History)]. Minsk, 1976. 25 p. (In Russian).
2. Piulsky E. V. *Deyatel'nost' komsomola Belorussii po voyenno-patrioticheskomy vospitaniyu molodezhi v gody pervoy pyatiletki (1928 – 1932 gg.)*. *Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk* [Activity of the Komsomol of Belarus on military-patriotic education of youth during the first five-year plan (1928–1932). Abstract of thesis PhD (History)]. Minsk, 1975. 26 p. (In Russian).
3. Selivanov P. A. *Voyennoye stroitel'stvo Belorussii v period razgroma pokhodov Antanty* [Military construction of Belarus during the defeat campaigns of the Entente]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1973. 208 p. (In Russian).
4. Selivanov P. A. *Voyennaya deyatel'nost' Sovetov Belorussii 1917–1920 gg.* [Military activity of the Soviets of Belarus 1917–1920]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1980. 294 p. (In Russian).
5. Chigrinov P. G. *Voyenno-patrioticheskoye vospitaniye trudyashchikhsya: iz opyta raboty Kompartii Belorussii (1926–1941 gg.)* [Military-patriotic education of workers: from the experience of the Communist Party of Belarus (1926–1941)]. Minsk, Belarus Publ., 1981. 207 p. (In Russian).

6. Musina N. E. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v BSSR v 1920-e gody* [State youth policy in the BSSR in the 1920s]. Vitebsk, VGMU Publ., 2015. 146 p. (In Russian).
7. Platonov R. P., Adamushko V. I., Selemenov V. D., Faley Y. S. *Pered krutym povorotom: Tendentsii v politicheskoy i dukhovnoy zhizni Belarusi (1925–1928gg.): Otrazheniye vremeni v arkhivnykh dokumentakh* [Before a sharp turn: Trends in the political and spiritual life of Belarus (1925–1928): Reflection of time in archival documents]. Minsk, BelNIIDAD Publ., 2001. 312 p. (In Russian).
8. Danilovich V. V. *Moladz' u gramadyanska-palitychnym, satsyyal'na-ekanamichnym i kul'turnym budaunitstve Savetskay Belarusi (1921–1939 gg.)* [Youth in the socio-political, socio-economic and cultural construction of Soviet Belarus (1921–1939)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020. 730 p. (In Belarussian).
9. Berkhin I. B. *Voyennaya reforma v SSSR (1924–1925 gg.)*. [Military reform in the USSR (1924–1925)]. M., Voennoye izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuz SSR Publ., 1958. 460 p. (In Russian).
10. National Archive of the Republic of Belarus. Fund 210. I.1. F. 7.
11. *V pomoshch' komsomol'tsu-politruku (sbornik materialov politiko-prosvetitel'noy raboty sredi dopriyuzhnikov)* [To help the Komsomol member-political instructor (collection of materials of political and educational work among pre-conscripts)]. Minsk, TSKLKSMB Politsekretariat bel. voyen. komissariata Publ., 1924. 162 p. (In Russian).
12. Gura A. N., Buzin N. E., Danilo A. M., Dolgotovich B. D., Makarov V. M., Sobolevskiy A. M., Fedorov D. A. *Armiya belorusskogo naroda: k 100-letiyu Vooruzhennykh Sil Respubliki Belarus'* [The Army of the Belarusian people: to the 100th anniversary of the Armed Forces of the Republic of Belarus]. Minsk, Belarus Publ., 2018. 262 p. (In Russian).
13. Izvestiya, 1921, no. 292 (1435), December 27 (In Russian).
14. Zvezda, 1922, no. 271 (1272), November 16 (In Russian).
15. Novikov I. A., Pushenko E. N. Formation of the military faculty at BSU: history and modernity. *Vesnik BDU* [Bulletin of BSU], series 3, *History. Economy. Right*, 2011, no. 3, pp. 28–31 (In Russian).

Информация об авторе

Климко Марина Константиновна – старший преподаватель кафедры социального управления. Белорусский национальный технический университет, Минск (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: kmkminsk@mail.ru

Information about the author

Klimko Marina Konstantinovna – Senior Lecturer, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220013, Republic of Belarus). E-mail: kmkminsk@mail.ru

Поступила 01.03.2022

УДК 94(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

БУНДОВСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

В статье показано положение еврейского населения Беларуси в разгар Первой мировой войны. Обращено внимание на политику царизма по отношению к евреям и их ответную реакцию на нее через деятельность национальных партий, а также Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России). Особый акцент сделан на освещении процесса восстановления прежних и возникновения новых структур Бунда после Февральской революции 1917 г., а также их деятельности по организации Советов рабочих депутатов, профессиональных союзов и формированию новых органов власти. Показано отношение местных бундовцев к решению общероссийских государственных, общественных, в том числе и национальных, проблем. Сделан вывод о значительном вкладе бундовских организаций в становление и упрочение демократических основ нового политического режима в Беларуси.

Ключевые слова: мировая война, царизм, Беларусь, антисемитизм, сионизм, Бунд, Февральская революция, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Военно-промышленный комитет, Февральская революция, Советы рабочих и солдатских депутатов, профессиональные союзы, Временное правительство, культурно-национальная автономия, демократический режим.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Бундовские организации Беларуси после Февральской революции 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (26). С. 37–43.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

BUND ORGANIZATIONS OF BELARUS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

The article describes the situation of the Jewish population of Belarus in the midst of the First World War. The author draws attention to the policy of tsarism towards the Jews and their response to it through the national parties' activity, including that of the Bund (the General Jewish Workers' Union in Lithuania, Poland and Russia). Special emphasis is made on the coverage of the process of restoring the old bodies of the Bund and the emergence of new ones after the February Revolution of 1917 as well as their activities in establishing the Soviets of Workers' Deputies, trade unions and shaping new authorities. Local Bundists' attitude to addressing all-Russian state and social problems (and national issues among them) is shown. The conclusion is reached that the Bundist organizations made a significant contribution to the formation and consolidation of the democratic foundations of the new political regime in Belarus.

Keywords: world war, tsarism, Belarus, anti-Semitism, Zionism, Bund, February Revolution, All-Russian Zemstvo Union, All-Russian Union of Cities, Zemgor, Military Industrial Committee, February Revolution, Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, trade unions, Provisional Government, cultural and national autonomy, democratic regime.

For situation: Semenchyk N. Ye. Bund organization of Belarus after the February Revolution of 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 37–43 (In Russian).

Введение. Сведения о Бунде периода Февральской революции в советско-партийной литературе БССР представлены в виде нескольких журнальных статей, по содержанию – резко критического свойства, в духе прокурорской оценки деяний уголовного характера. Причина тому – реформаторская, умеренная политика еврейской социал.-демократической партии Бунд в решении назревших государственных и общественных проблем России, осуществляемая вопреки экстремистской деятельности

большевиков-ленинцев. Только со сменой парадигмы в сторону приоритета общечеловеческих ценностей появилась возможность исследовать и оценить вклад бундовцев Беларуси в упрочение завоеваний Февральской революции.

Основная часть. К началу 1917 г. социально-экономическое и политическое положение России продолжало ухудшаться. Царь и правительство напрягали усилия, чтобы довести войну до победного конца. Их деятельность, однако, не находила необходимого участия со

стороны всех жителей многонациональной империи, имевшей основания называться «тюрьмой народов». Что касается еврейского населения, то поддерживаемая царизмом политика антисемитизма не оставляла ему шансов на получение равного с «великороссами» социально-правового статуса. Одним из следствий того стала популяризация среди евреев идеи об обретении собственного государства Израиль.

Эта идея, подаваемая сионистами в качестве общенациональной, частично разделялась партиями еврейских трудящихся – социалистами-сионистами («сеймовцами») и территориалистами) и поалейсионистами (ЕСДРП).

Члены Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России) не без оснований также считали себя выразителями интересов еврейского рабочего класса. Являясь составной частью РСДРП и строя с ней отношения на принципах федерализма, бундовцы продвигали программу культурно-национальной автономии, которая предполагала единый разговорный язык (идиш), светскую систему просвещения и развития культуры. Будущее еврейского народа бундовцы связывали не с Израилем, а с республиканской Россией, и именно в целях ее преобразования они, по мере своих возможностей, вместе с РСДРП внедряли революционные идеи в трудящиеся массы.

Все эти и иные процессы, обусловленные военным временем, нашли свое отражение в жизнедеятельности евреев в свободной от германской оккупации части так называемого «Северо-Западного края». С конца 1915 г. в городах и местечках Витебской, Могилевской, части Минской и трех уездов Виленской губерний оставалось от 1,5 до 2 млн евреев, коренных жителей и беженцев.

Репрессивная и дискриминационная политика царизма по отношению к евреям оставалась неизменной даже здесь, в прифронтовой зоне. Она основывалась на убеждении в их абсолютной враждебности к русскому государству и православной церкви. Исходя из этого, военные и гражданские власти подозревали евреев в шпионаже и в симпатиях к германцам. На тех же основаниях существовал запрет на использование евреями своего языка в почтовой переписке. В то же время руководство Союза русского народа рекомендовало своему витебскому филиалу чтением лекции «О еврейской опасности для России» усилить пропагандистскую работу среди крестьян [1]. Не удивительно, что антисемитские настроения проникали даже в ряды русских рабочих. Так, в Минске около 100 рабочих Земгора, завербованных из Калужской губернии, заявили протест «против того, чтобы их мастером был жид» [2].

Однако действовавший в прифронтовой зоне военно-полицейский режим не исключал возможностей революционной пропаганды. За годы войны группы революционеров частично переместились в организации по обслуживанию действующей армии. К примеру, бундовец Аронсон Г. Я. на протяжении трех лет работал секретарем Витебского Военно-промышленного комитета [3].

Наличие бундовских структур в Беларуси и их высокая мобильность стали очевидными сразу после отречения царя от трона и выхода в свет Декларации Временного правительства с провозглашением демократических свобод и революционных обновлений. Уже 9 марта в Витебске был избран партийный комитет Бунда из 10 человек во главе с М. Я. Ноткиным [4].

В первой половине марта были воссозданы бундовские комитеты Минска, Бобруйска, Гомеля и Орши. Время активизации бундовцев в городах и местечках Беларуси совпало со все-русским празднованием 6–10 марта Дня Свободы, символизировавшего победу над царизмом. Участники приветствовали Петроградский Совет РСД, пропагандировали программу и агитировали новых борцов в свои ряды.

К середине марта минская организация Бунда установила связь со своим ЦК и организовала доставку его газеты «Ди Арбейтер Штиме». В 20-х числах марта в Минске побывал один из основателей Бунда Вайнштейн А. И., а затем отбыл в Петроград для подготовки партийной конференции. Своих делегатов на нее отправили бундовцы Витебска, Гомеля, Бобруйска, Городка, Минска, Могилева, Невеля, Орши, Полоцка, Слуцка [5, с. 338].

Поскольку перед социал-демократами России разных течений (меньшевики, большевики, межрайонцы, бундовцы) предстоили схожие политические цели, то у них же возникла объективная необходимость в интеграции и создании совместных объединенных организаций (ОО РСДРП). При этом бундовцы сохраняли за собой право осуществлять свою национальную программу.

Важнейшими направлениями деятельности бундовских организаций Беларуси стало участие в создании Советов с целью поддержания порядка и оказания помощи комитетам общественной безопасности. Уже 4 марта бундовцы Перель, Фрид и Мандельштам участвовали в создании Минского Совета. 8 марта в Витебске эту работу возглавил Г. Аронсон. Первым главой Бобруйского Совета РД был избран бундовец Юхвид Н. З. Кроме того, в марте Советы РД стали действовать в Борисове, Дриссе, Лепеле, Орше, Полоцке, Речице, Рогачеве, Слуцке. Большинство партийных

депутатов относилось к социал-демократам, в том числе и бундовцам.

Не менее значимой для бундовцев являлась профсоюзная деятельность. Не случайно в ряде городов она началась одновременно с организацией Советов РД. По мнению руководителей Бунда, «профессиональные союзы должны сохранять нейтралитет в области партийной политики, то есть, должны быть политически беспартийными» [6]. Главным образом, усилиями Бунда в течение марта профсоюзы возникли также в Витебске, Минске, Могилеве, Гомеле, Орше, Рогачеве.

Большое влияние на бундовское движение в стране оказала состоявшаяся 1–4 апреля в Петрограде X конференция Бунда с участием 83 делегатов, в том числе 16 из Беларуси, представлявших около 20 000 партийцев. Президиум возглавил А. Вайнштейн, до того избранный председателем ЦК партии [5, с. 338–341].

Принятые резолюции становились обязательными для всех членов Бунда. В числе важнейших – решения о «защите революционной России», поддержке Временного правительства, неотложном осуществлении национально-культурной автономии и др.

Конференция постановила создать областные комитеты (ОК) – Южный с центром в Киеве и Северо-Западный в составе Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний с центром в Минске. В Северо-Западный ОК были избраны А. Вайнштейн (председатель), М. Я. Гурвич, А. Браун, Янкель, А. Д. Киржниц, И. В. Теумин [5, с. 350].

Весной минская организация Бунда в количестве около 1000 человек оставалась крупнейшей в Беларуси. Важным ее достижением стал выход 11 мая газеты «Дер Векер» (редактор М. Я. Фрумкина-Вихман).

2–5 июня на I областной конференции было решено учредить районные комитеты в Минске, Гомеле, Витебске и Смоленске.

6–7 августа состоялась 1-я конференция бундовских организаций Минской губернии с участием 24 делегатов от более чем 3500 членов партии. Одним из ее решений стало создание губернского комитета [7].

В конце августа состоялось переизбрание Минского комитета Бунда. В его президиум вошли: И. Теумин (председатель), Б. Черный, Е. Гурвич, Я. Левин, Г. Ботвинник.

К середине октября ЦК Бунда переехал в Минск. Сюда же переместилась газета «Ди Арбейтер Штиме», а «Дер Векер» была преобразована в центральный печатный орган партии.

Бобруйские бундовцы (председатель комитета Юхвид Н.) создали вторую крупную организацию губернии, численность которой в ав-

густе достигала 850 чел. Бундовские организации в 200–300 человек существовали в Мозыре, Слуцке, Речице [8, с. 584].

Одна из крупнейших организаций Бунда возникла в Гомеле. 25–27 мая здесь прошла конференция Могилевской губернии, представлявшая 2390 членов партии. Избранный конференциями губернский комитет возглавила Д. Я. Притыкина.

15 июля в результате перевыборов гомельский комитет возглавила Р. В. Брук. В августе численность местной организации Бунда достигла 800, а могилевской – 430 человек [8, с. 584–585].

В Орше бундовцы действовали в составе самостоятельной организации. Ее численный состав вместе с дубровенской приближался к 600 [8, с. 585].

В Ветке и ее окрестностях числилось около 500 бундовцев. Их организации действовали в Шклове, Горках и Быхове [8, с. 585].

Витебскую организацию в составе 650 человек возглавлял М. Я. Ноткин. На губернской конференции, состоявшейся 12–13 мая с участием делегатов от 8 организаций, он был избран председателем губернского комитета [9]. К августу в губернской организации уже состояло до 2000 человек [8, с. 585].

После скоропостижной смерти М. Ноткина обязанности губернского и городского руководителей Бунда перешли к Г. Аронсону [10].

Таким образом, весной – летом в Беларуси возникла сеть губернских, уездных, городских и поселковых организаций Бунда во главе с Областным комитетом. Основная энергия партийных организаций была сосредоточена на защите социально-экономических интересов еврейского рабочего класса, участия в Советах РД и органах самоуправления.

Популяризации бундизма способствовала партийная и советская пресса, а также рабочие клубы, например, имени Б. Гроссера в Витебске и Орше. В начале апреля при Гомельском Совете была создана пропагандистская комиссия во главе с лидером бундовской организации Брук Р. В., которая поставила целью «научное освещение вопросов момента с точки зрения интересов пролетариата и крестьянства» [11].

Бундовцы Бобруйска, Ветки, Витебска, Гомеля, Двинска, Дисны Дриссы, Игумена, Минска, Могилева, Мозыря, Орши и Дубровны, Полоцка, Речицы [8, с. 585–586] приняли участие в Объединительном съезде РСДРП, где, помимо прочего, прозвучало стремление всей социал-демократии к осуществлению их национальной программы с учетом прав меньшинств на основе культурно-национальной автономии [12].

С весны по осень 1917 г. в большинстве Советов РД сохранялось значительное бундовское присутствие. Так, с избранием на должность председателя Ландера К. И. Минского Совета его рабочий отдел возглавлял бундовец Перель. Вопросами рабочего движения в Полоцке занималось бюро Совета РиСД (председатель Р. Левин) [3, л. 193].

Традиционно первостепенная заинтересованность бундовцев улучшением материального положения трудящихся обусловила преимущественно экономический характер деятельности Советов РД.

За отчетное время с марта до конца июля Витебский Совет РД организовал до 20 профсоюзов, ЦБПС, примирительную камеру, разрешил более 100 экономических конфликтов. Кроме этого, Совет принимал участие в общеполитической жизни и боролся с контрреволюцией. 29 июля новым председателем был избран эсер Цетлин М. С.) [13].

Могилевский совет в своей массе состоял из военных. Как и его рабочие депутаты, они были последователями РСДРП.

Крупнейшим Советом РиСД оставался Гомельский (председатель социал-демократ Севрук П. Н., заместитель председателя бундовец Гезенцвей С. А.), но влияние в нем рабочих было незначительным. Показательно также, что 10 октября при перевыборах нового председателя Совета РиСД эту должность занял серповец Эвентов Л. Я.

В Оршанском, Рогачевском Советах РиСД роль рабочих в совместной с солдатами организации также оставалась незначительной. Мстиславский и Чериковский Советы РД не проявляли заметной активности.

Из остальных, не занятых кайзеровскими войсками уездах Беларуси, наиболее значимые Советы действовали в Браславе, Вилейке, Молодечно, Друе, Радошковичах. Вследствие слабого уровня промышленного развития региона в них наблюдалось полное преобладание солдатских депутатов.

В силу ряда причин социального, национального и психологического характера между солдатскими и рабочими депутатами Борисова, Гомеля, Городка, Горок, Лепеля, Орши и других городов наблюдалась известная отчужденность. В этих условиях солдаты уделяли больше внимания общеполитическим вопросам, а рабочие депутаты действовали в соответствии с установками своих партийных комитетов и профсоюзов. В Витебске так и не удалось объединить Совет РД и Совет СД, поскольку рабочие не хотели этого, инстинктивно боясь растворения в чуждой им среде, в серой солдатско-крестьянской массе.

Такого рода обстановка не мешала рабочим депутатам и партийцам решать общественно значимые дела. Так, несмотря на установку о беспартийности профсоюзов, занятость бундовцев проблемами еврейских рабочих была настолько плотной, что терялась граница между их экономической и партийной деятельностью.

К середине мая в Минске рабочие около 30 профессий уже создали союз приказчиков (1500 человек), «Игла» (800 человек), табачных фабрик (600 человек), кожевников (400 человек). В конце мая был утвержден устав Центрального бюро профессиональных союзов (ЦБПС). В начале августа в его президиум входили 7 человек, главным образом бундовцы.

В Витебский ЦБПС, созданный во второй половине апреля, вошли 18 союзов из 20. Его руководство составляли по 2 представителя от каждого союза, 3 – от исполкома СРД, и по 1 – от социалистических партий.

25 апреля был избран временный президиум в составе бундовского лидера и председателя СРД Аронсона Г. (председатель), бундовца Цетлина Э. (товарищ председателя), эсера Шумелишского Н. (секретарь). Крупнейшие союзы объединяли приказчиков (1300 человек), домашнюю и ресторанный прислугу (1200 человек), обработчиков кож (1100 человек).

13 апреля в Могилеве состоялось первое заседание ЦБПС, а 15 мая был избран его президиум (председатель Пинус С. М.) [14].

В июне в Гомеле около 7000 рабочих объединялись в 20 профсоюзах. Самый крупный из них – союз «Игла», организованный членом Бунда Притыкиной Д., к октябрю насчитывал в своих рядах около 1200 человек [15].

В Мозыре, Дисне, Ветке существовали общие для всех рабочих профсоюзы с едиными правлениями. Важнейшим достоянием союзов стало установление на предприятиях (Мозырь, Витебск, Бобруйский у.), а также в масштабах населенных пунктов (Минск, Рогачев, Ветка) 8-часового рабочего дня. В целях решения спорных вопросов создавались примирительные камеры.

Бобруйский комитет Бунда, кроме городской деятельности, занимался организацией заводских комитетов, профсоюзов и партийных ячеек в окрестных местечках Паричи, Глуск, Старые Дороги и других.

Лидеры Бунда (как и всей центристской части РСДРП) в своей агитационно-пропагандистской деятельности по рабочему вопросу исходили из тех программных положений, что Февральская революция по своему характеру являлась буржуазно-демократической, и поэтому, мол, с сохранением капиталистических от-

ношений – законодательное оформление 8-часового рабочего дня, минимума заработка, других социальных гарантий оставалась и важнейшей целью трудящихся.

Создание влиятельных профсоюзов, согласительных палат, укрепление позиций рабочих партий позволяло действовать без постоянной помощи Советов. Неслучайно в июле – августе и позже даже в крупнейших Советах Беларуси (Минский, Витебский, Гомельский) наблюдалось снижение активности рабочих депутатов.

В политической части деятельность бундовских организаций проявляла себя менее заметно, чем в производственной, воплощаясь, в основном, в совместных с другими представителями «революционной демократии» акциях (манifestациях, митингах, расширенных заседаниях Совета) по поводу важнейших общероссийских или местных событий и т. д. Ярким проявлением такого рода совместной деятельности всех политических сил с участием Бунда стали выборы в городские и земские самоуправления.

Как известно, Апрельская конференция Бунда предписала членам партии немедленно приступить к созданию на местах органов национально-культурной автономии еврейской нации на основании всеобщего и т. д. избирательного права с участием всех граждан обо-его пола старше 20 лет, причисляющих себя к еврейской национальности. При этом отмечалось, что «внутреннее устройство национально-культурной организации будет определено Еврейским учредительным собранием в границах компетенции, которая будет установлена Всероссийским учредительным собранием в основных законах».

Многое от того, насколько «органы национально-культурной автономии еврейской нации» будут отвечать интересам трудящихся, также зависело и от результатов выборов в городские самоуправления (думы).

После выхода в апреле закона о выборах в городские самоуправления по всей стране началась подготовка к избирательной кампании. Особый интерес к выборам проявлял Бунд, поскольку от их результатов могло зависеть не только социальное благополучие еврейских трудящихся, но и будущее еврейской общины как субъекта национального самоуправления. В частности, бундовцы предполагали «изъятие из ведения государства и органов местного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры» [5, с. 270].

Неодинаковый политический вес (численность, авторитет, возможности) бундовских организаций в городах Беларуси обусловил разные способы сбора голосов. С учетом того,

что здесь проживало до половины всего еврейского населения, можно было ожидать острой конкурентной борьбы со стороны многих национальных партий и объединений. С учетом того, что большинство партий относили себя к «революционной демократии», для завоевания в думах основной массы депутатских мест они считали целесообразным объединить свои усилия в совместном «социалистическом блоке». Так, в Витебске в него вошли кандидаты РСДРП, Бунда, эсеров и энесов; Могилеве – РСДРП, Бунда, эсеров, энесов и социал-демократов Королевства Польского и Литвы; Гомеле и Бобруйске – РСДРП, Бунда, эсеров и польских социалистов; Мозыре – Бунда и эсеров; Минске – РСДРП, Бунда и большевиков. В Игумене и Горках бундовцы выступали самостоятельно.

Конкуренты бундовцев – Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия и Поалей Цион чаще выступали совместно в «национально-социалистическом блоке» (Бобруйск, Витебск, Гомель, Минск, а прочие еврейские кандидаты – в «национальном блоке», сионистских и «беспартийных» списках. По словам минской газеты, «в еврейских кругах преобладают национальные течения: сионистское и так называемых «национальных социалистов». Эти противоположные группы как бы объединились на ожесточенной борьбе против Бунда [16].

Подавляющее большинство мест в думах заняли кандидаты «социалистического блока», в том числе выдвиженцы от Бунда.

Выборы в волостные земства прошли с минимальным количеством участников. Так, свое избирательное право использовала только пятая-шестая часть жителей Орши и Бобруйска. Как показали результаты земских выборов, прочные позиции заняли эсеры и меньшевики, а в среде еврейских трудящихся – бундовцы.

Как и все граждане свободной России, бундовцы связывали решение своих и общественных интересов с созывом Учредительного собрания. Перед Советами, профсоюзами, а также перед бундовцами, которые взяли на себя роль выразителей интересов еврейского рабочего класса, встала последняя задача – добиться принятия Учредительным собранием соответствующего законодательства. В этих целях они решили объединить свои усилия с испытанным союзником – РСДРП и составить единые списки кандидатов во Всероссийский парламент. Так, в список от Витебского избирательного округа (№ 9) объединенной РСДРП и Бунда они включили 5 бундовцев во главе с Р. А. Рейном. По Минскому округу в список № 5 из 17 человек включили 9 бундовцев, среди которых первая строка отводилась

А. И. Вайнштейну. По Могилевскому округу (список № 2) РСДРП и Бунда из 22 человек было включено 11 бундовцев во главе с М. И. Либером [17]. По Западно-фронтovому округу в списке № 5 объединенной РСДРП среди 17 человек бундовцы не значились. Тем не менее огромный перевес на стороне «революционной демократии» позволял им надеяться на достижение своих целей, в том числе и по национальному вопросу.

Заключение. После свержения самодержавия Бунд оставался классовой партией, но при этом являлся сторонником ненасильственного, реформационного развития общества, утверждения демократического режима, что, в частности, проявилось в его участии в делегировании своих представителей в новые органы власти и демократизированные самоуправления Беларуси. Деятельность бундовских организаций с момента возрождения в марте 1917 г. характеризовалась их первоочередной занятостью экономическими потребностями местного еврейского рабочего класса. Основной его костяк составляли рабочие фабрик, заводов, ремесленных мастерских и других предприятий, имевшие опыт революционной борьбы. Именно в их среде Бунд создал и объединил большинство профессиональных союзов. Созданные при участии бундовцев Советы РД стали дополнительным средством в решении экономических проблем трудящихся. Характерно, что в общественных интересах во время решения трудовых споров

с предпринимателями рабочие отдавали предпочтение не забастовкам, а примирительным камерам. Во взаимоотношениях со своими политическими противниками они использовали общепринятые формы и методы, в том числе идейную борьбу, но никогда не прибегали к насилию.

Осознавая зависимость конечных целей своей программы от степени участия в ее реализации, бундовцы сумели в краткие сроки возродить прежние и создать новые партийные организации, выстроить действенную систему управления ими и подчинить ее центральным органам. В конечном счете это обусловило скоординированные действия бундовцев Беларуси со всероссийской «революционной демократией» по сплочению масс вокруг Советов под лозунгами поддержки Временного правительства, в вопросе войны, укреплению завоеваний революции и т. д. Все важнейшие политические события страны (I Всероссийский съезд Советов РСД, поддержка летнего наступления русской армии, осуждение попытки большевистского переворота 3–4 июля и Корниловского мятежа, Демократическое Совещание и др.) прошли при активном участии местных бундовцев.

В целом, реальную по тем временам значимость Бунда в российской истории и текущей жизни можно было оценить по многочисленным отзывам в прессе, когда «революционная демократия» всей страны, в том числе Беларуси, праздновала его 20-летний юбилей в октябре 1917 г.

Список литературы

1. Витебский листок. 1917. 12 янв.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 4. Ед. хр. 46. Л. 2.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 400. Л. 41.
4. Витебский листок. 1917. 10 мар.
5. Рафес М. Очерки по истории Бунда. М.: Московский рабочий, 1923. 440 с.
6. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 169. Л. 28.
7. Новое варшавское утро. 1917. 10 авг.
8. Меньшевики в 1917 году. В 3 т. Т. 2. От июльских событий до Корниловского мятежа. М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1995. 832 с.
9. Известия Витебского Совета. 1917. 20 мая
10. Витебский листок. 1917. 5 авг.
11. Гомельская копейка. 1917. 9 апр.
12. Вперед. 1917. 30 авг.
13. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 147. Л. 22.
14. Молот. 1917. 14 авг.
15. Рабочая мысль. 1917. 17 окт.
16. Новое варшавское утро. 1917. 7 июня.
17. Рабочая мысль. 1917. 14 окт.

References

1. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, January, 12.
2. Natsional Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 4. F. 46. L. 3.

3. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 2496. I. 1. F. 400. L. 41.
4. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, March, 10.
5. Rafes S. M. *Ocherki po istorii Bunda* [Essays on the history of the Bund]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1923. 440 p.
6. NARB. Fund 60. I. 3. F. 169. L. 28.
7. *Novoye varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, August, 10.
8. *Men'sheviki v 1917 godu. V 3 t. T. 2. Ot iyul'skikh sobyitiy do Kornilovskogo myatezha* [Mensheviks in 1917. In 3 vols. Vol. 2. From the July events to the Kornilov rebellion]. Moscow, Progress-Akademiya, ROSSPEN Publ., 1995. 832 p.
9. *Izvestiya Vitebskogo Soveta* [News of the Vitebsk Council], 1917, May, 20.
10. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, August, 12.
11. *Gomel'skaya kopeyka* [Gomel kopeck]. 1917. April, 9.
12. *Vpered* [Forward], 1917, August, 30.
13. NARB. Fund 60. I. 3. F. 147. L. 22.
14. *Molot* [Hammer], 1917, August, 14.
15. *Rabochaya mysl'* [Working thought], 1917, October, 17.
16. *Novoye varshavskoye utro* [Working thought], 1917, June, 7.
17. *Rabochaya mysl'* [Working thought], 1917, October, 14.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 20.09.2022

УДК 331.108.3–054.72(437)

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АДМЕТНАСЦІ САЦЫЯЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ АДАПТАЦЫІ
БЕЛАРУСКІХ СТУДЭНТАЎ У МІЖВАЕННАЙ ЧЭХАСЛАВАКІІ**

У даследаванні аналізуецца ўплыў палітычных і эканамічных фактараў на працэсы псіхалагічнай і сацыяльна-культурнай адаптацыі беларускіх студэнтаў у Чэхаславакіі. Прааналізаваны ўплыў акадэмічнага асяроддзя на адаптацыйныя працэсы і камунікацыйныя здольнасці студэнтаў. Беларускія грамадскія арганізацыі ў Празе ладзілі літаратурныя вечарыны беларускіх класікаў, якія спрыялі фарміраванню нацыянальнай ідэнтычнасці дыяспары. Найбольш значнай для паспяховай сацыяльна-культурнай адаптацыі студэнтаў была дзейнасць таварыства «Незалежнасць» і Культурнага таварыства імя Ф. Скарыны ў Празе. Візіты вучоных, педагогаў, пісьменнікаў з метраполіі садзейначалі культурнай і акадэмічнай адаптацыі беларускіх студэнтаў. Вынікі даследавання даюць падставы сцвярджаць, што беларускія студэнты ў міжваеннай Чэхаславакіі не вылучаліся добра сфарміраванай культурнай ідэнтыфікацыяй, што прывяло да праблемнай адаптацыі ў сацыяльным і адукацыйным асяроддзі. Канфлікты паміж палітычнымі групамі дыяспары і сусветны эканамічны крызіс аказалі негатывны ўплыў на развіццё беларускіх студэнцкіх арганізацый і іх культурную дзейнасць.

Ключавыя словы: беларускія студэнты, беларуская дыяспара, сацыяльна-культурная адаптацыя, Чэхаславакія, нацыянальная ідэнтычнасць.

Для цытавання: Коваль В. У. Адметнасці сацыяльна-культурнай адаптацыі беларускіх студэнтаў у міжваеннай Чэхаславакіі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 44–49.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**PECULIARITIES OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF THE BELARUSIAN
STUDENTS IN THE INTERWAR CZECHOSLOVAKIA**

The present study examined how the psychological and sociocultural adaptation of the Belarusian students in Czechoslovakia varied over the political and economic factors. It analyzes such question as the process of adaptation to the conditions of the university environment and communicative skills of the students. This article reviews the development of the national identity among the Belarusians abroad after the organization of the literary performances in Prague by the Belarusian civil associations. The society «Independence» and the Belarusian cultural society named after F. Skaryna in Prague have become the most important for the sociocultural adaptation of the students. The visits of the Belarusian scientists, professors and writers contributed to the cultural and academic adaptation of the Belarusian students. The results of the study had shown that most of the Belarusian students in the interwar Czechoslovakia do not possess the common cultural identity, what indicates a problem of adaptation at the social and educational environment. The conflicts between different political groups in the diaspora and the world economic crisis have had a negative impact on the development of the Belarusian student organizations and their cultural activity.

Keywords: Belarusian students, Belarusian diaspora, sociocultural adaptation, Czechoslovakia, national identity.

For citation: Koval V. U. Peculiarities of sociocultural adaptation of the Belarusian students in the interwar Czechoslovakia. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 44–49 (In Belarusian).

Уводзіны. У сучасных псіхалага-педагагічных навуковых публікацыях шырока прадстаўлена праблема сацыяльнай, акадэмічнай адаптацыі замежных студэнтаў. У даследаванні на аснове актуальнай псіхалагічнай метадалагічнай базы разглядаюцца асаблівасці адаптацыйных

працэсаў беларусаў у міжваеннай Чэхаславакіі, прадстаўлена рэтраспектыва праблемы, вылучаны фактары, якія аказвалі ўплыў на сацыяльна-культурную адаптацыю асоб.

Асноўная частка. Заходняя гістарыяграфічная традыцыя разглядае сацыяльна-псі-

халагічную адаптацыю студэнтаў як частку крос-культурных працэсаў. Спецыялісты падкрэсліваюць, што паспяховая інтэграцыя асобы ў прымаючым грамадстве характарызуецца адчуваннем камфорту ва ўніверсітэцкім асяроддзі, эмацыйнай устойлівасцю, нізкім узроўнем канфліктнасці, эфектыўнай камунікацыяй [1, с. 65–71]. Сацыльна-культурная адаптацыя – гэта здольнасць студэнтаў прымаць каштоўнасці замежнай культуры, пераймаць новыя нормы і правілы паводзін. Псіхалагі вылучаюць пяць асноўных фактараў, якія характарызуюць сацыльна-культурную адаптацыю студэнтаў-замежнікаў: культурная дыстанцыя (рознiца паміж культурнымі каштоўнасцямі прымаючага грамадства і метраполіі), сацыяльная камунікацыя (колькасць і частотнасць кантактаў), сацыяльны рэсурс (сацыяльная падтрымка іншых студэнтаў), сацыяльныя стрэсары (дыскрымінацыя, якую адчувае асоба) і матэрыяльны статус [2, с. 824]. Неабходна падкрэсліць, што паспяховая інтэграцыя беларускіх студэнтаў у чэшскую культуру была непасрэдна звязаная з акадэмічнай адаптацыяй да працэсу навучання.

Большасць беларускіх студэнтаў у Чэхаславакіі – гэта жыхары Заходняй Беларусі, якая з 1921 г. да 1939 г. была часткай Другой Рэчы Паспалітай. Несправядлівая польская палітыка ў дачыненні нацыянальных меншасцей прымушала беларускую моладзь здабываць адукацыю за мяжой, каб пасля вярнуцца на Бацькаўшчыну. Беларусы набывалі адукацыю ў асноўным у Карлавым універсітэце ці Чэшскім вышэйшым тэхнічным вучылішчы, дзе адукацыйны працэс ажыццяўляўся выключна на чэшскай мове. Студэнты вымушаныя былі развіваць сваю камунікацыйную кампетэнтнасць, каб пераадолець моўны бар’ер і пашырыць асабістыя сацыяльныя кантакты. Моўныя здольнасці садзейнічалі акадэмічнай адаптацыі асоб. Некаторыя студэнты былі вымушаныя год вывучаць чэшскую мову, каб паспяхова засвоіць вучэбную праграму ўніверсітэта.

Студэнты тэхнічных факультэтаў прасцей адчувалі сябе ў працэсе вучэбнай камунікацыі з педагогамі, а прадстаўнікам гуманітарных спецыяльнасцей даводзілася рупліва вучыць мову прымаючага грамадства. Акадэмічная паспяховасць адыгрывала важную ролю для беларускіх студэнтаў, як гэта адзначаецца ў матэрыяле газеты «Сын Беларуса»: «Аб студэнтах нашых можна сказаць, што для ніх цяпер – самы гарачы час, асабліва для тэхнікаў: трэба да канца заняткаў здаць абавязковыя “залікі”. Таму усе рупна вучацца» [3, с. 4].

Нягледзячы на перыяд сесіі, беларусы Чэхаславакіі паспывалі прымаць удзел у культурных і грамадскіх мерапрыемствах дзяспары, што было таксама важна для іх штодзённасці, іх эмацыйнага камфорту.

Станоўчы ўплыў на развіццё беларускіх студэнцкіх суполак і актывізацыю грамадскай актыўнасці аказвала чэшская дзяржаўная палітыка пад назвай «Руская акцыя дапамогі», якая праводзілася з 1921 г. Беларуска моладзь мела магчымасць атрымаць матэрыяльную і маральную падтрымку, бо праграма была накіраваная на эмігрантаў з былой Расійскай імперыі: ствараліся фонды дапамогі, выдаваліся стыпендыі, хворым студэнтам аказвалася медыцынская дапамога.

Сусветны эканамічны крызіс, які распачаўся ў 1929 г., негатыўна паўплываў на развіццё студэнцкага руху ў Чэхаславакіі. Большасць дапамогавых фондаў і праграм была згорнута, значна паменшылася матэрыяльная падтрымка студэнцкай моладзі.

Фарміраванне студэнцкіх арганізацый у Чэхаславакіі адбывалася паралельна з чарговым этапам развіцця беларускай дзяржаўнасці, таму нацыястваральныя працэсы непасрэдна звязаныя са станаўленнем беларускай ідэнтычнасці дзяспары. Дыскрымінацыйная палітыка польскіх улад у Заходняй Беларусі прымушала студэнтаў праяўляць сваю палітычную актыўнасць, беларусы на міжнародным узроўні агучвалі факты несправядлівага стаўлення да нацыянальных меншасцей у Другой Рэчы Паспалітай.

Развіццё беларускай ідэнтычнасці ў калектывнай самасвядомасці дзяспары ў 1920-я – 1930-я гг. стымулявала кансалідацыю. Культурныя мерапрыемствы ў асяроддзі замежжа аб’ядноўвалі асоб, там ствараліся нацыянальныя міфы, фарміравалася калектывная памяць і нацыянальная ідэнтычнасць. Нягледзячы на супрацьлеглыя, часам палярныя, палітычныя перакананні, беларускія студэнты пазітыўна ацэньвалі ролю класікаў – Янкі Купалы і Якуба Коласа. Варта падкрэсліць, што ў розных краінах свету адзначаліся чарговыя юбілеі паэтаў і гадавіны іх творчай дзейнасці. Вершы і паэмы Я. Купалы і Я. Коласа дапамагалі палітычным апанентам знайсці агульныя аспекты ў развіцці нацыянальнай культуры.

Аналіз беларускіх арганізацый у Чэхаславакіі дазваляе зрабіць выснову, што выключны ўплыў на сацыяльна-культурныя адаптацыйныя працэсы аказвалі таварыства «Незалежнасць», Аб’яднанне беларускіх студэнцкытаварыства імя Ф. Скарыны ў Празе.

Арганізацыі вылучаліся сваімі шырокімі міжнароднымі кантактамі і актыўнай грамадскай работай, праводзілі нацыянальныя вечарыны і ладзілі юбілеі.

Прадстаўнікі беларускай дыяспары ў пачатку 1920-х гг. сур'ёзна канфліктавалі паміж сабой на палітычнай глебе, што стала прычынай ліквідацыі таварыства «Незалежнасць». Частка членаў былой арганізацыі аб'ядналася ў Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны, якое было створана ў Празе 5 чэрвеня 1926 г., пры гэтым яго заснавальнікамі ў асноўным сталі студэнты (каля 50 чалавек) [4, с. 7]. У статуте арганізацыі падкрэслівалася, што яе асноўныя кірункі дзейнасці – культурная і асветніцкая праца.

Свой першы арганізацыйны вопыт стваральнікі новага аб'яднання атрымалі яшчэ ў таварыстве «Незалежнасць», якое першапачаткова лічылася культурна-асветніцкім гуртком. Члены «Незалежнасці» 30 снежня 1924 г. арганізавалі і правалі музычна-літаратурную вечарыну, прысвечаную творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча, пра якую засталася інфармацыя на старонках віленскай прэсы [5, с. 4]. У газетным матэрыяле падкрэсліваўся адметны настрой прысутных, які здымаў унутраны эмацыйны канфліктны стан эмігрантаў, вызваў ад вострага пачуцця настальгіі ў прымаючым грамадстве, прымаў залішняю трывожнасць. Фактычна гэта была адна з першых удалых беларускіх літаратурна-мастацкіх вечарын у Празе. Вершы Я. Купалы ў выкананні членаў музычна-драматычнага гуртка падкрэслівалі мелагучнасць роднай мовы ў іншакультурным асяроддзі.

Дзяржаўныя органы Чэхаславакіі без затрымкі ў 1926 г. зарэгістравалі статут Аб'яднання беларускіх студэнцкіх арганізацый (АБСА) [6, с. 3]. У дакуменце падкрэслівалася, што аб'яднанне беларускіх студэнтаў не будзе ажыццяўляць аніякай дзейнасці супраць афіцыйных чэшскіх улад. Работа ўсіх арганізацый замежнікаў пільна адсочвалася Міністэрствам замежных спраў ЧСР. У Архіве горада Прага захоўваюцца статуты большасці эмігранцкіх суполак, якія атрымалі дазвол на афіцыйную дзейнасць у Чэхаславакіі. Адным з абавязковых пунктаў шматлікіх статутаў быў «непалітычны характар дзейнасці арганізацый».

Інфармацыя пра беларускія мастацка-культурныя ўрачыстасці ў Празе публікавалася на старонках беларускамоўных перыядычных выданняў, якія сталі на сучасны момант асноўнымі гістарычнымі крыніцамі па гісторыі дыяспары. Напрыклад,

віленская газета «Сялянская ніва» (№ 2 за 5 студзеня 1927 г.) размясціла матэрыял пра ўрачыстую акадэмію ў гонар 20-годдзя літаратурнай творчасці Якуба Коласа, якая адбывалася ў Празе 21 снежня 1926 г. у памяшканні «Студэнцкай хаты». Арганізацыйнае мерапрыемства займалася Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны. На юбілейнай акадэміі гучалі ўрыўкі твораў Я. Коласа, на вечарыне таксама былі прадстаўлены навуковыя рэфераты пра творчасць класіка. У газетным матэрыяле падкрэслівалася: «Прысутных было дужа многа, якія з энтузіязмам ухвалілі паслаць ад Скарынінскага Т-ва дарагому юбіляру Я. Коласу на памяць прывітаньне – адрэс. Акадэмія пакінула на ўсіх дужа сымпатычнае ўражанне, як свята выключна культурнае» [7, с. 5]. У артыкуле пазначана, што на юбілейнай вечарыне было шмат беларускіх студэнтаў, якія маглі атрымаць там сацыяльную і маральную падтрымку.

Мастацка-літаратурныя вечарыны дапамагалі моладзі справіцца з пачуццём настальгіі, студэнты атрымоўвалі магчымасць пашырыць свае сацыяльныя кантакты, а сітуацыя паспяховай камунікацыі спрыяла іх інтэграцыі ў іншакультурнае грамадства. Беларускае таварыства імя Ф. Скарыны імкнулася праводзіць у Празе літаратурныя вечарыны рэгулярна. Пасля юбілею Я. Коласа таварыствам было арганізавана тэматычнае мерапрыемства, прысвечанае творчасці М. Багдановіча. 28 мая 1927 г. у Празе адбылася вечарына з нагоды 10-годдзя з дня смерці паэта [8, с. 3]. Рэгулярныя сустрэчы на культурных вечарынах дапамагалі эмігрантам стварыць свой сацыяльны асяродак, пашыралі знаёмствы сярод землякоў.

Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны выдавала свой часопіс у Празе пад назвай «Іскры Скарыны» [9, с. 182]. Эмігрантам было надвычай складана рыхтаваць да друку сваю прэсу, бо асноўнай праблемай для дыяспары быў недахоп матэрыяльных сродкаў. Кожны нумар беларускага замежнага перыядычнага выдання ўспрымаўся сапраўднай падзеяй, бо аказваў непасрэдным уплывам на фарміраванне дыяспаральнай ідэнтычнасці. Віленскі беларускі літаратурна-навуковы часопіс «Калосьсе» ахарактарызаваў выхад 5-га нумара часопіса «Іскры Скарыны» наступным чынам: «Выгляд часопісу паважны, рэпрэзэнтацыйны, фармат вялікі, змест багаты і рознастайны» [9, с. 182]. Адметнасцю падрыхтоўкі да друку перыядычнага выдання стала фінансавая падтрымка беларускіх мецэнатаў.

У асабістым фондзе В. М. Русака з калекцыі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь сустрэаецца інфармацыя, што № 3–5 часопіса «Іскры Скарыны» ў 1934–1935 гг. былі выдадзены на сродкі гэтага чалавека [10]. Справа ў тым, што Васіль Русак быў адным з нешматлікіх беларусаў у Празе, які змог арганізаваць свой уласны прыбытковы бізнес. Гэты чалавек меў музычныя і літаратурныя здольнасці, сам пісаў вершы і добра спяваў, вылучаўся прафесійна пастаўленым оперным голасам. В. М. Русак з гонарам у сваёй аўтабіяграфіі падкрэсліваў факт сваёй першай публікацыі вершаў у беларускім студэнцкім часопісе «Перевясла» і фінансаванне выдання «Іскры Скарыны», дзе былі апублікаваны яго матэрыялы пад псеўданімамі.

Палітычная канфрантацыя сярод прадстаўнікоў беларускай дыяспары аказвала негатыўны ўплыў на адаптацыю студэнцтва. Пазіцыя стаўлення да БССР, яе ролі ў працэсе развіцця беларускай нацыі часам не давала магчымасці прымірыцца палітычным апанентам. Значнымі падзеямі для беларускай замежнай супольнасці былі візіты дзеячоў навукі і культуры Савецкай Беларусі, якія ў другой палове 1920-х гг. чыталі адкрытыя лекцыі пра поспехі палітыкі беларусізацыі, наладжвалі першыя кантакты са студэнтамі ў Чэхаславакіі. Падобныя мерапрыемствы стымулявалі грамадскую актыўнасць супольнасці замежжа, аказвалі псіхатэрапеўтычны ўплыў на беларускае студэнцтва, стваралі для асоб пачуццё перспектывы.

У 1924 г. у Прагу быў камандзіраваны акадэмік Я. Карскі. Беларускі этнограф, фалькларыст і літаратуразнаўца выступіў на сходзе студэнтаў-беларусаў. Газета «Сын Беларуса» размясціла матэрыял пра сустрэчу студэнцкай моладзі з Я. Карскім, дзе падкрэслівалася адметнае стаўленне выступаўцы да праблем беларускай культуры: «Гаворачы аб нашых паэтах і пісьменніках, проф. Карскі з асаблівай пашанай гаварыў аб творчасці Якуба Коласа, які нязвычайна вырас» [3, с. 4]. Сустрэча пра культурнае жыццё беларускай нацыі стала працяглай і жывой, пра што сведчыць газетны матэрыял.

Візіт у 1927 г. першага рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта У. І. Пічэты ў Прагу беларускае студэнцтва палічыла важнай падзеяй. У сваёй афіцыйнай справаздачы прафесар Пічэта У. І. канстатаваў, што яго даклад для беларускіх студэнтаў у Празе быў на тэму «Культурнае будаўніцтва ў БССР» [11, с. 234]. У час візіту рэктар змог наладзіць міжнародныя сувязі з навуковымі і грамадскімі арганізацыямі Чэхаславакіі, яго лекцыі мелі выключны поспех. У. І. Пічэта стварыў станоўчы вобраз

беларускага прафесара ў чэхаславацкім навуковым асяроддзі. Рэктар меў значныя планы ў галіне развіцця міжбібліятэчнага супрацоўніцтва, аднак шмат якія навуковыя і адукацыйныя праекты так і не былі рэалізаваны, бо ў 1930 г. У. І. Пічэта быў арыштаваны.

У Прагу накіроўваліся таксама беларускія пісьменнікі, паэты, журналісты. У другой палове 1920-х гг. творчая інтэлігенцыя з БССР рабіла даклады пра беларусізацыю і яе вынікі, а з 1935 г. камандзіраванне літаратараў і журналістаў было звязанае з падпісаннем дагавора паміж Савецкім Саюзам і Чэхаславакіяй аб узаемнай дапамозе. Выступленні афіцыйных беларускіх дэлегацый аказвалі непасрэдны ўплыў на грамадскую актыўнасць дыяспары і, як вынік, на сацыяльна-культурныя адаптацыйныя працэсы.

Беларускія студэнты ў Чэхаславакіі, як правіла, сутыкаліся са значнымі фінансавымі праблемамі, ім цяжка было заставацца фізічна і інтэлектуальна актыўнымі пры рэгулярным недахопе сродкаў. Фізіялагічны стан асобы аказваў адметны ўплыў на паспяховую інтэграцыю эмігрантаў. Здаровы чалавек прасцей мог справіцца з адаптацыйным стрэсам. Нерэгулярнае харчаванне прыводзіла да разнастайных захворванняў моладзі.

Праблемай здароўя і побыту студэнтаў-замежнікаў у Чэхаславакіі займаўся Чырвоны Крыж. Міжнародная дабрачынная арганізацыя аналізавала стан здароўя студэнцкай моладзі, намагалася прыцягнуць увагу грамадства да неаптымістычных вынікаў. Напрыклад, медыцынскі агляд 1398 студэнтаў у 1922 г. адлюстравваў агульную сітуацыю: 30 чалавек сур'ёзна хварэлі на туберкулёз, 75 мелі складаную анемію, а 230 студэнтаў – нервовыя захворванні [12, с. 21]. Разглядаючы адаптацыйныя працэсы, таксама неабходна ўлічваць псіхічную актыўнасць асоб, іх фізіялагічны камфорт, стан здароўя.

Міністэрства замежных спраў ЧСР намагалася дапамагчы студэнтам-замежнікам матэрыяльна, кантраляваць іх побыт. Афіцына, у якасці мерапрыемстваў «рускай акцыі» ствараліся дапамагавыя фонды і камітэты. У 1921 г. пачаў сваю працу Чэшска-ўкраінскі камітэт дапамогі ўкраінскім і беларускім студэнтам у Празе (арганізацыя мяняла сваю назву). Камітэт аказваў матэрыяльную падтрымку найбольш здольным беларускім студэнтам: прызначаліся стыпендыі, раздаваліся вопратка і прадукты, аказвалася медыцынская дапамога. Напрыклад, справаздача за 1924 г. сведчыць, што арганізацыя аказвала матэрыяльную дапамогу 29 беларускім студэнтам Карлавага ўніверсітэта і 39 беларусам, якія вучыліся ў Чэшскім вышэйшым тэхнічным вучылішчы [12, с. 24–25]. У 1931 г.

камітэт быў рэарганізаваны, а матэрыяльная дапамога студэнцтву значна паменшылася па прычыне недахопу сродкаў.

Заклучэнне. Праблема сацыяльна-культурнай адаптацыі студэнтаў – адна з актуальных тэм псіхалага-педагагічных даследаванняў. Гісторыя беларускай дыяспары дазваляе раскрыць новыя аспекты працэсу фарміравання культурнай ідэнтычнасці на-

цыі на прыкладзе дзейнасці беларускіх студэнтаў. Канфрантацыя паміж палітычнымі групамі дыяспары аказвала негатыўны ўплыў на сацыяльна-культурную адаптацыю беларускай моладзі. Візіты вучоных, педагогаў і пісьменнікаў у Прагу кансалідавалі і стымулявалі дыяспару, спрыялі фарміраванню культурнай самабытнасці беларусаў замежжа.

Спіс літаратуры

- Theoretical models of culture shock and adaptation in international students in higher education / Y. Zhou [et al.] // *Studies in Higher Education*. 2008. Vol. 33, no. 1. P. 63–75.
2. Cross-cultural Adaptation of International College Students in the United States / Y. Wang [et al.] // *Journal of International Students*. 2018. Vol. 8, issue 2. P. 821–842.
3. Студэнт. Беларусы ў Чэхіі // *Сын Беларуса*. 1924. № 10. С. 4.
4. А. А. Крывіцкае (Беларускае) Культурнае Таварыства Д-ра Францыска Скарыны // *Крыніца*. 1926. № 28. С. 7.
5. Ж. Д. Вечар памяці Вінцука Дуніна-Марцінкевіча // *Беларуская доля*. 1925. № 12. С. 4.
6. Прэзідыум. 3 жыцця студэнтаў // *Сялянская ніва*. 1927. № 31. С. 3.
7. Прысутны. Святкаваньне Коласаўскага Юбілею Скарынаўскім Т-вам у Празе // *Сялянская Ніва*. 1927. № 2. С. 5.
8. Урачыстае святкаванне Х-ых угодкаў смерці паэта-філосафа Максіма Багдановіча беларускай эміграцыяй у Празе // *Беларуская крыніца*. 1927. № 25. С. 2–3.
9. «Іскры Скарыны» // *Калосьсе*. 1935. Кн. 3. С. 182.
10. НАРБ. Фонд 459. Воп. 1. Спр. 14. Арк. 12.
11. Ходзін С. М., Шумейка М. Ф., Яноўскі А. А. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта. Мінск: БДУ, 2011. 375 с.
12. Czechoslovak Help to the Russian and Ukrainian emigration. Prague: Ministry for Foreign Affairs, 1924. 140 p.

References

1. Zhou Y., Jindal-Snape D., Topping K., Todman J. Theoretical models of culture shock and adaptation in international students in higher education. *Studies in Higher Education*, 2008, vol. 33, no. 1, pp. 63–75 (In English).
2. Wang Y., Li T., Noltemeyer A., Wang A., Zhang J., Shaw K. Cross-cultural Adaptation of International College Students in the United States. *Journal of International Students*, 2018, vol. 8, issue 2, pp. 821–842 (In English).
3. Student. Belarusians in Czech. *Syn Belarusa* [The Son of Belarusian], 1924, no. 10, p. 4 (In Belarusian).
4. A. A. The Krivitsky (Belarusian) Cultural Society of Dr. Francysk Skaryna. *Krynitsa* [The Source], 1926, no. 28, p. 7 (In Belarusian).
5. J. D. Performance in memory of Vintsuk Dunin-Martsinkevich. *Belaruskaya dolya* [The Belarusian Fate], 1925, no. 12, p. 4 (In Belarusian).
6. Presidium. From the life of students. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 31, p. 3 (In Belarusian).
7. Attending the meeting. Celebration of the anniversary of Yakub Kolas by Association of Skorina in Prague. *Syalyanskaya niva* [Rural Field], 1927, no. 2, p. 5 (In Belarusian).
8. 10th anniversary of the death of a poet and philosophe Maxim Bogdanovich. *Belarusian Krynitsa* [The Belarusian Source], 1926, no. 28, p. 7 (In Belarusian).
9. “Sparks of Skaryna”. *Kalosse* [Cones], 1935, no. 3, p. 182 (In Belarusian).
10. NARB. Fund 459. I. 1. F. 14. L. 12.
11. Chodin S. M., Shumeyka M. F., Yanovsky A. A. *Pamyats' i slava: Pershy rektar Belaruskaha dzyarzhaunaha universiteta – Uladzimir Ivanavich Picheta* [Memory and Glory: The First Rector of

the Belarusian State University – Vladimir Ivanovich Picheta]. Minsk, BSU Publ., 2011. 375 p (In Belarusian).

12. *Czechoslovak Help to the Russian and Ukrainian emigration*. Prague, Ministry for Foreign Affairs Publ., 1924. 140 p (In English).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 08.09.2022

УДК 821.161.3 «1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**БЕЛАРУСІЗАЦЫЯ 1920-Х ГАДОЎ: ПЕРАДУМОВЫ І НАКІРУНКІ
АЖЫЦЦЯЎЛЕННЯ**

У артыкуле разглядаюцца пытанні правядзення нацыянальнай палітыкі, вядомай як беларусізацыя, прычыны звароту да яе, асноўныя кірункі, адносіны да гэтай з'явы насельніцтва.

Вытокі беларусізацыі – у разгортванні беларускага нацыянальнага руху, які пачынаўся як культурна-этнаграфічны, у праграмных палажэннях нацыянальных партый, у пошуку форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, што адбываўся ў сутыкненні розных поглядаў і меркаванняў. Сваю ролю тут адыграла і з'яўленне беларускага перыядычнага друку, дзейнасць урада БНР, абвешчэнне БССР. У 1920-я гады беларусізацыя набыла статус дзяржаўнай палітыкі.

Ключавыя словы: палітыка беларусізацыі, беларускі нацыянальны рух, перыядычны друк, дзяржаўная палітыка, нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва, беларускае насельніцтва.

Для цытавання: Каляда І. У. Беларусізацыя 1920-х гадоў: перадумовы і накірункі ажыццяўлення // Труды БГТУ. Сер. 6, Істория, философия. 2022. № 2 (263). С. 50–55.

I. U. Kolyada

Belarusian State Technological University

**BELARUSIZATION OF THE 1920S: PREREQUISITES AND DIRECTIONS
OF IMPLEMENTATION**

The article deals with the issues of the national policy known as Belarusization, the reasons for the appeal to it, the main directions, the attitude to this phenomenon of the population.

The origins of Belarusization – in the deployment of the Belarusian national movement, which began as a cultural and ethnographic, in the program provisions of national parties, in the search for forms of national-state construction, taking place in a clash of different views and opinions. The appearance of the Belarusian periodical press, the activities of the BNR government, the proclamation of the BSSR also played a role here. In the 1920s, Belarus acquired the status of a state policy.

Keywords: policy of Belarusization, Belarusian national movement, periodicals, state policy, national-state construction, Belarusian population.

For citation: Kalyada I. V. Belarusization of the 1920s: prerequisites and directions of implementation. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 50–55 (In Belarusian).

Уводзіны. 1920-я гады ў БССР адзначаны правядзеннем беларусізацыі – палітыкі нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Асноўныя накірункі беларусізацыі былі вызначаны яшчэ беларускім нацыянальным рухам, які пачынаўся як культурна-этнаграфічны, калі пераважалі разрозненыя праявы навуковай, літаратурнай, культурна-асветніцкай дзейнасці сярод дробнай шляхты, уніяцкага духавенства, студэнтаў і выкладчыкаў Віленскага ўніверсітэта па вывучэнні мовы, культуры, звычаяў, гістарычнага мінулага беларусаў. Гэтая дзейнасць, накіраваная супраць афіцыйнай палітыкі самадзяржаўя, несла ідэю аднаўлення культурных і гістарычных традыцый беларускага народа, змагання з пагарднымі адносінамі да беларускай мовы, супраціўлення наступствам паланізацыі і русіфікацыі. Гэта быў своеасаблівы стыхійны пратэст супраць

ігнаравання самабытнасці беларускага этнасу, што спрыяла абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці.

Беларускі нацыянальна-вызваленчы рух дасягнуў новай якасці ў канцы XIX ст. у дзейнасці групы «Гоман», члены якой (у большасці беларускія студэнты) прадпрымалі захады тэарэтычнага абгрунтавання існавання беларускай нацыі, патрабавалі сацыяльнага і нацыянальнага разняволення беларускага народа праз утварэнне федэрацыі свабодных раўнапраўных аўтаномных абласцей.

Асноўная частка. Адметным дасягненнем на шляху абуджэння нацыянальнай самасвядомасці, развіцця духоўнасці беларускага насельніцтва стала з'яўленне легальных беларускіх газет «Наша доля» і «Наша ніва», якія выступалі за нацыянальнае раўнапраўе беларускага народа, свабоднае развіццё яго культуры. Тут працавалі

В. Ластоўскі, М. Багдановіч, Я. Колас, Я. Купала, якія «выраслі ў народзе, ад народа не адарваліся, ім вядомы народныя патрэбы..., яны ведаюць народ, і народ ведае іх, – ведае і верыць ім» [1, с. 158]. Дзякуючы працы гэтых людзей усё больш шырокія колы грамадства Беларусі разумелі неабходнасць самастойнага развіцця, дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа.

У перыяд Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый беларуская нацыянальная ідэя была канкрэтызавана ў праграмных палажэннях нацыянальных партый, што актыўна ўключыліся ў барацьбу за стварэнне беларускай дзяржаўнасці. Адзначым, што пошук форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва адбываўся складана, праз сутыкненне розных поглядаў і меркаванняў. Так, напрыклад, кіраўнікі Паўночна-Заходняга абкама РКП(б) А. Мяснікоў, В. Кнорын, К. Ландэр, І. Рагазінскі і іншыя лічылі, што беларускія губерні павінны ўвайсці ў склад РСФСР як Заходняя вобласць Расіі. В. Кнорын, старшыня Часовага ўрада Беларусі, сакратар ЦК КП(б)Б, які падзяляў гэтую ідэю, напіса наступнае: «Мы лічым, што беларусы не з'яўляюцца нацыяй, і што тыя этнічныя асаблівасці, якія іх аддзяляюць ад астатніх рускіх, павінны быць забытыя. Нашай задачай з'яўляецца не стварэнне новых нацый, а знішчэнне старых нацыянальных рагатак» [2, с. 13–14].

Такія погляды былі абумоўлены ідэяй адзінай і непадзельнай Расіі, адзінага народа, у склад якога павінны былі ўвайсці ўсе суседнія народы. І пакуль такая думка заставалася пануючай у кіруючых колах, спробы беларусізацыі былі асуджаны на правал.

Дзеячы беларускага нацыянальнага руху ў сваіх імкненнях пабудаваць самастойную Беларусь у згодзе з «Дэкларацыяй правоў народаў Расіі» імкнуцца стварыць свае органы ўлады, якія б абапіраліся на самыя шырокія масы працоўных. У лістападзе 1917 г. выканкамы Вялікай Беларускай Рады, Цэнтральная Беларускай вайсковай Рады выдалі адозву «Да ўсяго народа беларускага». Гэта, па сутнасці, была праграма нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, дзе прадугледжвалася абвешчэнне Беларусі дэмакратычнай рэспублікай і яе федэрацыя з Расіяй і іншымі суседнімі рэспублікамі з адпаведным размежаваннем правоў краёвых і федэральных улад, перадача ўлады ў Беларусі Краёвай радзе; фарміраванне беларускага нацыянальнага войска і інш. Вялікая Беларуска Рада звярталася да ўсяго народа з заклікам узяць у свае рукі кіраванне краем. А для арганізацыі такой улады адозва аб'яўляла скліканне з'езда прадстаўнікоў беларускага народа (Першы Усебеларускі з'езд працаваў у Мінску ў снежні 1917 г.).

Падпісанне Савецкай Расіяй Брэсцкага міру (1918 г.) і падзел Беларусі ўзмацнілі незалежніцкія тэндэнцыі ў беларускім руху і завяршылі канчатковае высяпванне і самавыяўленне ідэі суверэннай Беларускай дзяржавы. Зразумела, што дасягнуць рэальнай незалежнасці, калі тэрыторыя краіны знаходзілася пад акупацыяй нямецкіх войскаў, было немагчыма. Тым не менш акупацыйныя ўлады перадалі ў распараджэнне Рады БНР пытанні гандлю, прамысловасці, знешняй палітыкі і культуры.

Адным з першых крокаў Народнага сакратарыята БНР пасля яе абвешчэння стала прыняцце пастановы аб дзяржаўным статусе беларускай мовы. Вельмі важным было адраджэнне беларускай школы (у 1918 г. беларускіх пачатковых школ налічвалася ўжо 350 [3, с. 227]). Адбывалася развіццё сярэдняй і вышэйшай школы. Дзейнічала гімназія ў Слуцку, у Мінску была адчынена Вышэйшая музычная школа (у далейшым пераўтвораная ў Беларускаю кансерваторыю), створана камісія па падрыхтоўцы адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на чале з М. Доўнар-Запольскім.

Першачарговай задачай была падрыхтоўка педагагічных кадраў для школ, для вырашэння яе ўжо 1 красавіка 1918 г. пачалі сваю дзейнасць курсы беларусазнаўства, на якіх чыталіся лекцыі па гісторыі Беларусі беларускай літаратуры, геаграфіі, гісторыі беларускага права, беларускай мове.

У справе культурнага адраджэння важную ролю выконваў перыядычны друк. На старонках «Вольнай Беларусі», «Беларускага шляху» і іншых газет і часопісаў, якіх у 1918 г. выходзіла каля 20, адлюстроўваліся найважнейшыя падзеі грамадскага жыцця, друкаваліся творы Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, А. Гаруна, Л. Лёсіка, А. Луцкевіча.

У маі 1917 г. па ініцыятыве А. Лявіцкага было створана Першае Таварыства Беларускай драмы і камедыі, якое ўзначаліў Ф. Ждановіч, і якое праз год было рэарганізавана ў Беларускі дзяржаўны тэатр.

Такім чынам, дзейнасць БНР з'явілася важным этапам культурна-нацыянальнага адраджэння. Бяспрэчны ўклад дзеячаў БНР у развіццё беларускай мовы, культуры, асветы, падрыхтоўку беларускіх нацыянальных кадраў, у фарміраванне нацыянальнай свядомасці беларусаў. Культурная спадчына БНР у значнай сваёй частцы была ўключана ў працэс будаўніцтва Савецкай Беларусі, у палітыку беларусізацыі 1920-х гг., у ажыццяўленні якой самы актыўны ўдзел прымуць былыя дзеячы БНР, такія як М. Доўнар-Запольскі, А. Смоліч, Я. Лёсік, А. Цвікевіч, С. Некрашэвіч.

За межамі Беларусі, на тэрыторыі Расіі, значную падрыхтоўчую працу па ўтварэнні Беларускай дзяржавы веў Беларускі нацыянальны камісарыят (Белнацкам) пры Народным камісарыяце па справах нацыянальнасцяў РСФСР. Дзейнасць яго пад кіраўніцтвам А. Чарвякова і З. Жылуновіча разгортвалася больш у культурна-асветніцкім і агітацыйным накірунку. Белнацкам наладзіў актыўную работу сярод беларусаў-бежанцаў, стварыў у іх асяроддзі розныя культурна-асветніцкія ўстановы, клубы, гурткі, курсы (Беларускае навукова-культурнае таварыства, клуб «Беларус» у Маскве, Беларускае вольна-эканамічнае таварыства, «Беларуская хатка» у Петраградзе).

У ліпені 1918 г. у Маскве пачаў сваю працу Беларускі народны ўніверсітэт, створаны па ініцыятыве Белнацкама, заняткі якога наведвалі пераважна школьныя настаўнікі Беларусі. Першая савецкая газета на беларускай мове – «Дзянніца» – на сваіх старонках друкавала беларускія мастацкія творы, матэрыялы, якія асвятлялі дзейнасць Белнацкама, дакументы пра палітычную і культурна-асветніцкую работу ўрада БНР.

Пасля ўтварэння Беларуска-Літоўскай рэспублікі ў 1919 г. З. Жылуновіч, А. Чарвякоў і іх прыхільнікі, абураныя абкараннем тэрыторыі Беларусі, наравілі ў ЦК РКП(б) пісьмо, у якім выказалі пратэст супраць тэрытарыяльнага падзелу рэспублікі. Вынікам такога захаду стала абвінавачанне іх на I Усебеларускім з'ездзе Саветаў у несвоечасовай пастаноўцы пытання аб утварэнні Беларускай савецкай дзяржаўнасці і выключэнне са складу ўрада БССР.

Разам з тым ва ўрадзе Літоўска-Беларускай ССР было разуменне таго, што замаўчаць беларускае пытанне ўжо не атрымаецца, пацвярджэннем гэтага стаў Дэкрэт аб дзяржаўных мовах, згодна з якім мовы беларуская, літоўская, польская, руская і яўрэйская аб'яўляліся агульнадзяржаўнымі. Тады ж Наркамат асветы прыступіў да беларусізацыі школ.

Пасля ўтварэння аб'яшчэння ССРБ у ліпені 1920 г. хутка высветлілася, што рэспубліка ўзнаўляецца толькі на базе шасці павятаў Мінскай губерні, і, фактычна, беларусам была прадстаўлена культурна-нацыянальная аўтаномія ў межах гэтай губерні. З гэтага моманту пытанне аб пашырэнні тэрыторыі рэспублікі становіцца адным з галоўных у дзейнасці камуністаў-беларусаў, дзеячоў культуры і беларускага нацыянальнага руху.

Настойлівыя патрабаванні кіраўніцтва Беларусі вымусілі Прэзідыум ЦВК РСФСР прыняць пастановы (у 1924 і ў 1926 гг.) аб перадачы БССР тэрыторый, дзе пражывала пераважна беларускае насельніцтва (шэраг павятаў Віцеб-

скай, Гомельскай і Смаленскай губерняў). У выніку ўзбуйнення тэрыторыі Беларусі перавысіла 125 тыс. км², на якой жыло каля 5 млн чалавек. Такая колькасць насельніцтва давала ўжо падставы лічыць сябе немалой нацыяй, ставіць перад сабой вялікамаштабныя задачы па эканамічным і культурным развіцці, ад паспяховага рашэння якіх залежаў і рост нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Уз'яднанне Беларусі стала адной з галоўных перадумоў беларусізацыі, падмурак якой быў створаны у працэсе разгортвання беларускага нацыянальнага руху. Практычныя вынікі дзейнасці ўрада БНР па культурна-нацыянальным адраджэнні і дзейнасць Белнацкама ў гэтым кірунку фактычна стварылі першапачатковую базу, на аснове якой і будзе разгортвацца беларусізацыя.

У выніку аб'яшчэння Беларусі суверэннай дзяржавай адна з асноватворных ідэй нацыянальнага самавызначэння атрымала практычнае ўвасабленне, што адкрыла шырокія магчымасці для самастойнага развіцця народа, яго эканомікі і культуры. Кіраўніцтва БССР разумела, што ўсе праблемы – і эканамічныя, і сацыяльныя, і нацыянальныя, – трэба вырашаць у комплексе, паколькі абвастрэнне адных вяло да абвастрэння другіх.

Канцэптуальныя падыходы і накірункі беларусізацыі былі вызначаны яшчэ беларускім нацыянальным рухам, і многія з ідэй беларусізацыі ўжо тады пачалі ажыццяўляцца. На ўзровень жа дзяржаўнай палітыка беларусізацыі фактычна была ўзнята пасля рашэнняў X і XII з'ездаў РКП(б) (1921 і 1923 гг.) з дакладным замацаваннем у адпаведных законах.

У снежні 1920 г. па ініцыятыве загадчыка аддзела Наркамата асветы П. Ілючонка былі адкрыты курсы беларусазнаўства для падрыхтоўкі настаўнікаў беларускіх пачатковых школ. Загадчыкам курсаў быў Я. Лёсік, у мінулым адзін з актыўных дзеячоў Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі. Пад яго рэдакцыяй у Мінску ў 1917–1918 гг. выходзіла беларускамоўная газета «Вольная Беларусь», на старонках якой ён выступаў за адраджэнне нацыянальнай свядомасці, роднай мовы і Беларускага краю. Ужо ў 1920-я гг. Я. Лёсік чытаў лекцыі ў БДУ, друкаваўся ў часопісах, стаў аўтарам граматыкі і правапісу беларускай мовы («Практычная граматыка беларускай мовы», «Беларуская мова. Правапіс»).

У канцы 1920-га г. з прапановай перавесці справаводства свайго наркамата на беларускую мову выступіў яшчэ адзін дзеяч гэтай партыі – У. Ігнатюскі (са снежня 1920 г. – народны камісар асветы БССР), што ў хуткім часе і было зроблена.

Ініцыятарам беларусізацыі ў сваім наркамце стаў намеснік наркама замежных спраў А. Бурбіс, дзе ўжо ў 1921 г. усё справаводства было пераведзена на беларускую мову.

Накірункі і спосабы ажыццяўлення беларусізацыі шмат у чым прадвызначылі пастановы, прынятыя ў лютым 1921 г. Так, быў пацверджаны дэкрэт урада Беларуска-Літоўскай ССР аб раўнапраўі ў якасці дзяржаўных беларускай, рускай, яўрэйскай і польскай моў, намечаны меры па стварэнні сістэмы дашкольнага выхавання і школьнай адукацыі, прафесійна-тэхнічных вучылішчаў і тэхнікумаў. Ставіліся практычныя пытанні аб выдавецтве, аб падтрыманні літаратараў і вучоных, якія працавалі на мясцовых мовах Беларусі [4, с. 78–79].

Разам з тым адзначым, што такія справы былі вынікам больш асабістай ініцыятывы пэўных людзей, цікавымі эпізодамі, а не мэтанакіраванай палітыкай улады ў Беларусі. Ва ўмовах савецкай сістэмы, якая характарызаваўся выключнай кіруючай пазіцыяй камуністычнай партыі, мясцовыя ініцыятывы толькі тады маглі мець поспех, калі яны адпавядалі канкрэтным цэнтральным партыйным дырэктывам.

Прынцыпы палітыкі беларусізацыі фактычна былі сфармуляваны ў 1923 г. на VII з'ездзе КП(б)Б (у сакавіку) і на пленуме ЦБ КП(б)Б (у ліпені), дзе вызначаўся комплекс мер па гаспадарчым адраджэнні краю, тэрытарыяльным самавызначэнні беларускага народа, развіцці беларускай мовы і нацыянальнай культуры, вылучэнні і выхаванні кадрў партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага апаратаў, што адкрывала шырокія магчымасці для ажыццяўлення ідэй беларускага адраджэння.

Пры распрацоўцы і ажыццяўленні беларусізацыі неабходна было ўлічваць шматнацыянальны склад насельніцтва Беларусі, яго своеасаблівае рассяленне на тэрыторыі рэспублікі. Паводле перапісу 1926 г., доля беларусаў складала 80,6%, яўрэяў – 8,2%, рускіх – 7,7%, палякаў – 2%, украінцаў – 0,7% і інш. [5, с. 60]. Адметнасцю было і тое, што беларусы галоўным чынам пражывалі ў вёсках, яўрэі, па прычыне існаваўшай пры царызме рысы аседласці, – у мястэчках і гарадах і складалі часам да 40–60% колькасці іх жыхароў. У гарадах у большасці пражывалі і рускія, хаця нямала іх было і ў сёлах. Астатнія нацыянальныя меншасці жылі як у гарадах, так і ў вёсках, утвараючы нярэдка даволі кампактныя групы.

Такое рассяленне стварала свайго роду нацыянальны разрыў паміж горадамі і вёскамі, а таксама ўносіла спецыфіку ў моўнае становішча – рускамоўны горад і беларускамоўная вёска.

Яшчэ адной асаблівасцю ажыццяўлення нацыянальнай палітыкі на Беларусі была непарцыянальна нізкая доля беларусаў у партыйных, савецкіх, гаспадарчых органах улады і кіравання, што па-свойму ўскладняла выпрацоўку і правядзенне нацыянальнай палітыкі. Беларусізацыя пачыналася тады, калі гэтая доля не дасягала і паловы. Такія суадносіны ў кіруючых органах тлумачацца тым, што яўрэі і рускія, якія пражывалі ў асноўным у гарадах і мястэчках, мелі больш магчымасцей атрымліваць добрую адукацыю. Невыпадкава паводле перапісу 1926 г., самая значная колькасць пісьменных сярод розных нацыянальнасцей Беларусі была ў яўрэяў – 70%, трохі меншая ў палякаў і рускіх – 50% і 49% адпаведна, у беларусаў – 36% [6, с. 60–61]. Пры распрацоўцы палітыкі беларусізацыі на кадравае пытанне будзе звернута асаблівая ўвага.

Неабходна адзначыць таксама нізкі эканамічны ўзровень развіцця Беларусі, павялічаны вайной і разрухай, якому спадарожнічаў жабрацкі ўзровень дабрабыту народа. Гаспадарчая адсталасць Беларусі і русіфікатарская палітыка царскага ўрада адбілася на культурным развіцці беларусаў. Падняць культурны ўзровень жыцця, а тым самым павысіць сацыяльную актыўнасць насельніцтва было адной з асноўных задач нацыянальнай палітыкі.

Афіцыйны статус дзяржаўнай палітыка беларусізацыі атрымала з прыняццем на II сесіі ЦВК БССР (у ліпені 1924 г.) пастановы «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі», згодна з якой раўнапраўнымі на тэрыторыі Беларусі абвешчались беларуская, руская, яўрэйская і польская мовы [7, с. 7–8]. Да гэтага часу на Беларусі ўжывалася пераважна руская мова. Беларуская мова выконвала зусім невялікі аб'ём сацыяльных функцый, нягледзячы на тое, што карэннае насельніцтва складала 80%. Для ўжывання яўрэйскай і польскай моў таксама не знаходзілася месца ў грамадскім жыцці, хаця на іх носбітаў прыпадаў значны працэнт у агульным складзе насельніцтва Беларусі.

Палітыка беларусізацыі складалася з дзвюх узаемазалежных частак – нацыяналізацыі і карэнізацыі. Першая азначала шырокае развіццё беларускай культуры (школы, ВНУ на беларускай мове, выданне кніг, навукова-даследчая работа па ўсебаковым вывучэнні Беларусі і г. д.), увядзенне беларускай мовы практычна ў кожную галіну грамадска-палітычнага і эканамічнага жыцця (перавод на беларускую мову партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага, кааператыва апаратаў і часцей Чырвонай арміі). А другая – вылучэнне прадстаўнікоў карэннага насельніцтва на партыйную, савецкую,

прафсаюзную і грамадскую работу, прычым тае вылучэнне адбывалася не па нацыянальнай прыкмеце (беларус не беларус), а па дзелавых якасцях, веданні ўмоў і асаблівасцей Беларусі, дасканалым валоданні беларускай і рускай мовамі. Адсюль і назва гэтага накірунку – карэнізацыя, якая датычылася не толькі беларусаў, але і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

Не засталіся без увагі інтарэсы тых нацыянальных меншасцей, якія жылі на тэрыторыі Беларусі, што стала яшчэ адной характэрнай рысай беларусізацыі. Іх патрэбам надавалася значная ўвага ў шматлікіх паставах і рашэннях, што прымаліся адносна беларусізацыі. Беларускія нацыянальна-дэмакратычныя дзеячы, у т. л. і савецкага перыяду, добра разумелі, што поспехі на шляху нацыянальнага адраджэння будуць залежаць ад таго, як успрымуць палітыку беларусізацыі іншыя этнічныя супольнасці Беларусі: не можа быць свабоднай і паважанай нацыя, якая сама не паважае правоў іншых народаў, тым больш калі апошнія з'яўляюцца нацыянальнымі меншасцямі. Адносіны да іх мовы і культуры былі аналагічнымі адносінам да беларускай мовы і культуры. Іх развіццё падтрымлівалася, забяспечвалася матэрыяльна і арганізацыйна. І дзякуючы гэтаму некарэннае насельніцтва ў аснове сваёй прыхільна ставілася да беларусізацыі.

Заклучэнне. На працягу 1924–1925 гг. працоўка праграмы беларусізацыі ў цэлым была завершана. У далейшым яна неаднарозова ўдакладнялася і дапаўнялася. Але асновы беларусізацыі, яе галоўныя накірункі былі распрацаваны да 1925 г. Гэты першы этап беларусізацыі амаль цалкам быў аддадзены ідэалагічнай падрыхтоўцы, тлумачэнню ў шырокіх колах насельніцтва мэтай і задач беларусізацыі, неабходнасці яе ажыццяўлення. Каб лепш падрыхтаваць разнамоўных людзей да гэтай падзеі, у рускіх перыядычных выданнях, якія павінны былі перайсці на беларускую мову, напрыклад, загадзя пачалі друкаваць на ёй матэрыялы, каб людзі паступова авалодвалі родным словам карэннага насельніцтва.

Такім чынам, палітыка беларусізацыі была добра распрацавана і разлічана на доўгі перыяд. Маючы сваёй мэтай развіццё беларускай культуры, адраджэнне нацыянальнай мовы, яна стала вызначальнай рысай усяго грамадскага развіцця БССР 1920-х гг. у яе ажыццяўленні ўдзельнічалі тысячы людзей: партыйных, камсамольскіх, прафсаюзных дзеячаў, настаўнікаў, прадстаўнікоў інтэлігенцыі. Беларусізацыя дала вялікую надзею на рэалізацыю ідэй нацыянальна-культурнага будаўніцтва, якія ў другой палове 1920-х гг. знайшлі сваё ўвасабленне на практыцы.

Спіс літаратуры

1. Лыч Л. Беларуская нацыя і мова. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. 227 с.
2. Асіноўскі С. Кнорын: «Мы лічым, што беларусы не з'яўляюцца нацыяй...» // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 4. С. 12–15.
3. Мазец В. За сваё кроўнае // Маладосць. 1994. № 5. С. 224–231.
4. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск: Беларускае выд-ва, 1927. 137 с.
5. Будзін Ш. А. Нацыянальнае пытанне. Мінск: Дзяржаўнае выд-ва Беларусі, 1932. 392 с.
6. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: збор прамой, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальнаму пытанню. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1929. 167 с.
7. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР: у 2 ч. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР. Ч. 1. Беларусізацыя, 1928. 152 с.

References

1. Lych L. *Belaruskaya natsyya i mova* [Belarusian nation and language]. Minsk, Mastatskaya literatura Publ., 1994. 227 p. (In Belarusian).
2. Asinouski S. Knorin: "We believe that the Belarusians do not zyavdyayutstva nation...". *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian history], 1995, no. 4, pp. 12–15 (In Belarusian).
3. Mazets V. During his blood. *Maladosts'* [Youth. Number], 1994. no. 5, pp. 224–231 (In Belarusian).
4. Charvyakou A. *Za Savetskuyu Belarus'* [For Soviet Belarus]. Minsk, Belaruskaye vydavetstva Publ., 1927. 137 p. (In Belarusian).
5. Budzin Sh. A. *Natsyyanal'naye pyitanne* [The national question]. Minsk, Dzyarzhaunaye vydavetstva Belarusi Publ., 1932. 392 p. (In Belarusian).
6. *Dva gady natsyyanal'nay raboty u BSSR: zbor pramou, artykulau i rezalyutsyy pa natsyyanal'namu pytan'nyu*. [Two years of national work in the BSSR: the collection of speeches, articles and resolutions on the national question]. Minsk, Vydavetstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1929. 167p. (In Belarusian).

7. *Praktychnaye vyrashenne natsyyanal'naga pytannya u BSSR: u 2 ch.* [The practical solution of the national question in the Byelorussian SSR. In 2 parts. Part 1. Belarusization]. Minsk, Vydavetstva Natskamsii TsVK BSSR Publ., 1928. 152 p. (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Паступіў 20.09.2022

УДК 9:378.662(476)

А. К. Дубовик

Белорусский национальный технический университет

**ИЗ ИСТОРИИ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В БЕЛОРУССКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (1920–1975 ГГ.)**

В декабре 1920 г. был основан в Минске Белорусский государственный политехнический институт (БГПИ), в нем функционировал и химико-технологический факультет. Но в июле 1922 г. БГПИ был преобразован в Белорусский институт сельского хозяйства. В конце 1929 г. было принято решение о возобновлении деятельности Политехнического института в Минске. Правительство БССР решило перевести открытый в 1929 г. химико-технологический факультет Белорусского государственного университета (БГУ) в создаваемый политехнический институт. Однако был создан самостоятельный Химико-технологический институт в Минске. В июле 1933 г. он вошел в состав открытого, наконец, Белорусского политехнического института (БПИ) и функционировал в нем как факультет до 1975 г. (с 1965 г. назывался инженерно-технологическим). В статье показан вклад в подготовку кадров и развитие химической науки профессорско-преподавательского состава, а также выпускников химико-технологического факультета БПИ, послужившего основой для создания ряда факультетов и вузов химико-технологического профиля.

Ключевые слова: высшее техническое образование, химико-технологическое образование, Белорусский политехнический институт, химико-технологический факультет, Химико-технологический институт, Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный технологический университет.

Для цитирования: Дубовик А. К. Из истории химико-технологического образования в Белорусском политехническом институте (1920–1975 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 56–60.

A. K. Dubovik

Belarusian National Technical University

**FROM THE HISTORY OF CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL EDUCATION
IN THE BELARUSIAN POLYTECHNICAL INSTITUTE (1920–1975)**

In December 1920 the Belarusian State Polytechnical Institute (BSPI) was founded in Minsk. The Faculty of chemistry and technology functioned there. However in July 1922 BSPI was reorganized in the Belarusian State Institute of Agriculture. At the end of 1929 the decision to resume the activities of the Polytechnical Institute in Minsk was made. The government of the BSSR decided to transfer the opened in 1929 Faculty of chemistry and technology in the Belarusian State University to the newly created Polytechnical Institute. However a separate Institute of chemistry and technology was created in Minsk. In July 1933 it became part of the finally opened Belarusian Polytechnical Institute and functioned there as the faculty until 1975 (from 1965 named Faculty of engineering and technology). The contribution to personnel training and development of chemical science of the teaching staff as well as graduates of the faculty of Belarusian Polytechnical Institute is shown. This faculty served as the basis for the creation of a number of faculties and universities of the chemical and technological profile.

Kewwords: higher technical education, chemical and technological education, Belarusian Polytechnical Institute, Faculty of chemistry and technology, Institute of chemistry and technology, Belarusian National Technical University, Belarusian State Technological University.

For citation: Dubovik A. K. From the history of chemical and technological education in the Belarusian Polytechnical Institute (1920–1975). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 56–60 (In Russian).

Введение. История высшего химико-технологического образования в Беларуси получила отражение в коллективных работах, выпущенных к юбилейным датам Белорусского государственного технологического университета (БГТУ) [1]. Однако сводить данный про-

филь технического образования только к деятельности БГТУ (до ноября 1993 г. Белорусский технологический институт) было бы неправильно. Тем более, что организован он был в 1930 г. как Лесной институт в Гомеле, в 1932 г. переименован в Белорусский лесотех-

нический (с 1935 г. им. С. М. Кирова), в 1946 г. переехал в Минск. До 1961 г. он готовил кадры главным образом для лесного хозяйства и лесной промышленности страны. В этой связи представляет интерес история создания и деятельности химико-технологического факультета в Белорусском политехническом институте – предшественнике Белорусского национального технического университета (БНТУ). История этого факультета, функционировавшего в структуре БПИ до 1975 г., не получила должного рассмотрения в работах по истории вуза.

Основная часть. 10 декабря 1920 г. Военно-революционный комитет БССР и главное управление профессионально-технического образования Наркомпроса приняли решение о преобразовании Минского политехнического училища типа «Техникум» в высшее техническое учебное заведение «Белорусский Государственный Политехникум», имеющее целью «готовить инженеров с высшим образованием по главным производствам Белоруссии». Для наименования учебного заведения использовались термины «Политехникум» и «Белорусский государственный политехнический институт». В дальнейшем стали использовать только термин институт [2, с. 8, 16].

Первоначально БГПИ имел в своем составе 5 факультетов, в том числе химико-технологический. Им в конце 1920 г. руководил П. З. Грабовский, выпускник физмата Петроградского университета. В 1921 г. деканом был избран Н. И. Михайлов. Он окончил Новороссийский университет и инженерное отделение Московского сельскохозяйственного института, работал в Минской земской управе, с 1918 г. преподавал химию в Минском политехническом училище, в 1919–1920 гг. возглавлял его. С образованием БГПИ работал преподавателем аналитической химии, затем совмещал обязанности декана и преподавателя [2, с. 168].

После того, как в июле 1922 г. БГПИ был реорганизован в Институт сельского хозяйства, БССР не имела своих высших технических учебных заведений. Специалисты высшей квалификации готовились во ВТУЗах РСФСР и УССР. Необходимое количество их для республики не могло быть подготовлено за ее пределами. По данным ВСНХБ, в промышленности БССР потребность в кадрах с высшим техническим образованием составляла на 1929/1930 хозяйственный год 714 человек против имевшихся 115 специалистов. Улучшению положения призван был способствовать открытый в 1929 г. в Белорусском государственном университете химико-технологический факультет, который предназначался для подготовки кадров химиков-технологов для лесохимиче-

ской, торфохимической, силикатной и пищевой промышленности. Но 14 декабря 1929 г. Совет народных комиссаров (СНК) БССР принял решение организовать высшее техническое учебное заведение – Политехнический институт в Минске, а в дополнение 12 января 1930 г. установил структуру Политехнического института, включая химико-технологический факультет путем его перевода из БГУ [3, с. 79].

Однако, в связи с взятым в СССР курсом на создание небольших вузов с узкой специализацией и трех-четырёхлетним сроком обучения, 17 июля 1930 г. СНК БССР постановил открыть не один политехнический институт, а химико-технологический, электротехнический и строительный институты в Минске и механический в Гомеле. Химико-технологический (ХТИ) в составе 4 отделений: бумажного, стекольного, керамического и продовольственного (где были бродильный, крахмально-паточный и кондитерский циклы) находился в подчинении ВСНХБ, а с апреля 1932 г. – Наркомата легкой промышленности БССР. Создание за короткий период большого количества ВТУЗов приводило к возникновению учебных заведений со слабой материальной базой. Так, ХТИ располагал всего тремя аудиториями, в которых нужно было организовать учебу 16 групп. В институте обучалось всего около 200 студентов, распространенным явлением было чрезмерное дробление специальностей (до 20). В 1932 г. из ХТИ выделился институт продовольственной промышленности, который не имел никаких учебных площадей, оборудования, общежитий и т. д. 8 сентября 1932 г. Секретариат ЦК КП(б)Б принял специальное постановление, в котором обязал дирекцию ХТИ предоставить новоиспеченному институту право пользования общежитиями, научным оборудованием, площадью для административно-хозяйственного и учебного руководства, а также учебными аудиториями [3, с. 80–81].

Небольшие институты себя не оправдали. Поэтому 1 июля 1933 г. СНК БССР принял постановление о реорганизации существующих 6 технических вузов, в том числе химико-технологического и пищевой промышленности, в один Политехнический институт, подчинении его Уполномоченному Наркомата тяжелой промышленности при СНК БССР. Таким образом была возобновлена деятельность БПИ – предшественника современного БНТУ [2, с. 19, 241]. В результате со второй половины 1933 г. химико-технологический факультет (ХТФ) функционировал в структуре БПИ. Здесь с 1933 г. работал профессор Прилежаев Н. А., член-корреспондент АН СССР (1933 г.), академик Белорусской АН (1940 г.).

Уже 27 октября 1933 г. состоялось заседание комиссии по распределению выпускников бумажного отделения ХТФ БПИ. Было принято решение направить в распоряжение Белбумтреста для прохождения практики и дипломного проектирования 16 студентов: 13 членов партии, 2 комсомольцев и 1 беспартийного. Учитывая, что остальные специалисты, оканчивающие отделение института, в БССР по специальности использованы быть не могли, поручалось представителю БПИ Островскому договориться с Бумтрестом СССР об их всесоюзном распределении [4, л. 184, 188].

Летом 1934 г. состоялся первый выпуск студентов БПИ, в том числе ХТФ. По этому поводу делегацию БПИ 29 августа принял первый секретарь ЦК КП(б)Б Гикало Н. Ф. В беседе приняли участие ректор БПИ Дружеловский, преподаватели, группа студентов-выпускников БПИ. Профессор Прилежаев Н. А. рассказал о развитии института. От имени студентов выступил выпускник ХТФ Аксенцов Л. Я. [3, с. 83].

Химико-технологический факультет БПИ возглавлял М. М. Мостков, выпускник Московского высшего технического училища. До прихода в БПИ он работал в Госплане БССР, преподавал в Химико-технологическом институте (г. Минск). В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, был заведующим кафедрой [2, с. 168]. В 1937–1938 годах деканом ХТФ работал А. А. Ахрем, затем до начала войны М. И. Кузнецов. 1 сентября 1939 г. ректором БПИ был назначен кандидат биологических наук, доцент кафедры бродильных производств Позняк С. И. (1897–1966), одновременно он заведовал кафедрой пищевых производств [2, с. 157, 168]. В 1933–1941 гг. БПИ было выпущено 2025 инженеров, в том числе 409 химиков-технологов для силикатной и пищевой промышленности [2, с. 24]. Немало выпускников и преподавателей факультета и института отдали жизнь, защищая Родину в военные годы. На фронте погиб и декан ХТФ Кузнецов М. И. [5, с. 4].

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов вуз был восстановлен. Деканом ХТФ стал выпускник БПИ, участник Великой Отечественной войны Мазелев Л. Я., впоследствии защитивший докторскую диссертацию [2, с. 168]. БПИ в 1945 г. вновь возглавил С. И. Позняк. После ухода в 1947 г. с поста ректора он являлся заведующим кафедрой, а затем длительное время работал доцентом кафедры технологии пищевых производств [2, с. 157]. Уже в 1946 г. состоялся первый послевоенный выпуск химиков-технологов за счет студентов, вернувшихся в стены института из рядов Советской Армии и пар-

тизанских отрядов. Первые выпуски были немногочисленные (всего по 6–8 человек). В дальнейшем выпуск инженеров для пищевой и силикатной промышленности значительно возрос. За 1934–1953 гг. факультет выпустил 780 специалистов [6, с. 169, 173].

24 июня 1946 г. состоялась первая после войны защита диссертации на соискание ученой степени кандидата химических наук преподавателем кафедры неорганической химии Иоселевой М. А. [7, с. 33]. Всего за первые 22 послевоенных года на кафедрах факультета было защищено 25 кандидатских и 2 докторские диссертации. В 1968 г. 18 преподавателей факультета имели ученые степени. Деканом факультета в 1950-х гг. являлся кандидат технических наук, доцент Репринцев М. С. [6, с. 168; 7, с. 44]. В феврале 1957 г. деканом ХТФ был назначен и работал в этой должности до сентября 1959 г. кандидат химических наук, доцент Пансевич-Коляда В. И. [8].

Наиболее успешно сложилась карьера выпускника ХТФ 1934 г. А. А. Ахрема (1913–2010). В 1934–1941 гг. он работал в БПИ на кафедре органической химии под руководством Н. А. Прилежаева, в 1936–1937 гг. – начальником научно-исследовательского сектора и отдела аспирантуры БПИ, в 1937–1938 гг. – деканом ХТФ, в 1939 – июне 1941 г. являлся аспирантом и ассистентом кафедры органической химии. Участник Великой Отечественной войны, впоследствии он стал доктором химических наук (1960), профессором (1970), академиком АН БССР (1970), с 1974 г. работал директором Института биоорганической химии АН БССР. Автор более 800 научных трудов, в том числе 13 монографий и 100 изобретений. Многогранная деятельность ученого отмечена орденами Ленина, «Знак Почета», Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, орденом Почета (Республика Беларусь), медалями [3, с. 83].

Выпускник ХТФ 1934 г. Хотько И. С. работал наркомом пищевой промышленности БССР [9, с. 37]. Среди выпускников факультета 1950–1960-х гг. были: А. И. Ерей – министр пищевой промышленности БССР; С. Л. Корзюк – директор стеклозавода «Неман», депутат Верховного Совета БССР; С. Е. Савицкий – ректор Витебского технологического института легкой промышленности; Э. А. Улазовский – проректор Волгоградского инженерно-строительного института; М. К. Боярович – генеральный директор винно-водочного объединения г. Минска [10, с. 52].

В 1951/1952 учебном году ХТФ имел 6 кафедр: неорганической химии, физической, коллоидной и аналитической химии, органиче-

ской и биологической химии, технологии стекла, технологии керамики и огнеупоров, технологии бродильных производств [11, л. 233, 254]. С 1935 г. работал профессором, заведующим кафедрой технологии стекла Безбородов М. А. (1898–1983), с 1947 г. он член-корреспондент, с 1950 г. академик АН БССР. В 1951 г. ему присуждена Государственная премия СССР. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 14 мая 1954 г. ему и заведующему кафедрой технологии керамики Рыжову И. И. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники БССР» [9, с. 50]. В 1957–1961 гг. М. А. Безбородов заведовал проблемной лабораторией стекла и силикатов БПИ, под руководством которого сотрудники добились значительных успехов в разработке новых технических материалов. Создание стеклокристаллических материалов (ситаллов) имело большое хозяйственное значение. Полученное в лаборатории бесщелочное стекло экспонировалось на ВДНХ СССР, группа ученых была удостоена медалей выставки [7, с. 71–72].

С 1959 г. деканом факультета являлся кандидат технических наук, доцент Каменко В. А. [12]. Участник войны, он после демобилизации продолжил учебу на ХТФ БПИ, который окончил в 1949 г. Затем защитил кандидатскую диссертацию, работал в должностях доцента, декана ХТФ, заведующего кафедрой общей химии [13].

В связи с бурным развитием в БССР химической промышленности в 1960–1970-х гг. подготовка специалистов для химического комплекса была сосредоточена в Белорусском технологическом институте им. С. М. Кирова. В 1965 г. ХТФ БПИ был переименован в инженерно-технологический (ИТФ). Он готовил инженеров-технологов по специальностям: «Химическая технология вяжущих материалов», «Химическая технология керамики и огнеупоров», «Химическая технология стекла и ситаллов», «Технология консервирования», «Технология бродильных производств», «Технология хранения и переработки зерна» [7, с. 59]. Факультет оставался одним из ведущих в БПИ,

для подготовки технологов располагал высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами, среди которых было 5 докторов и 26 кандидатов наук [14]. Заведующий кафедрой неорганической, органической и биологической химии доктор химических наук, профессор Панасевич-Коляда В. И. 20 июля 1971 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Ленина [9, с. 110].

В 1973/1974 учебном году на ИТФ обучалось 729 студентов (36 групп, все на дневном отделении). Окончили БПИ в 1974 г. 169 студентов факультета [15, л. 33–34]. Всего за время существования факультетом БПИ было выпущено более трех тысяч специалистов.

В 1973 г. был создан Могилевский технологический институт (в настоящее время Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий). В связи с этим в Могилев были переведены несколько специальностей из БПИ, переехал работать ряд преподавателей вуза [2, с. 168].

В 1975 г. решением Министерства высшего и среднего специального образования БССР из БПИ в БТИ им. С. М. Кирова были переведены специальности «Химическая технология стекла», «Химическая технология керамики и огнеупоров», «Химическая технология вяжущих материалов» и соответствующие кафедры [1, с. 88].

Заключение. Таким образом, химико-технологический факультет в составе открытого в декабре 1920 г. Белорусского государственного политехнического института положил начало высшему химико-технологическому образованию в Беларуси. Воссозданный в 1933 г., он подготовил тысячи специалистов для пищевой, силикатной и других отраслей промышленности страны, способствовал в дальнейшем становлению ряда факультетов и вузов химико-технологического профиля. Кафедра технологии силикатов, созданная в мае 1935 г. в БПИ, ныне кафедра технологии стекла и керамики, и кафедра химической технологии вяжущих материалов успешно работают на факультете химической технологии и техники БГТУ.

Список литературы

1. Белорусский государственный технологический университет (1930–2020). К 90-летию университета / авт.-сост. И. В. Войтов [и др.]. Минск: БГТУ, 2020. 372 с.
2. БНТУ. 100 лет истории / К. И. Баландин [и др.]. Минск: БНТУ, 2020. 244 с.
3. Дубовик А. К. От химико-технологического факультета БГУ к самостоятельному институту и факультету Белорусского политехнического института (1929–1933 гг.) // Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. Мінск: БДУ, 2021. С. 78–84.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 6857.

5. Сборник статей, посвященный 50-летию Белорусского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института / гл. ред. П. И. Ящерицын. Минск: Выш. школа, 1975. 228 с.
6. Репринцев М. С. Химико-технологический факультет за 20 лет // Юбилейный сборник, 1933–1953 / Белорусский политехнический институт. Вып. 45. Минск, 1954. С. 168–173.
7. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт / А. П. Подосенова [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 1974. 142 с.
8. Советский инженер. 1967. 17 ноября. С. 2.
9. БПИ – БГПА – БНТУ: факты, события, люди / сост.: К. И. Баландин, Д. Н. Хромченко. Минск: БНТУ, 2011. 263 с.
10. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт. Минск: По-лымья, 1968. 86 с.
11. НАРБ. Ф. 210. Оп. 3. Д. 193.
12. Советский инженер. 1966. 9 сентября. С. 3.
13. Советский инженер. 1976. 17 сентября. С. 4.
14. Советский инженер. 1973. 30 марта. С. 3.
15. НАРБ. Ф. 210. Оп. 3. Д. 1122.

References

1. Voytov I. V. *Belorusskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet (1930–2020)* [Belarusian State Technological University (1930–2020)]. Minsk, BGTU Publ., 2020. 372 p. (In Russian).
2. Balandin K. I. *BNTU. 100 let istorii* [BNTU. 100 years of history]. Minsk, BNTU Publ., 2020. 244 p. (In Russian).
3. Dubovik A. K. From Chemical-technological faculty of the BSU to separate Chemical-technological Institute and faculty of the Belarusian Polytechnical Institute (1929–1933). *Pichetauskiya chytanni – 2021: 100 hadou BDU – pershamu universitetu Belarusi: materyyaly Mizhнародnaya navukova-tearetychnay kanferentsii* [Pichet readings – 2022: 100 years of BSU – the first university of Belarus: materials of the international scientific and theoretical conference]. Minsk, 2021, pp. 78–84 (In Russian).
4. National archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 4 p. Inv. 1. F. 6857.
5. Yashcheritsyn P. I. (red.). *Sbornik statey, posvyashchennyy 50-letiyu Belorusskogo ordena Trudovogo Krasnogo Znameni politekhnicheskogo instituta* [Collection of articles dedicated to the 50th anniversary of the Belarusian Polytechnical Institute]. Minsk, Vysh. shkola Publ., 1975. 228 p. (In Russian).
6. Reprintsev M. S. Faculty of chemistry and technology for 20 years. *Yubileynyy sbornik, 1933–1953. Belorusskiy politekhnicheskii institut*. Vyp. 45 [Anniversary collection, 1933–1953. Belarusian Polytechnical Institute], issue 45. Minsk, 1954, pp. 168–173 (In Russian).
7. Podosenova A. P. *Belorusskiy ordena Trudovogo Krasnogo Znameni politekhnicheskii institut* [Belarusian Polytechnical Institute awarded Order of the Red Banner of Labor]. Minsk, BGU Publ., 1974. 142 p. (In Russian).
8. *Sovetskiy inzhener* [Soviet engineer], 1967, November 17, p. 2. (In Russian).
9. Balandin K. I., Khromchenko D. N. *BPI – BGPA – BNTU: fakty, sobytiya, lyudi* [BPI – BSPA – BNTU: facts, events, people]. Minsk, BNTU Publ., 2011. 263 p. (In Russian).
10. *Belorusskiy ordena Trudovogo Krasnogo Znameni politekhnicheskii institut* [Belarusian Polytechnical Institute awarded Order of the Red Banner of Labor]. Minsk, Polymya Publ., 1968. 86 p. (In Russian).
11. NARB. Fund 210. I. 3. F. 193.
12. *Sovetskiy inzhener* [Soviet engineer], 1966, September 9, p. 3 (In Russian).
13. *Sovetskiy inzhener* [Soviet engineer], 1976, September 17, p. 4 (In Russian).
14. *Sovetskiy inzhener* [Soviet engineer], 1973, March 30, p. 3 (In Russian).
15. NARB. Fund 210. I. 3. F. 1122.

Информация об авторе

Дубовик Александр Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социального управления. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: a.k.dubovik@mail.ru

Information about the author

Dubovik Aliaksandr Konstantinovich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: a.k.dubovik@mail.ru

Поступила 05.09.2022

УДК 631.31(476)

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

УКРЕПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ И ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1971–1975 ГГ.)

В статье рассмотрены направления работы по количественному расширению и качественному совершенствованию материально-технической базы в зерновой отрасли сельского хозяйства республики. Обращено внимание на производительные характеристики поставляемой в хозяйства техники, на моменты участия в процессе технического перевооружения сельскохозяйственного производства предприятий машиностроительной отрасли Белорусской ССР и научно-исследовательских коллективов. Проанализированы мероприятия по комплексной механизации зернового производства, его обеспечению устойчивым электроснабжением, а также рациональной и всесторонней химизации и мелиорации земель республики. Изучены вопросы внедрения в сельское хозяйство научно обоснованной системы земледелия, обеспечивающей расширенное воспроизводство плодородия почв и их эффективное использование. Выделены моменты борьбы с эрозией земли и известкованием кислых почв, рационализации использования удобрительных ресурсов. Приведены примеры совершенствования системы обработки земли, внедрения прогрессивных технологических приемов и новых требований агротехники в передовых хозяйствах. Исследован процесс перевода на научно-промышленную основу семеноводства. Отражена система организации селекционной работы и ее результаты. Выделена взаимосвязь развития зерновой индустрии с ростом урожайности культур и увеличением валовых сборов.

Ключевые слова: техническое перевооружение, зерновое производство, агротехника, рационализация, интенсификация, селекция, семеноводство, комплексная механизация.

Для цитирования: Якуш Н. М. Укрепление материально-технической базы и повышение культуры земледелия в Белорусской ССР (1971–1975 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, Философия. 2022. № 2 (263). С. 61–67.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

STRENGTHENING THE MATERIAL AND TECHNICAL BASE AND INCREASING THE CULTURE OF AGRICULTURE IN THE BYELORUSSIAN SSR (1971–1975)

The article discusses the areas of work on the quantitative expansion and qualitative improvement of the material and technical base in the grain sector of agriculture in the republic. Attention is drawn to the performance characteristics of the equipment supplied to the farms, to the moments of participation in the process of technical re-equipment of agricultural production of enterprises of the machine-building industry of the Byelorussian SSR and research teams. Measures for the comprehensive mechanization of grain production, its provision with a stable power supply, as well as rational and comprehensive chemicalization and land reclamation of the republic are analyzed. The issues of introducing a scientifically based farming system into agriculture, which ensures the expanded reproduction of soil fertility and their efficient use, have been studied. The points of combating soil erosion and liming of acidic soils, rationalizing the use of fertilizer resources are highlighted. Examples of improving the system of tillage, the introduction of progressive technological methods and new requirements of agricultural technology in advanced farms are given. The process of transferring to the scientific and industrial basis of seed production has been studied. The system of organization of breeding work and its results are reflected. The interrelation of the development of the grain industry with the growth of crop yields and the increase in gross yields is highlighted.

Keywords: technical re-equipment, grain production, agricultural technology, rationalization, intensification, selection, seed production, complex mechanization.

For citation: Yakush N. M. Strengthening the material and technical base and increasing the culture of agriculture in the Byelorussian SSR (1971–1975). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 61–67 (In Russian).

Введение. Достижения и успехи аграрного сектора экономики Республики Беларусь в целом опираются на прочный фундамент зерновой отрасли сельского хозяйства, развитие которой имеет свою историю. Для ее понимания важнейшую роль играет изучение тех организационно-мобилизационных, социально-экономических, финансовых усилий, которые предпринимались в БССР в девятой пятилетке (1971–1975 гг.). Именно для этого периода советской экономики Беларуси характерна наибольшая динамика развития зернового хозяйства, достижение наивысших показателей по увеличению урожайности и объемов валовых сборов зерновых культур. Сборы зерна за 1971–1975 гг. увеличились по сравнению с восьмой пятилеткой на 57%, средняя урожайность повысилась на 8,2 центнера с гектара, колхозами и совхозами было продано государству в 2,5 раза больше хлеба, чем в 1966–1970 гг. [1, с. 10–11]. Произошли качественные изменения в техническом оснащении зерновой отрасли, сформировались элементы новой системы агротехники. Вместе с укреплением технической основы зернового производства и внедрением интенсивных технологий земледельцы республики преодолели «барьер» низкой урожайности и прочно утвердившееся мнение о невозможности больших урожаев на невысоких по плодородию белорусских землях, а вместе с ними и недооценку проблемы фуражного зерна в вопросах развития всего сельскохозяйственного производства.

Основная часть. Аграрная политика и хозяйственная практика в рассматриваемый период были нацелены на достижение возможности уменьшения зависимости земледелия от стихийных сил природы, решение в будущем проблем сельскохозяйственного производства в целом, а также на социально-культурное преобразование села. Решающим моментом при этом считалось совершенствование и упрочение материально-технической основы сельского хозяйства.

К началу 1970-х годов отсутствие необходимого количества техники и ее несовершенство стали причинами затягивания уборочных работ и огромных потерь выращенной зерновой продукции. Остро стояла задача технического перевооружения сельского хозяйства. Итогом работы советско-партийных и хозяйственных органов республики в этом направлении стало увеличение машинно-тракторного парка колхозов и совхозов при расширении поступления за счет новых марок мощных энергонасыщенных тракторов, высокопроизводительных комбайнов, зерновых сеялок на пневматических шинах, комбинированных агрегатов для культивации

и выравнивания почвы, технических приспособлений. К концу девятой пятилетки обновленный комбайновый парк республики насчитывал 29,9 тыс. единиц, тракторный – 102,5 тыс. машин, общая стоимость грузовых автомобилей составила 1,2 млрд руб. Это позволило повысить производительность труда в хозяйствах Белорусской ССР на 28% [2, с. 104, 108, 112].

В укрепление и совершенствование материально-технической базы сельского хозяйства активно включились машиностроительные заводы республики, коллективы которых участвовали в соревновании за сверхплановое снабжение колхозов и совхозов необходимой техникой, запасными и дефицитными частями. На машиностроительных предприятиях Могилевской области было размещено производство 145 наименований запчастей, на семи заводах Гомельской области налажено изготовление деталей и узлов для выпуска 20 тыс. двигателей торпедного типа, предназначенных для уборки высокостебельных культур комбайнами СК-4 [3]. Десятки тысяч современных тракторных двигателей и запасных частей ежегодно поставляли сельскому хозяйству Минский моторный завод, Бобруйский завод тракторных двигателей и другие предприятия республики.

Перед учеными, конструкторами, инженерами республики стояла задача разработки технических средств комплексной механизации сельскохозяйственного производства с учетом климатических условий. Показателен пример коллектива Центрального научно-исследовательского института механизации и электрификации нечерноземной зоны СССР (ЦНИИМЭСХ), который включился в решение проблемы уборки хлебной массы в дождливую погоду. После справедливой критики ученых на республиканском семинаре по сельскому хозяйству в 1973 г., коллектив ЦНИИМЭСХ поставил задачу создания новых агрегатов и приспособлений для уборки длинностебельных и полеглых хлебов. При этом учитывалось, что аналогов подобной техники не было ни в СССР, ни за рубежом. Однако с поставленной задачей конструкторы и инженеры института справились в короткий срок. Уже в 1974 г. был изготовлен и прошел успешные испытания опытный образец жатки ЖСК-4А, способной агрегатироваться с комбайнами СК-4, СК-5, тракторами МТЗ-50 и МТЗ-80. В 1975 г. было выпущено 25 таких машин, что значительно повысило производительность комбайнов и позволило сократить посевы зерна [4]. Министерство сельского хозяйства СССР, Союзсельхозтехника и Министерство сельского машиностроения СССР в начале десяти-

той пятилетки рекомендовали жатку ЖКС-4А в серийное производство. Техническое перевооружение колхозов и совхозов подкреплялось усилиями по повышению качества ремонтной базы и внедрению научно обоснованной системы технического обслуживания машинно-тракторного парка специализированными звеньями мастеров-наладчиков и слесарей.

Важную роль в повышении эффективности материально-технической базы зернового хозяйства в годы девятой пятилетки сыграло также увеличение мощностей зерносушильных токов и складских емкостей. Опыт многих хозяйств показывал, что полное соответствие имеющихся мощностей механизированных токов потребностям уборочного конвейера позволяло сократить потери зерна с одного гектара, как минимум, на 1,5 ц. Поэтому в течение всего исследуемого периода строительство новых зернохранилищ и сушильных пунктов, модернизация существующих за счет внедрения механизированных сушильно-зерноочистительных линий находилась на постоянном контроле партийных и советских органов республики всех уровней. Интересный опыт наращивания сушильных мощностей и пропускной способности элеваторно-складского хозяйства был накоплен в эти годы Гомельской и Гродненской областями.

Важнейшей составляющей модернизационного обновления сельского хозяйства в исследуемом периоде стала электрификация. Мероприятия Центрального Комитета КПБ предусматривали увеличение потребляемой колхозами и совхозами Белорусской ССР электроэнергии не менее чем в два раза и обеспечение сельских потребителей устойчивым двухсторонним электроснабжением. Предусмотренные показатели стали основой плановых заданий по широкой электрификации аграрного сектора. К концу исследуемого периода общий объем потребления электроэнергии в сельском хозяйстве республики достиг 2318 млн кВт·ч, из которых 1396 млн кВт·ч, или в два с лишним раза, больше, чем в 1970 г. использовалось в производстве [1, с. 9].

В комплексе мер по улучшению базы зернового земледелия наиболее актуальной и стратегически важной для всего сельскохозяйственного производства республики являлась задача повышения плодородия почв. Решающее место в этом вопросе было отведено рациональной и всесторонней химизации. Она предполагала полное удовлетворение потребностей всех хозяйств в минеральных удобрениях, химических и биологических средствах борьбы с сорняками и вредными насекомыми, грамотное использование местных удобрений. Успешному

проведению химизации зерновой отрасли способствовало то, что Белорусская ССР производила все основные виды минеральных удобрений. В годы девятой пятилетки такие предприятия, как производственное объединение «Белруськалий», Гродненский азотнотуковый, Гомельский суперфосфатный заводы увеличили объемы производства более чем в два раза, что обеспечивало постоянное наращивание поставок сельскому хозяйству минеральных туков. Именно они считались главным фактором роста урожайности и увеличения валовых сборов зерна. Начиная с 1973 г., для каждой области, района, а затем и хозяйства республики стали доводиться конкретные показатели окупаемости действующего вещества туков соответствующим эквивалентом зерна. Ученые Белорусского научно-исследовательского института в 1974–1975 гг. провели повторную бонитировку (оценку) почв республики и выработали критерии оценки эффективности почвы, балльной их оценки и планируемой прибавки урожая от каждого килограмма действующего вещества внесенных туков. В целом следует отметить, что сельскохозяйственная наука активно включилась в работу по установлению оптимальных доз внесения питательных веществ в почву, обеспечивала их качественное, своевременное и равномерное распределение.

Важным элементом базы зернового хозяйства, формирующим урожай, выступает известкование кислых почв. В исследуемый период в республике была создана индустрия производства известковых материалов – два крупных завода доломитовой муки, а также известковый завод. Это позволило не только произвести свыше 5 млн га земли с повышенной кислотностью, но и одновременно в целом увеличить объем вносимых известковых материалов в расчете на гектар площади. Результатом усилий по удобрению и известкованию почв стало улучшение ее агрохимических свойств. Так, за годы девятой пятилетки содержание фосфора в почве увеличилось с 7,7 до 11,1 мг/г, или выросло на 44% (в расчете на 100 г почвы), калия – с 6,7 до 9,8 мг/г (рост на 46%), площадь кислых почв уменьшилась с 81 до 66% [5].

Почти 25% сельскохозяйственных угодий Белорусской ССР занимали земли избыточного увлажнения, которые были определены одним из источников интенсификации зернового хозяйства. Поэтому в фокусе внимания партийных, советских и хозяйственных органов республики постоянно находились вопросы мелиорации заболоченных земель и их освоения. Разрабатывались и внедрялись меры по увеличению капитальных вложений на осушение переувлажненных земель, их мелиорирование

закрытым дренажем, полному обеспечению мелиоративных организаций грамотными специалистами и механизаторскими кадрами, улучшению их технической оснащенности. Применяемые меры позволили повысить среднюю урожайность зерновых на мелиорированных землях, но при этом значительная часть таких земель использовалась недостаточно эффективно. Проблема осушения и орошения используемых в севообороте земель потребовала в дальнейшем принятия новых научно выверенных решений.

Специализация сельского хозяйства Белорусской ССР на мясомолочном животноводстве, наращивание в республике производства льнопродукции и картофеля сопровождались сокращением посевов площадей под зерновые культуры. В этих условиях исключительно большую роль в дальнейшем развитии зерновой отрасли играет повышение уровня самой земледельческой культуры. Высокая культура земледелия представляет собой взаимосвязанный комплекс агрономических, технических, организационных мер, обеспечивающих расширенное воспроизводство плодородия почв, высокопродуктивное использование каждого гектара земли, постоянный рост урожайности и улучшение качества выращиваемой продукции.

Работа по повышению уровня культуры земледелия разворачивалась в разных направлениях. В числе первоочередных стояли рационализация использования удобрительных ресурсов и проведение противозерозийных мероприятий. Существующий в агрономической науке принцип равномерного распределения удобрений под все сельскохозяйственные культуры был изменен. Специалисты и ученые апробировали принцип концентрации высоких доз минеральных удобрений на зерновом поле и порционное применение азотных туков, предусматривающий их первое внесение перед посевом озимых и весеннюю подкормку растений. Подобный агроприем устранял азотное голодание растений, повышал их устойчивость к заболеваниям, ускорял рост [6]. В хозяйствах Витебской области нашел распространение метод осеннего внесения калийных и фосфорных удобрений под яровые зерновые культуры, а также практика внесения азотных удобрений в два приема: под предпосевную культивацию и в подкормку по вегетирующим растениям. Важным агроприемом стало также внесение гранулированного суперфосфата в рядки. Эти новые методики давали возможность выравнивать посевы по росту и развитию. Земледельцы Могилевской области в 1974 г. применили местный, или ленточный, способ внесения минеральных удобрений, который обес-

печил наиболее благоприятные условия питания растений, позволил сократить потери удобрений, использовать все питательные вещества. В итоге эффективность использования минеральных туков повысилась на 10–15%, что позволило ряду хозяйств получить прибавку урожая зерновых по 4–5 ц на каждом гектаре [7]. Описанный опыт быстро нашел последователей и был рекомендован к широкому использованию XXVIII съездом Компартии Белоруссии.

Многолетняя практика ведения земледелия на песчаных и супесчаных землях показала, что применение минеральных туков на этих почвах без достаточной их заправки органикой должного эффекта не дает. Поскольку в республике более половины пашни занимают именно супесчаные и песчаные почвы низкого уровня плодородия, то для получения планируемых в девятой пятилетке урожаев требовалось увеличить вдвое заготовку и внесение в почву органики, организовать производство торфогуминовых удобрений в колхозах и совхозах. Приготовление высококачественных компостов оказалось возможным в хозяйствах с хорошо развитым животноводством. В знаменитом колхозе «Оснежицкий» Пинского района оно было развернуто непосредственно в животноводческих комплексах при использовании торфокрошки и соломы. Ежегодно в хозяйстве в среднем на гектар пашни вносилось свыше 30 т органики, что позволяло получать на бедных песчаных и супесчаных землях урожаи зерновых в 40 и более центнеров с гектара [8].

Повышению плодородной силы земли способствует не только оптимальная заправка почвы удобрениями, но и ее качественная обработка. В изучаемые годы в колхозах и совхозах Белорусской ССР была проделана немалая работа по освобождению земель от камней и кустарников, их максимальному вовлечению в сельскохозяйственный оборот, сведению небольших лоскутков пашни в единые массивы, соблюдению технологической дисциплины и требований агротехники. Большие усилия по наведению порядка на земле и совершенствованию системы обработки почвы предпринимали земледельцы Гродненского и Докшицкого районов, интересный опыт подготовки пашни к севу был накоплен в колхозах имени Кирова Шкловского, «Светлый путь» Сморгонского, «Авангард» Гродненского районов, совхозе «Шарковщинский» Шарковщинского района. В этих хозяйствах при технологической подготовке к посеву озимых учитывались вид парозанимающей культуры и механический состав почвы, был апробирован прием прикатывания и выравнивания почвы агрегатом РВК-3, про-

верена технология ее одновременной обработки четырьмя почвенно-посевными агрегатами, состоящими из культиватора, планировщика и сеялки. Подобные приемы позволяли производительнее использовать технику, способствовали равномерной заделке семян и улучшению водного режима почвы, сокращению времени сева. В целом же для подавляющего большинства хозяйств республики в исследуемое время нормой технологии обработки почвы стало прикатывание и выравнивание полей, совмещение операций рыхления, выравнивания и уплотнения почвы, строгий учет минимального количества свальных и развальных борозд, определение системы обрабатывающих приемов в зависимости от вида предшествующей культуры, степени засоренности участка, метеорологических условий.

Важнейшим вопросом в проблеме улучшения состояния и охраны земельного фонда республики явилась защита почвы от водной и ветровой эрозии. Все партийные, советские, сельскохозяйственные органы включались в той или иной степени в разработку и проведение комплекса предупредительных противоэрозийных мероприятий и мер по ослаблению эрозии. Более чем тысяча хозяйств к концу исследуемого периода использовали в целях охраны земли посадки лесозащитных полос, безотвальную вспашку на крутых склонах и поперечную пахоту на пологих, облесение крутых завалуненных склонов и песков, увеличенное внесение удобрений на эродированных почвах. К концу девятой пятилетки площадь пашни, на которой проводились противоэрозийные мероприятия, превысила 6 млн га земли [9, с. 80].

Одним из решающих направлений повышения культуры земледелия является селекционно-семеноводческая работа. В изучаемые годы в республике сложились основы новой организации производства и массового размножения высококачественных товарных семян зерна. Этим занимались экспериментальные базы, опытные станции, учебные и специализированные семеноводческие хозяйства, межхозяйственные объединения по промышленному производству семян. Была развернута большая исследовательская работа по выведению новых высокоурожайных и устойчивых к полеганию сортов. Ученые и специалисты селекционного центра по зерновым культурам Белорусского научно-исследовательского института земледелия передали в госсортиспытание в 1974 г. новый сорт диплоидной ржи «Белорусская-23», яровой пшеницы «Белорусская-12», а ранее – озимой ржи «Белта», которые обладали хорошей урожайностью и целым рядом хозяйствен-

но ценных признаков. Всего же за девятую пятилетку учеными селекционного центра было выведено и передано в государственное испытание 42 сорта зерновых, зернобобовых и крупяных культур, в том числе 11 сортов районированных [10, с. 25].

Значительную по объему селекционно-семеноводческую работу провели 43 государственных сортовых участка республики. К примеру, одним лишь Молодеченским сортовым участком в 1971–1974 гг. было проведено испытание свыше 600 сортов зерновых культур, из которых 7 наиболее ценных были районированы в хозяйствах Минской области, изучено свыше 70 сортов иностранной селекции, завезенных из США, ФРГ, Франции, Австрии, Швеции, Нидерландов, стран социалистического лагеря. Ученые, специалисты, работники сортового участка размножили и реализовали 12 180 ц семян перспективных сортов, перевыполнив задания плана по этому показателю в 1,5 раза [11]. Создание прочной научной базы республиканского семеноводства позволило наладить снабжение всех хозяйств районированными и перспективными сортами зерновых культур, повысить классность семенного материала, провести быструю сортосмену. В 1972 г. начался переход всех колхозов и совхозов Белорусской ССР на посевы сортов ячменя «Московский-121», «Альза» и «Зефир», озимой ржи «Белта», «Дружба» и «Харьковская-60», овса «Надежный», к концу пятилетки гречихи «Тереховская» и «Юбилейная».

Одновременно с районированием новых продуктивных сортов и выведением в тираж менее ценных старых, земледельцы занимались совершенствованием структуры посевных площадей, разрабатывали оптимальные параметры зернового клина. При этом заметно расширялись посевы ячменя и озимой пшеницы. Увеличение удельного веса ячменя диктовалось его не только более высокой по сравнению с другими культурами урожайностью, но и более высокой способностью повышать урожай под влиянием возрастающей культуры земледелия. К тому же ячмень является одновременно ценной фуражной культурой, лишь немного уступающей по содержанию протеина и лизина люпину и озимой пшенице. Последнее было очень важно с учетом животноводческой специализации сельскохозяйственного производства Белорусской ССР. В результате пристального внимания к вопросу повышения урожайности зернового клина посевы ячменя в исследуемый период значительно увеличились. Если в 1970 г. ячмень в структуре зерновых занимал только 28,6% посевов, то к концу 1975 г. – свыше 40% и обеспечивал почти 45% всего валового сбора

зерна. В среднем урожай ячменя за эти годы составил 23,8 ц с гектара, что было на 0,9 ц выше озимой пшеницы, на 2,8 – озимой ржи и на 3,5 ц выше овса [12, с. 27].

Заключение. Показатели развития колхозно-совхозного сектора экономики БССР свидетельствуют, что несмотря на проблемы, недоработки и упущения в аграрной истории советской республики годы девятой пятилетки явились важной вехой. В этот период значительно увеличилось производство продуктов земледелия, был отмечен подъем зерновой отрасли сельского хозяйства. На основании вышеизложенного материала можно сделать выводы, что решающими факторами успеха стали крупные мероприятия по формированию новой высокопроизводительной машинно-тракторной базы зернового производства и повышение культуры земледелия в целом. Резкое увеличение поставок новейшей сельскохозяйственной техники, усилия по электрификации и комплексной механизации, быстрые темпы химизации и меры по широкой мелиорации земель позволили поднять производительность труда, значительно повысить плодородие почв, увеличить валовые сборы и повысить урожайность

зерновых культур. Не менее важным оказался и переход к новой, основанной на рекомендациях агрономической науки, организации процесса выращивания и уборки культур. Наблюдалось включение в профессиональную практику новых агрономических приемов обработки почвы, технологий высокоэффективного использования новой сельскохозяйственной техники, поступающих минеральных и органических удобрений, известковых материалов, внедрение новых сортов интенсивного типа, перевод семеноводства на индустриальную основу. Эти меры обеспечивали не только высокопродуктивное использование земель разного качества и уровня плодородия, но и решающим образом воздействовали на сокращение сроков сева и уборки хлебов, механизацию очистки и сушки зерна. В конечном итоге они способствовали продвижению к поставленной цели уменьшения зависимости земледелия республики от стихийных сил природы. Можно сказать, что в годы девятой пятилетки обозначилась культура интенсивного земледелия, связанного с передовыми для того времени достижениями науки в области почвоведения, агрономии, селекционного семеноводства.

Список литературы

1. Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Белоруссии. Минск: Беларусь, 1976. 176 с.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР. Стат. ежегодник. Минск: Беларусь, 1976. 272 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 151. Д. 10. Л. 75; Ф. 4. Оп. 142. Д. 12. Л. 78.
4. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51. Л. 180.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 269. Л. 253.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 69. Д. 21. Л. 44.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 153. Д. 13. Л. 71.
8. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 41. Л. 18.
9. Почвоведение и агрохимия на службе сельского хозяйства / под. ред. В. А. Козлова и Т. Н. Кулаковской. Минск: Ураджай, 1977. 142 с.
10. Сельское хозяйство Белоруссии. 1977. № 3.
11. НАРБ. Ф. 4. Оп. 27. Д. 1. Л. 162.
12. Зерновое хозяйство. 1976. № 11.

References

1. *Materialy XXVIII s'yezda Kommunisticheskoy partii Belorussii* [Materials of the XXVIII Congress of the Communist Party of Belarus]. Minsk, Belarus' Publ., 1976. 176 p. (In Russian).
2. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR. Stat. ezhegodnik* [The national economy of the Byelorussian SSR. Stat. yearbook]. Minsk, Belarus' Publ., 1976. 272 p. (In Russian).
3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 151. F. 10. L. 75; Fund 4. I. 142. F. 12. L. 78.
4. NARB. Fund 4. I. 2. F. 51. L. 180.
5. NARB. Fund 4. I. 2. F. 269. L. 253.
6. NARB. Fund 4. 69. F. 21. L. 44.
7. NARB. Fund 4. I. 153. F. 13. L. 71.
8. NARB. Fund 4. I. 1. F. 41. L. 18.
9. *Pochvovedeniye i agrokhiymiya na sluzhbe sel'skogo khozyaystva* [Soil science and agrochemistry in the service of agriculture]. Ed. by: B. A. Kozlov, T. N. Kulakovskaya. Minsk, Uradzhay Publ., 1977. 142 p. (In Russian).

10. *Sel'skoye khozyaystvo Belorussii* [Agriculture in Belarus]. 1977, no. 3 (In Russian).
11. NARB. Fund 4. I. 27. F. 1. L. 162.
12. *Zernovoye khozyaystvo* [Grain farming], 1976, no. 11 (In Russian).

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzhezda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 12.09.2022

УДК 316.46(324)

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ОПРОСА

С момента проведения первого опроса электората в течение выборов 1936 г. в США технология их использования претерпела кардинальные изменения. Несмотря на то, что электоральные исследования и их результаты остаются важными детерминантами электорального поведения и основаниями прогнозирования возможного итога выборов, они постоянно дополняются и заменяются альтернативными технологиями и методами исследования. В статье рассматривается эволюция способов достижения целей проведения электоральных опросов от предсказаний результатов голосований до понимания поведения избирателей и планирования стратегии избирательных кампаний.

Ключевые слова: электоральный опрос, электоральный прогноз, электорат, опрос общественного мнения, статистическое моделирование, рыночный прогноз, опросный эксперимент.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Эволюция методов и технологий электорального опроса // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2022. № 2 (263). С. 68–72.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University

EVOLUTION OF METHODS AND TECHNOLOGIES OF ELECTORAL POLLING

Since the first electoral poll was conducted during the 1936 elections in the United States, the technology of their use has undergone drastic changes. Despite the fact that electoral research and its results remain important determinants of electoral behavior and the basis for predicting the possible outcome of elections, they are constantly supplemented and replaced by alternative technologies and research methods. The article examines the evolution of ways to achieve the goals of conducting polls from predicting the results of voting to understanding the behavior of voters and planning the strategy of election campaigns.

Keywords: electoral poll, electoral forecast, electorate, public opinion poll, statistical modeling, market forecast, polling experiment.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Evolution of methods and technologies of electoral polling. *Proceedings of BSTU, issue 6. History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 68–72 (In Russian).

Введение. Опросы общественного мнения сегодня проводятся по широкому кругу социальных проблем, но остаются особенно значимыми при проведении избирательных кампаний и изучении выборов. Данные опросов лежат в основе политических рейтингов и предвыборных прогнозов, освещаются в средствах массовой информации и детерминируют поведение кандидатов и электората.

Первый социологический выборочный опрос общественного мнения был проведен в ходе президентских выборов 1936 г. в США, а вслед за ним в январе 1937 г. был основан журнал «Общественное мнение ежеквартально». Первый номер данного журнала включал эссе, объясняющее, как квотный опрос Дж. Гэллапа с выборкой из 50 000 человек дал более точный результат, предсказав победу Ф. Д. Рузвельта, по сравнению с «соломенным» опросом «Литерари Дайджеста» с объемом выборки 2,4 млн человек,

где ошибка выборки составила 19% и была вызвана предвзятостью отбора и предубежденностью ответа.

Методология и методы исследования проблемного поля политики значительно изменились с тех времен, возросло и их количество, в частности, в США с 1984 по 2000 г. количество опросов избирателей возросло на 900 % и их число продолжает расти [1]. В течение избирательной кампании 2008 г. в США между Днем труда и днем выборов было проведено более миллиона исследований [2]. Это свидетельствует о том, что составление рейтингов потенциальных кандидатов и планирование избирательных кампаний следующих выборов начинается на следующий день после состоявшихся предыдущих. Например, Дж. Гэллап 5 ноября 2008 г. сообщил, что Сара Пэйлин лидирует в качестве потенциального кандидата на президентских выборах 2012 г.

Кроме того, произошли значительные изменения в технологии и форме проведения электоральных опросов. На протяжении десятилетий они проводились посредством телефонных анкетных опросов от имени медиаорганизаций или политических кандидатов. Сегодня роботизированные телефонные опросы и интернет-опросы все чаще иницируются бизнесменами в целях саморекламы.

Способы публикации рейтингов также изменились, теперь они размещаются непосредственно в блогах и на сайтах агрегирования данных опросов, а не в традиционных средствах массовой информации.

Основная часть. Роль электоральных опросов была предметом многочисленных и разнообразных исследований и публикаций, именно поэтому представляется целесообразным кратко презентовать эволюцию методов и технологий электорального опроса в контексте выполнения им основных функций: информационной, корректирующей и прогностической.

Основополагающей функцией электорального опроса является прогнозирование результатов выборов. До проведения опросов прогнозы выборов строились на мнениях осведомленных наблюдателей, политических инсайдеров и лидеров. Ненаучные «соломенные» опросы появились в 1824 г. в форме неофициальных подсчетов мнений в тавернах, милицейских офисах и на публичных собраниях. Опрос Дж. Гэллага в 1936 г. положил начало научному электоральному опросу.

Однако, в отличие от большинства тем опросов, предвыборные опросы имеют критерий истинности – результаты выборов. Репутация исследовательских фирм в немалой степени зависит от точностей данных оценок. Наиболее ярким примером здесь может быть взлет и фиаско «Литерари Дайджеста», одного из самых уважаемых журналов, успешно предсказывавшего результаты выборов с 1916 по 1932 г. и прекратившего свое существование вследствие неудачного прогноза в 1936 г. или Дж. Дж. Зогби, названного «принцем социологов», прославившегося благодаря точным предсказаниям результатов голосований на президентских выборах в 1996 г. и ставшем впоследствии «худшим социологом в мире» [3].

В целом, электоральные опросы, их методология, методы и технологии проведения хорошо зарекомендовали себя, однако нельзя отрицать и наличие неудач. Так, например, прогноз победы республиканца Т. Дьюи над действующим президентом-демократом Г. Трумэном на выборах 1948 г. или предсказание выигрыша Б. Обамы на праймериз Демократической партии в Нью-

Гэмпшире на выборах 2008 г. Прогнозирование итогов выборов – это сложный процесс, поэтому важно понять, почему некоторые опросы дают правильный результат, а некоторые – ложный.

Как и в любом опросе, на качество прогнозов могут влиять случайные и систематические ошибки выборки, организационные, методологические и технологические ошибки, а также ошибки покрытия, измерения, обработки и корректировки. Кроме того, предвыборные прогнозы могут быть неточными и в силу того, что они основаны на собранных и обобщенных мнениях респондентов, которые могут подтвердить свой выбор, поменять суждение или не явились на избирательные участки в день выборов. Таким образом, одним из наиболее важных методологических решений является выбор вероятных избирателей. Каждая исследовательская фирма имеет свои собственные методы и модели определения вероятных избирателей, как правило, базирующиеся на показателях регистрации избирателей, истории голосований и современных научных исследованиях политического участия и электорального поведения.

Еще одна методологическая трудность, о преодолении которой нет единого мнения, – это учет мнений неопределившихся респондентов, вносящих свой вклад в ошибку прогноза.

Правдивость электорального прогноза также зависит от склонности людей менять свое мнение о кандидатах, явке на выборы и намерении голосовать в период с момента опроса до дня выборов. Данные панельных исследований показали, что более 40% респондентов меняют свое намерение голосовать, по крайней мере, один раз в течение избирательной кампании [4]. Однако по-прежнему ведутся споры об источнике динамики на индивидуальном уровне.

С признанием того, что индивидуальные результаты опросов подвержены случайной ошибке выборки и любым потенциальным искажениям, вносимым избранной методологией исследователей, стало популярным агрегировать данные различных опросов. Во многом облегчила данный процесс широкая доступность онлайн опросов, например, Pollster.com, FiveThirtyEight.com, Принстонский избирательный консорциум и RealClearPolitics.com. Агрегирование опросов помогает снизить волатильность прогнозов за счет увеличения размеров выборок и, как следствие, уменьшения погрешности. Однако вопросы о наиболее эффективных методах объединения данных, учитывающих особенности организации и проведения эмпирических исследований, размеры и ошибки выборок,

доверительные интервалы и доверительную вероятность выборочных опросов, остаются дискуссионными.

Еще одним способом повышения качества электоральных опросов в США является перенос акцентов с прогнозирования итогов избирательных кампаний на национальном уровне на уровень отдельных штатов. Прогнозы и рейтинги исторически формировались на оценках всего населения страны, даже несмотря на то, что президент и вице-президент США избираются коллегией выборщиков. Однако выборы 2000 г. стали ярким примером несовершенства предсказаний на основе данных национальных опросов. Э. Гору пророчили победу на всенародном голосовании, но Дж. Буш набрал большинство голосов коллегии выборщиков. С тех пор электоральные прогнозы на уровне штатов получили широкое распространение. Так, например, за последние две недели до выборов 2008 г. в США было проведено 743 опроса на уровне штатов, а за тот же период в 2004 году – только 254 [2].

Представляется очевидным, что будущее электоральных прогнозов неразрывно связано с агрегированием результатов опросов населения штатов и составлением на данной основе прогнозов решений коллегии выборщиков. Данное обстоятельство актуализирует вопросы о наилучших методах агрегирования и наилучших показателях оценки их точности.

В качестве альтернативы, особенно в начале кампании, при составлении предвыборных прогнозов все чаще используются макроэкономические статистические модели и данные рынков предсказаний. Хотя на основе рынков предсказаний и статистических моделей порой можно получить более точные прогнозы итогов выборов. Необходимо отметить, что электоральные опросы и рейтинги, составленные на их основе, играют косвенную роль при их формировании. Ведь многие статистические модели включают в себя уровень доверия к кандидату и/или его партии, их рейтинги и оценки политических программ. А инвесторы электронных рынков и бирж принимают во внимание результаты электоральных опросов, делая ставки и приобретая фьючерсы кандидатов. Кроме того, ни рынки предсказаний, ни статистическое моделирование не способствует пониманию поведения избирателей, специфики выбора кандидата и динамики мнений электората. С этой задачей справляются только электоральные опросы.

Второй функцией опроса избирателей является информационная, направленная на получение достоверных сведений об электоральной ситуации и поведении, включая участие электората в политической жизни, процесс принятия

решений избирателями, влияние хода избирательной кампании на электоральный выбор, роль партийной идентификации, влияние средств массовой информации и т. д.

Ретроспективный анализ исследований проблемного поля электорального поведения – от социологического анализа Колумбийской школы до психологических моделей Мичиганской школы и перспективы рационального выбора – позволил выявить основные исследовательские проблемы. Во-первых, в настоящее время широко признано, что наша способность отвечать на существенные вопросы о выборах напрямую зависит от качества имеющейся информации. В последние годы значительное внимание уделялось получению первичной эмпирической информации посредством самонаблюдения и самоотчета электората. Так, было обнаружено, что респонденты преувеличивают воздействие новостей в среднем в 3 раза, а молодые люди – в 8 раз; респонденты склонны приписывать себе социально желательные и социально одобряемые характеристики: политическую информированность и активность, независимость суждений, умеренность взглядов и терпимость. Также выборка, режим и дизайн вопросника непосредственно влияют на качество данных.

Во-вторых, методологическая проблема в исследовании электорального поведения заключается в признании трудностей установления причинно-следственных связей посредством опросов. Наиболее ярким примером является устойчивая взаимосвязь между партийной идентификацией, отношением к политической программе и электоральным выбором, наличие которой было установлено еще в 1960-х гг., но тип причинно-следственной модели остается дискуссионным до сих пор. Согласно одним исследованиям, партийная идентификация определяет политическую позицию, согласно другим – отношение к политической программе проистекает из партийных привязанностей.

Следствием данной методологической проблемы стал поиск и использование альтернативных технологий изучения электорального поведения. Пытаясь обосновать причинно-следственные связи, некоторые ученые обращались к панельным опросам, отслеживая изменения мнения одного и того же человека с течением времени. Другие ученые – к экспериментальным разработкам. Все более популярными становятся опросные эксперименты при разработке социологического инструментария и формулировании вопросов анкеты. Например, М. Крисан использовала данный прием, чтобы показать, что расовые отношения избирателей меняются

в зависимости от уровня конфиденциальности их мнений.

Электоральные опросы стали часто дополняться геопространственными и административными данными. Например, Г. Хубер и К. Арсено нашли доказательства влияния политической рекламы, сравнив данные электоральных опросов с объемом рекламной продукции медиарынков в различных территориальных округах. М. Мереди опирался на историю участия в голосовании в регистрационных файлах избирателей при изучении привычного характера электорального поведения. Г. Кинг предложил новые методы сбора политических мнений, высказываемых в блогах. Он считает, что при изучении контекста и влияния взаимодействия между людьми целесообразнее не опрашивать респондентов, а использовать непрерывную запись телефонных звонков, электронных писем, текстовых сообщений и личных контактов населения [5].

Таким образом, наиболее распространенной тенденцией среди электоральных аналитиков XXI века стал отказ от построения сложных и комплексных моделей индивидуального электорального поведения и перенос акцентов на изучение отдельных факторов, а также поиск альтернативных детерминант электорального выбора. В результате современные исследования становятся все более эклектичными и оппортунистическими.

Аналогичная тенденция наблюдается и при рассмотрении роли электоральных опросов в обеспечении политических партий, кандидатов и политических лидеров сведениями об электоральной ситуации для планирования стратегий избирательных кампаний, оптимизации политических программ и оценки эффективности характера и направлений деятельности политических сил (корректирующая функция электорального опроса). Если раньше опросы были основным способом оценки предпочтений населения, то сегодня избирательные кампании все больше полагаются на административные и политические базы данных.

До проведения электоральных опросов кандидаты полагались на местную партийную структуру для оценки желаний и потребностей электората. К 1960-м гг. опросы занимали центральное место в процессе планирования стратегии предвыборной борьбы и формирования стратегических политических решений. С учетом изменений в информационной среде и повсеместного внедрения информационных и сетевых технологий, кандидатам сегодня больше не нужно обобщать результаты выборочных исследований. Политические партии США на основе электронных регистрационных файлов

избирателей по штатам, утвержденных законом о помощи Америке в голосовании 2002 г., создали огромные базы данных, содержащие информацию о каждом зарегистрированном избирателе. Сегодня кандидаты могут более эффективно направлять имеющиеся ресурсы на конкретные целевые аудитории избирателей. При этом они игнорируют лиц, незарегистрированных для участия в голосовании, что усугубляет неравенство в политическом участии. Так, в 2008 г. прямая адресная почтовая рассылка направлялась только зарегистрированным избирателям с активной историей голосования. Также послания различного содержания отправлялись различным сегментам электората. В целевых сообщениях кандидаты ознакомили потенциальных избирателей со своей позицией по большому кругу вопросов, чем в прокламативных выступлениях, например, об отношении к абортam, однополым бракам и исследованиям стволовых клеток. Вместе с тем электоральные опросы все еще используются при составлении рейтингов кандидатов и для оценки положения кандидата в электоральной гонке, но их данные сегодня не являются первоосновой планирования стратегии избирательной кампании.

Заключение. Электоральные опросы используются для прогнозирования результатов выборов и интерпретации их результатов. Они являются основой для формирования стратегии избирательной кампании кандидатов и главным инструментом понимания поведения электората. Вместе с тем наблюдается тенденция снижения значимости опросов общественного мнения в предвыборной борьбе. При прогнозировании итогов выборов, особенно в начале электоральной гонки, все чаще используются статистические модели и рынки предсказаний. Поведение электората пытаются трактовать на основе экспериментальных разработок и альтернативных методов изучения и оценивания установок и мотивов поведенческих актов. Выбор стратегий избирательных кампаний основывается на имеющихся информационных ресурсах и базах данных избирателей. Уменьшение влияния электоральных опросов и снижение уровня доверия к рейтингам и прогнозам, составленным на основе их результатов, при увеличении их числа кажется парадоксальным. С другой стороны, это вполне объяснимо, ведь увеличение числа опросов приводит к большой вариативности как результатов, так и используемых методов и технологий социологического исследования. Отсутствие методологической прозрачности способствует возникновению скептицизма в отношении результатов исследований и отрасли в целом.

Список литературы

1. Traugott M. The Accuracy of the National Pre-Election Polls in the 2004 Presidential Election // *Public Opinion Quarterly*. 2005. Vol. 65 (5). P. 642–654.
2. Panagopolous C. Polls and Elections: Pre-Election Accuracy in the 2008 General Elections // *Presidential Studies Quarterly*. 2009. Vol. 39. P. 896–907.
3. Silver N. The Worst Pollster in the World Strikes Again. *FiveThirtyEight.com*, March 24, 2009. URL: <http://fivethirtyeight.com/2009/03/worst-pollster-in-world-strikes-again.html> (accessed 28.08.2022).
4. Hillygus D., Shields T. *The Persuadable Voter*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. P. 123–130.
5. King G. The Changing Evidence Base of Social Science Research. In *The Future of Political Science: 100 Perspectives* ed. by Gary King, Kay Schlozman, Norman Nie. New York: Routledge Press, 2019. 393 p.

References

1. Traugott M. The Accuracy of the National Pre-Election Polls in the 2004 Presidential Election. *Public Opinion Quarterly*, 2005, vol. 65 (5), pp. 642–654.
2. Panagopolous C. Polls and Elections: Pre-Election Accuracy in the 2008 General Elections. *Presidential Studies Quarterly*, 2009, vol. 39, pp. 896–907
3. Silver N. The Worst Pollster in the World Strikes Again. *FiveThirtyEight.com*, March 24, 2009. Available at: <http://fivethirtyeight.com/2009/03/worst-pollster-in-world-strikes-again.html> (accessed 28.08.2022).
4. Hillygus D., Shields T. *The Persuadable Voter*. Princeton, NJ: Princeton University Press Publ., 2008, pp. 123–130.
5. King, G. The Changing Evidence Base of Social Science Research. In *The Future of Political Science: 100 Perspectives*. Ed. by: Gary King, Kay Schlozman, Norman Nie. New York, Routledge Press Publ., 2019. 393 p.

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Поступила 08.09.2022

УДК 94(476)

О. И. Рышкевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

В статье приводится обзор научных исторических журналов Беларуси, на основе которого проанализированы главные критерии характеристик, свойственных исторической периодике, что и составляет ее отличительные особенности. Прослеживается становление и развитие исторических журналов с 1990-х гг. Рассматривается проблема недостаточного изучения исторической периодики Беларуси. Оценивается вклад и роль исторических периодических журналов в профессиональное коммуникативное пространство.

Ключевые слова: историография, историческая периодика, Беларусь, историческая наука.

Для цитирования: Рышкевич О. И. Историческая периодика Республики Беларусь: общая характеристика // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 73–78.

O. I. Ryshkevich

Yanka Kupala Grodno State University

**HISTORICAL PERIODICALS OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
GENERAL CHARACTERISTICS**

The article provides an overview of scientific historical journals of Belarus, on the basis of which the main criteria of characteristics characteristic of scientific and historical periodicals are analyzed, which constitutes its distinctive features. The formation and development of historical journals since the 1990s is traced. The problem of insufficient study of the historical periodicals of Belarus is considered. The contribution and role of historical periodicals in the professional communication space is evaluated.

Keywords: historiography, historical periodicals, Belarus, historical science.

For citation: Ryshkevich, O. I. Historical periodicals of the Republic of Belarus: general characteristics. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, 2 (263), pp. 73–78 (In Russian).

Введение. Образование в 1991 г. независимого государства Республики Беларусь стало основополагающим для развития отечественной исторической периодики. 1990-е гг. характеризуются активным созданием разноплановых исторических журналов, в которых прослеживаются основные тенденции современной исторической науки и степень активности историков. Вопросы изучения роли исторической периодики встречаются в исследованиях белорусских историков: Карева Д. В. [1], Токтя С. М. [2], Сагановича Г. Н. [3], Фролова И. А. [4] и др. Актуальность данной темы связана с недостаточной изученностью как в целом периодики Беларуси, так и сугубо малой освещенностью исторической периодики. В исторических журналах публикуются разноплановые материалы: от архивных источников, научных исследований до учебно-методических разработок по истории. Материалы, публикуемые на страницах приведенных журналов, позволяют формировать и развивать единую профессиональную коммуникативную среду. Данный обзор исторических журналов позволяет

отметить общие и отличительные характеристики исторических изданий, на основе которых журналы и относятся к исторической периодике. Рассматриваемые исторические журналы в статье размещаются по хронологическому принципу их создания.

Основная часть. Необходимо отметить, что ведущую группу периодики Республики Беларусь составляют исторические журналы, которые в большинстве своем издаются при университетах и входят в перечень изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Одним из ключевых изданий академической исторической периодики является «Гістарычна-археалагічны зборнік» (краткое наименование ГАЗ) Института истории Национальной академии наук Беларуси. Первый номер сборника был издан в 1927 г. Институтом белорусской культуры [5].

После выхода первого номера ГАЗа издание было закрыто. Восстановление его произошло только в 1993 г. Институтом истории НАН Беларуси. С 1993 г. года выпуска сборника

возобновляются и становятся более регулярными. Периодичность его выхода – один раз в год. Тематически сборник состоит из следующих разделов: история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология. Среди разнообразия тем достаточно широко представлены проблемы историографии и источниковедения ВКЛ. В нем печатают работы К. Назаренко, И. Сенькевич, Д. В. Карева, А. Ю. Василенко, А. Б. Довнара, А. А. Скепьян, Ю. Гордеева, В. В. Голубовича, Р. Крицука, В. Ф. Голубева. Журнал продолжает работу под руководством главного редактора доктора исторических наук, профессора Коваленко А. А. Следует отметить, что «Гістарычна-археалагічны зборнік» занимает свою нишу в ряду академических изданий исторической направленности и играет важную роль в воспроизводстве и развитии профессиональной культуры историков-исследователей.

В советское время с 1970 по 1989 г. добровольным товариществом охраны памятников истории и культуры в Минске на белорусском языке издавался небольшой специализированный иллюстрированный культурно-исторический бюллетень «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», в котором часто публиковались научные статьи отечественных историков [6, с. 53]. До 1989 г. бюллетень выходил ежеквартально, с 1991 г. уже как журнал стал печататься один раз в два месяца. Усилиями редакции и научной общественности в 1989 г. на его базе был создан журнал «Спадчына», посвященный белорусской истории и культуре. Сохранение и приумножение культурного богатства белорусского народа, пропаганда истории и культуры белорусов была одной из главных задач издания. Печатались материалы журнала на белорусском языке, что являлось подтверждением намерения создателей журнала поддерживать и пропагандировать возрождение белорусского языка и культуры посредством периодической печати и транслируемых знаний на основе приведенных материалов. В журнале помещались иллюстрированные научные и научно-популярные статьи, исторические источники, публицистика, литературные произведения, освещались вопросы охраны, изучения, пропаганды памятников истории и культуры, проблемы белорусской истории и культурного наследия в европейском контексте. Здесь публиковались статьи и архивные материалы по истории Беларуси, фило-совской мысли, истории живописи и религии, о культурном наследии национальных меньшинств Беларуси, об истории зарубежных стран, о жизни и деятельности белорусской диаспоры, рассуждения о пути развития

национальной культуры, сохранения исторической памяти. Журнал содержал переводы и перепечатать отечественного историографического и литературного наследия [7, с. 94]. Структурно-содержательное построение журнала «Спадчына» на протяжении своего существования было различным в связи с разнообразием редакционного портфеля, от которого и отталкивались при формировании тех или иных рубрик и разделов. Первым главным редактором стал известный белорусский писатель Иван Чигринов (1989–1996 гг.). Также главными редакторами журнала в разные годы были Вячеслав Ракицкий (1997–1999 гг.), Захар Шибеко (2001–2002 гг.), Алексей Ходыко (?–2011 гг.). Вначале издание журнала поддерживалось Белорусским фондом культуры. Периодичность печати журнала «Спадчына» была непостоянной (причина – нестабильность финансирования): максимальное количество изданий достигало 6 раз в год. Всего за 1989–2011 гг. вышел 161 номер. Первый номер сформировал основные направления для дальнейшей работы журнала. Номер открывался редакционной статьей «Вяртанне памяці», где в сжатой, лаконичной форме определялась концепция журнала. Главная задача «Спадчыны» – вести широкую пропаганду истории и культуры белорусского народа, содействовать сбережению наследия, которое мы получили от предыдущих поколений и обязаны передать тем, кто идет на смену [7, с. 2–3]. По приведенным материалам разделов журнала следует отметить, что особый интерес вызывали политические вопросы времен существования ВКЛ. Примерами по данной теме являются публикации авторов Т. Баранускаса, А. Белого, Ю. Бохана, Я. Лёсика, С. Немагай, Г. Сагановича, А. Рахубы, Э. Рудзки, Ю. Мыщик и др. Неотъемлемой спецификой журнала «Спадчына» являлось размещение на его страницах исторических источников. Журнал «Спадчына» являлся одним из примеров исторической периодики Республики Беларусь, а также иллюстрированным культурно-историческим журналом с весомым вкладом в развитие и сохранение белорусского наследия. После 2003 г. из-за финансовых проблем журнал издавался нерегулярно. Со временем он потерял государственную поддержку, в результате чего прекратил свою деятельность окончательно в 2011 г. [7, с. 53].

Образование независимой Республики Беларусь дало возможность отечественной исторической общественности учредить национальный исторический журнал [9, с. 52]. Рассматриваемый исторический научный и научно-методический иллюстрированный журнал «Беларускі гістарычны часопіс» (БГЧ) был основан

в 1992 г., начал издаваться в январе 1993 г. в г. Минске, учредителями которого выступили Министерство образования Республики Беларусь, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Белорусский государственный университет (БГУ). Первым главным редактором журнала являлся В. Ф. Кушнер (1993–2011 гг.), длительное время (2011–2021 гг.) должность главного редактора занимал М. Н. Гальперович. С января 2022 г. главным редактором журнала является А. А. Корзюк. В журнале печатаются научные и методические материалы в помощь учителям, студентам и учащимся, компьютерные обучающие программы, сообщения о научных конференциях, сведения о новых изданиях книг, учебников, методическая литература по истории. Материалы журнала содействуют процессу национального возрождения, изучению истории Беларуси и пропаганде исторических знаний. В журнале представлены следующие рубрики: «З аграрнай гісторыі», «З ваеннай гісторыі», «З гісторыі дыпламатыі», «Усеагульная гісторыя», «Беларусы ў свеце», «Беларусазнаўства», «Імёны вядомыя і невядомыя», «З гісторыі партый і рухаў» и др. [8, с. 438–439].

Отдельное внимание следует уделить первому номеру журнала «Беларускі гістарычны часопіс» (опубликован январь – февраль – март 1993 г.), поскольку именно здесь и были сформированы основные цели деятельности данного издания. Цель журнала, по словам В. Ф. Кушнера: «Содействовать процессу национального возрождения и углублению национального сознания белорусов, воспитания патриотов своего Отечества через глубокое изучение нашей истории и пропаганды исторических знаний» [9, с. 3]. Однозначной была позиция В. Ф. Кушнера о языке журнала и преподавании предмета, и курсов об истории страны: «Гісторыя дзяржавы і народа павінна выкладацца на дзяржаўнай мове» [9, с. 5]. В связи с чем большая часть материалов и печаталась на белорусском языке, а исключением могли быть архивные материалы или отдельные статьи. Структура содержания первого номера БГЧ включала в себя разделы: вступительные статьи приветствия основателей журнала, разделы «История Беларуси», «Всеобщей истории», раздел «Методика, опыт», «Научная жизнь», содержание [9, с. 2].

Журнал стал оптимальной «площадкой для опубликования материалов белорусских исследователей», «зеркалом отечественной исторической науки и образования» [10, с. 4–5]. С самого начала БГЧ рассматривался как главное периодическое издание для историков Беларуси и на него возлагались большие надежды, что это будет ведущее научное историческое изда-

ние. Однако с первых номеров журнал стал публиковать не только научные исторические исследования, но и учебно-методические разработки исторической направленности, которые носят более прикладной характер [2]. Это наблюдение и было отмечено белорусским историком Геннадием Сагановичем: «Долгожданное издание с первых же номеров стало увлекаться дидактикой, а потом и вовсе ограничилось сугубо образовательными задачами» [3].

Периодичность издания: сначала издавался 4 раза в год, а с июля 2003 г. – ежемесячно. Журнал содержит разноплановые публикации по истории Беларуси: материалы по политической, экономической, аграрной, военной, исповедальной истории, истории политических партий и движений, по проблемам политической и общественной жизни, вопросам экологии, исторической информатики и др. Василий Федорович Кушнер в своем первом обращении писал, что, тяжелый путь создания, журнал прошел и необходимость осветления многих вопросов с позиции национального возрождения стала возможна благодаря образованию национального исторического журнала [9, с. 5]. Журнал «Беларускі гістарычны часопіс», основывающийся на его структурно-содержательной составляющей, несомненно можно отнести к исторической периодике Беларуси. Здесь органично сочетаются научные и научно-методические материалы по истории Беларуси и всеобщей истории.

Значительным событием стал историко-публицистический иллюстрированный журнал «Беларуская мінуўшчына», который издавался в Республике Беларусь с мая 1993 г. на белорусском языке с периодичностью 4–6 номеров в год [11, с. 53]. Главным редактором был О. А. Лойко. Основная цель издания – популяризация исторических знаний, оказание помощи учеными краеведам в научных разработках проблем истории Беларуси. Редакция журнала рассматривала целью не только освещение истории Беларуси и популяризацию архивного и музейного дела, но и содействие реабилитации белорусского языка, возвращению культурных и духовных ценностей белорусского народа, рассказ о творчестве и жизни белорусских ученых [11]. На страницах журнала историки широко дискутировали и проводили обмен мнениями по наиболее актуальным и спорным вопросам отечественной истории. Публикации в журнале подразделялись по тематическим рубрикам. Основными из них были «Роздум», «Дзяржава», «Звіцязтва» (военная история), «Архівы», «Музеі», «Этнаграфія», «Пяроспар» (дискуссии), «Беларусіка» [8, с. 414]. В 1993, 1995, 1996, 1997 гг. вышли все шесть номеров

журнала. В 1994 г. были опубликованы четыре номера журнала. В 1998 г. издан один номер данного журнала. За пять лет существования в журнале «Беларуская мінуўшчына» было опубликовано 60 научно-исторических статей. В 1998 г. решением собрания учредителей, в состав которых вошли Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (с 18 ноября 2002 г. стал единственным учредителем журнала), Институт истории НАН Республики Беларусь и Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД), издание получило новый статус. Одновременно был утвержден Устав редакции. 19 мая 1998 г. и журнал зарегистрирован Министерством информации Республики Беларусь как средство массовой информации.

С 1999 г. журнал «Беларуская мінуўшчына» стал выходить под названием «Архівы і справаводства». Это научно-практическое, иллюстрированное издание, освещающее вопросы делопроизводства, архивного хранения документов, электронного документооборота, документационного обеспечения управления [12]. Первый номер журнала был подписан в печать 5 марта 1999 г.; 7 декабря 2000 г. учреждение «Редакция журнала “Архівы і справаводства”» зарегистрировано в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как некоммерческая организация. Языки изложения материалов русский и белорусский. Периодичность выхода журнала 6 раз в год. С 2006 г. журнал «Архівы і справаводства» – официальный печатный орган Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. Вклад научно-практического журнала «Архівы і справаводства» в развитие исторической науки Республики Беларусь состоит в том, что здесь печатается значительная часть материалов по источниковедению, археографии, геральдике.

В 1997 г. был основан белорусскоязычный ежеквартальный научно-методический журнал «Гісторыя: праблемы выкладання», направленный на совершенствование профессиональной образовательной деятельности педагогов [13, с. 3]. Журнал был рассчитан на учителей-историков. Тематика журнала связана с вопросами преподавания истории. Публикуемые на его страницах научно-методические материалы способствовали повышению качества преподавания истории, совершенствованию образовательной и воспитательной деятельности педагогов страны, их профессиональному развитию. В журнале размещались нормативные документы Министерства образования Республики Беларусь, касающиеся преподавания исто-

рии, календарно-тематическое планирование по истории, программы факультативных занятий и материалы для проведения школьных олимпиад. Главное направление деятельности журнала – публикация лучших методических разработок уроков истории. Читатели журнала имели возможность также ознакомиться с научными исследованиями по истории, с краеведческими материалами и биографиями знаменитых уроженцев Беларуси. В журнале публиковались исследования из области мировой и национальной истории, методологии исторической науки, печатался обзор новых учебников и материалов по проверке учебных заданий. Главным редактором журнала «Гісторыя: праблемы выкладання» стал Н. И. Миницкий. Он же возглавил редакцию нового научно-методического журнала «Гісторыя і грамадазнаўства» [14, с. 52]. С июля 2011 г. в результате объединения двух журналов «Гісторыя: праблемы выкладання» и «Чалавек. Грамадства. Свет» (научно-методический журнал, издавался с 1995 г.) стал выходить журнал «Гісторыя і грамадазнаўства». Учредителем и издателем всех трех журналов были РУП «Издательство “Адукацыя і выхаванне”» и Министерство образования Республики Беларусь. Научно-методический журнал «Гісторыя і грамадазнаўства» издается с 2011 г. Периодичность издания – 12 раз в год. Журнал продолжает сохранять традиции и преемственность предшествующих изданий. Основные рубрики: «Змест гуманітарнай адукацыі», «Арганізацыя адукацыйнага працэсу», «Навука – адукацыя», «Пазакласная работа», «Метадычныя парады маладому настаўніку», «Рэцэнзіі» и др. [14, с. 2]. Акцент делается на методические материалы по вопросам преподавания истории и обществоведения, лучшие разработки уроков. Статьи публикуются на белорусском и русском языках. Целевая аудитория: учителя и преподаватели истории и обществоведения, методисты, студенты, преподаватели высших учебных заведений и аспиранты. Публикуемые материалы в научно-методическом журнале «Гісторыя і грамадазнаўства» свидетельствуют о его профессиональной направленности, помогающей преподавателям истории обогащать свои профессиональные компетенции, идти в ногу с новыми формами и методами работы, способствующими лучшему усвоению исторических знаний. Надо помнить о том, что практическая часть может быть качественно организована при наличии крепкой теоретической основы, которая в данном журнале представлена недостаточно.

Вывод. Ценность исторической периодики Беларуси заключается в опубликовании наибольшего количества научных статей

по исторической тематике. Содержание журналов в значительной степени показывает основные тенденции развития белорусской исторической науки. По структуре содержания журналы характеризуются общим принципом деления тем в зависимости от редакционного портфеля; периодичностью печати; разноплановым содержанием публикаций; схожестью учредителей изданий. Вместе с тем исторические журналы имеют и отличительные характеристики: практико-ориентированность (науч-

но-теоретические и научно-методические издания); различие в тематических рубриках; глубина теоретического изучения и осмысления исторического материала. Несомненно, что все виды исторических научных журналов формируют единое коммуникативное профессиональное пространство, способствующее как развитию теоретических исследований, так и совершенствованию практических подходов к изучению и преподаванию исторических дисциплин.

Список литературы

1. Карев Д. В. Изучение истории Беларуси в историографии 90-х годов XX – начала XXI века (Основные проблемы и тенденции изучения истории феодальной Беларуси, белорусской историографии и источниковедения) // Вестник Полоцкого государственного университета. 2012. № 9. С. 6–15.
2. Токть С. Обзор белорусской исторической периодики // Pawet. URL: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/tokc_o/Токть_Сергей._Обзор_белорусской_исторической_периодики.html (дата обращения: 15.01.2021).
3. Сагановіч Г. Дзесяць гадоў беларускай гістарыяграфіі (1991–2000) // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8, сш. 1–2 (14–15). С. 215–229.
4. Фролов И. А. Становление научной исторической периодики в Республике Беларусь (1991–2014 гг.) // Вестник МГИРО. История. 2016. № 3 (26). С. 51–55.
5. Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1927. Вып. 1. 295 с.
6. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] Мінск: БелЭн, 2002. Т. 15: Следавікі – Трыа. 552 с.
7. Спадчына. Менск, 1989. Вып. 1. 128 с.
8. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] Мінск: БелЭн, 1996. Т. 2: Аршыца – Беларусцы. 480 с.
9. Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 8. 72 с.
10. Чэмер М. «БГЧ» як люстэрка айчынай гістарычнай навукі і адукацыі // Настаўніцкая газета. 2013. 18 красавіка.
11. Ведаць гісторыю – бачыць будучыню // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 1. С. 3–4.
12. Архівы і справаводства. 1999. № 1. 127 с.
13. Гісторыя: праблемы выкладання. 1997. № 1. 64 с.
14. Гісторыя і грамадства. 2019. № 3. 68 с.

References

1. Karev D. V. The study of the history of Belarus in the historiography of the 90s of the XX–beginning of the XXI century (The main problems and trends in the study of the history of feudal Belarus, the Belarusian history of the history of history and source studies). *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Polotsk State University], 2012, no. 9, pp. 6–15 (In Russian).
2. Tokt S. Review of the Belarusian historical periodicals. *Pawet*. Available at: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/tokc_o/Current_Sergei._Обзор_белорусской_исторической_периодики.html (accessed 15.01.2021) (In Russian).
3. Saganovich G. Ten years of Belarusian historiography (1991–2000). *Belaruski gistarychny aglyad* [Belarusian historical review], 2001, vol. 8, pp. 215–229 (In Belarusian).
4. Frolov I. A. The formation of scientific historical periodicals in the Republic of Belarus (1991 – 2014). *Vestnik MGIRO. Istoriya* [Bulletin of MGIRO. History], 2016, no. 3 (26), pp. 51–55 (In Russian).
5. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical and archaeological collection], issue 1. Minsk, 1927, 295 p. (In Belarusian).
6. *Belaruskaya entsiklapedyya: u 18 t.* [The Belarusian Encyclopedia: in 18 vol.]. Ed. by G. P. Pashkov. Minsk, BelEn Publ., 2002, vol. 15. 552 p. (In Belarusian).
7. *Spadchyna* [Legacy], 1989, issue 1. 128 p. (In Belarusian).
8. *Belaruskaya entsiklapedyya: u 18 t.* [The Belarusian Encyclopedia: in 18 vol.]. Ed. by G. P. Pashkov. Minsk, BelEn Publ., 1996, vol. 2. 480 p. (In Belarusian).
9. *Belaruski histarychny chasopis* [Belarusian historical journal], 2020, no. 8. 72 p. (In Belarusian).

10. Chemer M. “BGCH” as a mirror of native historical science and education. *Uchitel'skaya gazeta* [Teachers' newspaper], 18 April 2003 (In Belarusian).

11. To know history — to see the future. *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian past], 1993, no. 1, pp. 3–4 (In Belarusian).

12. *Arkhivy spravavodstva* [Archives and records management], 1999, no 1. 127 p. (In Belarusian).

13. *Gistoryya: prablemy vykladannya* [History: problems of teaching], 1997, no. 1. 64 p. (In Belarusian).

14. *Gistoryya i gramadaznaustva* [History and Social studies], 2019, no. 3. 68 p. (In Belarusian).

Информация об авторе

Рышкевич Оксана Ивановна – аспирант Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; учитель истории и обществоведения ГУО «Средняя школа № 32 им. Т. Г. Ларионовой г. Гродно» (230021, г. Гродно, ул. Лиможа 15/1-3, Республика Беларусь). E-mail: oksana-ryshkevich@rambler.ru

Information about the author

Oksana Ryshkevich – PhD student, Yanka Kupala Grodno State University; teacher of History and Social Science of State Educational Establishment “Secondary School No. 32 named after T. G. Larionova Grodno” (15/1-3 Limoges str., Grodno, 230021, Republic of Belarus). E-mail: oksana-ryshkevich@rambler.ru

Поступила 15.03.2022

УДК 327(510:479.22) (091) «2013/2022»(043.3)

Лань Пэнхэ

Белорусский государственный университет

**СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И ГРУЗИЕЙ
В ГУМАНИТАРНОЙ ОБЛАСТИ (2013–2022 ГГ.)**

В статье анализируются китайско-грузинские гуманитарные связи в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь». Пекин и Тбилиси осуществляют обмены и сотрудничество в области образования, культуры, науки и техники, здравоохранения, средств массовой информации и других аспектов гуманитарной сферы. Автор подчеркивает, что новый импульс взаимодействию был дан в марте 2015 года, когда стороны подписали Меморандум об укреплении сотрудничества в совместном строительстве «Экономического пояса Шелкового пути». КНР и Грузия развивают отношения, основанные на равенстве, доверии, взаимопомощи, совместном процветании.

Выделены принципы, институты, механизмы, направления и формы сотрудничества, указаны трудности и вызовы, с которыми сталкиваются китайско-грузинские гуманитарные обмены, выдвигаются целевые предложения по их дальнейшему всестороннему продвижению.

Ключевые слова: Китай, Грузия, дипломатия, стратегия «Один пояс, один путь», гуманитарные обмены, культурное сотрудничество.

Для цитирования: Лань Пэнхэ. Сотрудничество между Китаем и Грузией в гуманитарной области (2013–2022 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 79–89.

Lan Penghe

Belarusian State University

**COOPERATION BETWEEN CHINA AND GEORGIA IN THE HUMANITARIAN
FIELD (2013–2022)**

The article analyzes Chinese-Georgian humanitarian ties in the context of the implementation of the “Belt and Road Initiative”; Beijing and Tbilisi carry out exchanges and cooperation in the fields of education, culture, science and technology, healthcare, mass media and other aspects of the humanitarian sphere. The author emphasizes that a new impetus to cooperation was given in March 2015, when the parties signed a Memorandum on strengthening cooperation in the joint construction of the Silk Road Economic Belt. China and Georgia are developing relations based on equality, trust, mutual assistance, and joint prosperity.

Principles, institutions, mechanisms, directions and forms of cooperation are highlighted, difficulties and challenges faced by Chinese-Georgian humanitarian exchanges are indicated, targeted proposals for their further comprehensive promotion are put forward.

Keywords: China; Georgia; diplomacy; Belt and Road strategy; humanitarian exchanges; cultural cooperation.

For citation: Lan Penghe. Cooperation between China and Georgia in the humanitarian field (2013–2022). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 79–89 (In Russian).

Введение. Инициатива «Один пояс, один путь» (2013 год) является крупным дипломатическим новшеством китайского правительства. Она наследует дух древнего Шелкового пути и соответствует новой тенденции мира, развития, сотрудничества и взаимовыгодного развития, демонстрируя общие идеалы и прекрасные устремления человеческого общества. Реализация инициативы стимулирует гуманитарные обмены между Китаем и Грузией. Являясь одним из пяти столпов строительства инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), гуманитарные обмены играют важную роль в продвижении Китаем ОПОП и укрепляют основу

для углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Цель исследования – анализ китайско-грузинского сотрудничества в гуманитарной сфере в ходе реализации стратегии «Один пояс, один путь». **Объект исследования** – внешняя политика и дипломатия КНР. **Предмет исследования** – гуманитарное сотрудничество Китая и Грузии в 2014–2022 гг. **Методы исследования** – нарративный, институциональный, структурно-функциональный, анализ документов. Основными источниками исследования послужили документы правительств Китая и Грузии, а также публикации СМИ

(газеты «Жэньминь жибао», «China Daily», информационное агентство «Синьхуа»).

Основная часть. В документе «Перспективы и действия по совместной реализации инициатив и Морской Шелковый путь XXI века», были выдвинуты в качестве основных задач «сопряжение политических установок, соединение транспортных магистралей, расширение торговли и инвестиций и сближение народов». С момента реализации инициативы «Один пояс, один путь» двусторонние отношения между Китаем и Грузией быстро развивались, и при решении этих пяти задач были достигнуты большие успехи. Это заложило хорошую основу для будущего двустороннего сотрудничества [1].

«Один пояс, один путь» – это не только программа экономического развития, это в большей мере проект единения людей. Единение людей является главной идеей инициативы «Один пояс, один путь», направленной на укрепление дружбы, углубление взаимопонимания, повышение экономического и политического сотрудничества между государствами. Таким образом, единение людей – это одновременно и средство, и цель. Это гарантия успешной реализации концепции «Один пояс, один путь» и в то же время направление работы по ее реализации. Когда культурное сотрудничество станет мостом коммуникации, а единение людей будет его живой силой, лишь тогда возникнут дружба и взаимопонимание, появится общность интересов, общность обязательств, «сообщество с единой судьбой». Только это позволит поднять развитие межрегионального сотрудничества на более высокий уровень [2, с. 1].

В мае 2015 г. правительство Грузии опубликовало план развития «Сильная, демократическая и единая Грузия», подчеркнув особую роль Грузии как моста в строительстве «Экономического пояса Шелкового пути», полагая, что Экономический пояс Шелкового пути способствует содействию торгово-экономическим связям между ЕС и Азией [3]. В ноябре 2016 г. правительство Грузии опубликовало программу «Свобода, быстрое развитие и процветание (2016–2020 гг.)». Согласно документу, официальные лица Грузии считают, что сотрудничество между Европой и Азией через Шелковый путь имеет большое значение, а сотрудничество с восточными странами в сферах экономики, торговли, транспорта и энергетики приносит Грузии большую пользу [4]. Позитивный настрой Грузии подтвержден в виде государственной программы. Это заложило хорошую основу для сотрудничества и обменов в гуманитарной области между Китаем и Грузией.

Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что дружба между странами заключается в

близости народов, а близость народов – в близости сердец. Именно такое единство двух народов является самой важной целью культурного сотрудничества между странами, если между ними нет близости, в лучшем случае может быть сформировано «сообщество интересов». Только на основании близости народов и сердец становится возможным создание «сообщества единой судьбы», основанное на равенстве, доверии, взаимопомощи, совместном процветании и многовековой дружбе [5, с. 176].

Народная дипломатия и гуманитарные обмены превращаются в важное дополнение к международной стратегии Китая в новую эпоху: «отношения между государствами зависят от дружбы между народами». Китай всегда придавал большое значение гуманитарным обменам, в истории дипломатии нового Китая они играли важную роль. Однако с XVIII съезда КПК гуманитарные обмены и народная дипломатия были подняты на общую, стратегическую высоту китайской международной стратегии. С точки зрения позиционирования гуманитарные обмены в сочетании с торгово-экономическими интересами и стратегическим сотрудничеством как три ноги треножника, которые вместе поддерживают общие рамки державной дипломатии Китая в новую эпоху. На практике народная дипломатия и гуманитарный обмен впервые связали руководство правительства с участием народа. Объединив силы в разных областях, таких как культура, образование, спорт, искусство, здравоохранение, молодежная политика, а также силы, направленные на решение женских вопросов и региональных проблем, сформированы новые силы и источник импульса китайской дипломатии в новую эпоху, которые станут полезным дополнением к политическим, экономическим отношениям и отношениям в сфере безопасности, а также сделают китайскую державную дипломатию в новую эпоху более гармоничной [6, с. 93].

Двусторонние гуманитарные обмены и сотрудничество разделены на две формы: официальные и народные, в зависимости от различных действующих лиц. Официальные гуманистические обмены и сотрудничество преобладают, осуществляются правительством в рамках формальных гуманистических проектов обмена между правительствами. Народные гуманистические обмены и сотрудничество – это своего рода народное поведение, международные неправительственные отношения, отличающиеся от официальной дипломатии. Говоря доступными словами, это дипломатия по созданию дружеских отношений, также именуемая дипломатией от народа к народу (People to People Diplomacy). Цель народной дипломатии – доверие и понимание между народами. Народная

дипломатия уделяет большое внимание взаимным обменам, подчеркивает дружбу во взаимодействии, стоящую выше реальных политических или экономических интересов, это важный канал для содействия взаимным контактам и пониманию между разными странами, ее важная роль становится все более заметной на фоне глобализации [7, с. 166].

Сближение народов является гуманитарной основой совместного строительства «Одного пояса, одного пути». За прошедшие 9 с лишним лет страны провели множество разных мероприятий в сфере общественной дипломатии и культурных обменов, укрепили взаимопонимание и взаимное признание, что заложило прочную основу для формирования доверия со стороны общественного мнения в вопросах совместного строительства «Одного пояса, одного пути» [8].

В статье исследуются обмены между двумя странами в гуманитарной области в течение этого периода на двух этапах – начальная стадия (2014–2017) и стадия дальнейшего развития (2018–2022), а также на двух уровнях – официальной и народной дипломатии.

Официальные гуманистические обмены и сотрудничество. 24 сентября 2013 г. Посол Китая в Грузии Юэ Бинь встретился в посольстве с Лю Гуанвэнем, председателем Китайско-грузинского культурного центра «Шелковый путь» [9]. Эта встреча способствовала продвижению китайского языка и китайской культуры в Грузии, что имеет важное значение для укрепления взаимопонимания между двумя народами и наследования традиционной дружбы между Китаем и Грузией.

21 сентября 2014 г. посол Китая в Грузии Юэ Бинь принял участие в церемонии открытия серии передач «Год дружбы Китая и Грузии», организованной совместно посольством и Общественным телевидением Грузии. Это предоставило грузинам новую платформу для знакомства с историей, культурой и современным развитием Китая. 10 октября 2014 г. посол Китая в Грузии Юэ Бинь и заместитель министра иностранных дел Грузии Давид Джалагония подписали в Тбилиси «Протокол о китайско-грузинском соглашении о сотрудничестве в области образования» [10]. Согласно документу, Китай и Грузия значительно увеличат количество взаимных стипендий для студентов, обучающихся за рубежом.

За месяц до этого события Пан Юнхэ, исполнительный вице-президент Китайской инженерной академии, встретился в Тбилиси с Вахтангом Абашидзе, председателем Национальной комиссии по *коммуникациям* Грузии. Обе стороны обсудили сотрудничество в этой сфере

[11]. 11 сентября 2015 г. премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили во главе делегации посетил Университет международного бизнеса и экономики и выступил с программной речью на тему «Развитие партнерства Шелкового пути – сотрудничество Грузии и Китая и долгосрочные перспективы», и был удостоен звания «Почетный профессор Университета международного бизнеса и экономики» [12]. Премьер-министр подробно остановился на истории развития дружественных отношений между Грузией и Китаем, полностью подтвердил стратегическое видение Президента Си «Один пояс, один путь» и подчеркнул, что Грузию можно использовать в качестве моста, соединяющего Евразию с ее географическими преимуществами, постоянно укреплять строительство инфраструктуры, углублять грузино-китайское партнерство, расширять развитие торговли и инвестиций и содействовать миру во всем мире.

3 ноября 2015 года министр культуры Китая Ло Шуган встретился в Пекине с министром культуры и охраны памятников Грузии Михаилом Гиоргадзе, стороны обменялись мнениями о дальнейшем укреплении культурных обменов и сотрудничества между двумя странами. Стороны совместно подписали «Протокол о культурном сотрудничестве на 2016–2019 гг. между Министерством культуры Китайской Народной Республики и Министерством культуры и охраны наследия Грузии» [13].

5 ноября 2018 г. в Шанхае прошла первая Китайская международная выставка импортных товаров, которая является первой в мире выставкой национального уровня с темой импорта. Премьер-министр Грузии Мамука Бахтадзе посетил выставку и высоко оценил сотрудничество. Он сказал, что выставка только позволила Грузии продемонстрировать миру свои товары и услуги, но и стала важной платформой и возможностью для грузинских предприятий экспортировать в Китай превосходную продукцию [14].

15 февраля 2019 г. посол Китая в Грузии Джи Янчи встретился с министром образования, науки, культуры и спорта Грузии Михаилом Батиашвили, стороны подписали «Меморандум о взаимопонимании по содействию преподаванию китайского языка». Стороны обменялись мнениями по вопросам образования, науки и техники, а также культурного обмена между двумя странами [15]. 16 февраля 2019 года правительство Грузии включило преподавание китайского языка в национальную систему образования и официально присвоило юридический статус китайскому языку как второму иностранному [16, с. 113]. Это способствовало высококачественному развитию международного китайского образования.

В апреле 2019 г. грузинская делегация во главе с вице-премьером, министром регионального развития и инфраструктуры Грузии Майей Цкитишвили приняла участие в *Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках проекта «Один пояс, один путь»*, проходившем в Пекине [17]. Во время форума была создана Группа культурных организаций в составе Комитета по сотрудничеству Международного аналитического центра «Один пояс, один путь», Альянса по сотрудничеству СМИ «Один пояс, один путь», Международного музейного альянса Шелкового пути и Международного альянса художественных музеев Шелкового пути, чтобы повысить эффективность культурного взаимодействия.

23 октября 2019 г. в Тбилиси состоялся третий (после 2015 и 2017 гг.) *международный форум «Тбилисский Шелковый путь»*. Премьер Грузии Георгий Гахария высоко оценил инициативу Китая «Один пояс, один путь» и дал понять, что правительство Грузии решительно поддерживает эту инициативу. Форум собрал около 2000 участников, включая политических лидеров, экспертов, представителей международных организаций и бизнеса, для изучения факторов, которые определяют региональную и глобальную торговлю. В ходе форума был проведен ряд семинаров, в том числе «Потенциал Нового Шелкового пути для возможностей туризма», «Совместное строительство «Одного пояса, одного пути» для достижения целей устойчивого развития» и т. д. Среди участников Форума находились Ли Хуэй (специальный посланник Правительства КНР в Евразийском регионе), Мин Ли (директор департамента «Умный город» Китайского центра городского развития, Национальная комиссия по развитию и реформам), Нино Енукидзе (ректор Университета бизнеса и технологий), Тамара Сулухия (директор Института политики, Международная школа экономики Тбилисского государственного университета) [18]. Устранение существующих препятствий для сотрудничества и согласование путей их преодоления посредством диалога, исследований, инициатив и совместных проектов стали важным результатом и успехом мероприятия.

4 ноября 2020 г. в Шанхае открылась третья Китайская международная выставка импортных товаров. Министр экономики и устойчивого развития Грузии Натия Тернава заявила, что эпидемия COVID-19 принесла миру вызовы, и на этом фоне проведение СШЕ имеет решающее значение для развития мировой экономики, в том числе и Грузии. И в 2019 г. во второй выставке приняли участие 33 грузинские компании, это сыграло большую роль в продвижении и про-

дажах грузинской продукции, что не только повысило популярность Грузии, но и увеличило экспорт ее продукции на китайский рынок [19].

16 августа 2021 г. в Пекине заместитель министра культуры и туризма Китая Чжан Сюй и посол Грузии в Китае Арчил Каландия подписали Протокол о культурном сотрудничестве между Министерством культуры и туризма Китайской Народной Республики и Министерством культуры, спорта и молодежи Грузии на 2021–2025 гг. [20]. Стороны заявили, что будут продолжать углублять культурные и туристические обмены и сотрудничество между Китаем и Грузией в рамках «Одного пояса, одного пути». 21 июня 2022 г. посол Грузии Арчил Каландия встретился с Лю Ли, ректором Пекинского университета языка и культуры. В ходе встречи стороны обсудили двустороннее сотрудничество, в том числе установление прямых контактов с соответствующими вузами Грузии и возможность создания исследовательского центра на базе Пекинского университета языка и культуры [21].

За 30 лет, прошедших с момента установления дипломатических отношений, две страны придавали большое значение развитию обменов и сотрудничества между регионами. Межрегиональное сотрудничество также стало важным каналом для двух народов, позволяющим им учиться друг у друга, наследовать и развивать традиционную дружбу, а также содействовать общему развитию. С момента реализации стратегии «Один пояс, один путь», с непрерывным углублением и развитием отношений между двумя странами местное сотрудничество между двумя странами быстро развивалось.

Первоначально была сформирована модель сотрудничества на высоком уровне, в разных областях, которая стала основанием всестороннего дружественного партнерства между Китаем и Грузией. Число дружественных провинций и городов между двумя странами постоянно увеличивается (Далянь – Аджария, Урумчи – Батуми, Куйтун – Тевила, Сиань – Кутаиси, Наньчан – Кутаиси, Санья – Батуми, Сычуань – Тбилиси, Цзинань – Кутаиси, Цзыбо – Кутаиси). Частые обмены и тесное сотрудничество между дружественными городами сформировали более зрелый и совершенный механизм местного сотрудничества, который стал важным ресурсом для местного сотрудничества между двумя странами и эффективно способствовал обмену и сотрудничеству во многих областях, таких как экономика и гуманитарные науки.

Народные гуманистические обмены и сотрудничество. 29 марта 2013 г. в Грузии состоялась встреча по обмену боевыми искусствами

между Китаем и Грузией. В июне 2013 г. в Тбилиси состоялась церемония презентации антологии «Китай глазами Грузии». Этот обмен помогает укрепить понимание Грузией китайской культуры и укрепить традиционную дружбу между двумя странами [22, с. 116].

9 сентября 2013 г. в музее бывшей резиденции Чафчавадзе в Зенандали (Грузия) состоялась церемония открытия «Диалога о терракотовых воинах и лошадях – гастрольная выставка работ скульпторов Европейского Союза и Китая». Эта гастрольная выставка оказывает положительное влияние на расширение обмена между восточной и западной культурами и способствует укреплению взаимопонимания и дружбы между двумя сторонами посредством безмолвного языка искусства [23].

11 октября 2013 г. в Тбилиси состоялось первое выступление Китайской акробатической труппы провинции Хэбэй. Это представление продемонстрировало превосходное искусство китайской акробатики и бесконечное очарование китайской культурой. В то же время оно сыграло роль моста для культурных обменов между Китаем и Грузией [24].

15 марта 2014 г. китайская художественная труппа инвалидов поставила масштабное музыкально-танцевальное представление «Моя мечта» в театре Грибоедова Тбилиси. Этот визит внес позитивный вклад в культурные обмены между Грузией и Китаем и дальнейшее развитие сотрудничества в различных областях, и для всех слоев общества в Грузии имеет большое значение уделять больше внимания делу людей с ограниченными возможностями. В июле того же года Грузию посетил Ву Чанцзян, заместитель председателя Китайской ассоциации художников. В октябре в Грузии состоялась литературно-художественная вечеринка «Культурный Китай – очаровательный Синьцзян». В 2014 г. грузинский фильм «Счастье по ту сторону» принял участие в Первом международном кинофестивале «Сианьский Шелковый путь» и получил награды. Развитие этих мероприятий обогатило форму и содержание культурных обменов между двумя странами. 20 августа 2014 г. пресс-группа «Тысячи миль шелкового пути», состоящая из репортеров более чем десяти крупных китайских СМИ, таких как Информационное агентство Синьхуа, CCTV, Международное радио, Guangming Daily, Phoenix TV и другие, посетила Грузию. Медиагруппа «Тысячи миль Шелкового пути» представила Грузию большому количеству китайской аудитории. Благодаря углубленному сотрудничеству с грузинскими медиаорганизациями это мероприятие может не только создать ряд программ и меро-

приятий с международным влиянием, но и вследствие реализации конкретных проектов, таких как диалоговые мероприятия, развлекательные программы и самостоятельные мероприятия, продемонстрирует новую атмосферу политического общения, плавной торговли, денежное обращение, дорожное сообщение и общение между людьми на Великом Шелковом пути. 26 августа 2014 г. в городе Яньтай в Китае был создан Китайско-грузинский международный центр передачи технологий. Этот центр появился совместно с Российско-китайским центром сотрудничества и Академией наук Грузии. Это также первая платформа международного технического сотрудничества, созданная в Китае между двумя странами [25, с. 123].

Посол Китая в Грузии Юэ Бинь присутствовал на церемонии презентации издания «Практического учебника китайского языка» грузинской версии. Издание этой книги станет хорошим подспорьем для студентов из Грузии в изучении китайского языка и понимании китайской культуры, а также сыграет активную роль в содействии развитию преподавания китайского языка в Грузии [26].

31 марта 2016 г. Шань Цзисян, директор Дворцового музея в Пекине, прочитал культурную лекцию на тему «Мир Запретного города, Запретный город мира» в Институте Конфуция при Свободном университете Тбилиси. Эта лекция позволила грузинскому народу глубже понять китайскую традиционную культуру и искусство, а также способствовала двустороннему культурному обмену [27].

Основанный в марте 2017 г. Исследовательский центр Грузии Ланьчжоуского университета является первым профессиональным академическим учреждением в Китае, специализирующимся на проблемах Грузии. В июне 2017 г. исследовательский центр был включен в список рекордных национальных и региональных исследовательских центров Министерства образования Китая. Центр предоставляет интеллектуальную поддержку и консультации по принятию решений для национальной инициативы «Один пояс, один путь», уделяя особое внимание развитию китайско-грузинских отношений, внешней, экономической политике и ситуации в Грузии, культуре и образованию национальной личности страны и т. д., а также способствовал обмену и взаимодействию между двумя государствами в вышеупомянутых областях [28].

22 апреля 2018 г. грузинский фильм «Испуганная мама» получил приз за лучший фильм на 8-м Пекинском международном кинофестивале. В 2018 г. Пекинский университет языка и культуры открыл специальность грузинского языка [29, с. 192].

27 марта 2019 г. профессор Чжан Тъежу, ректор Шаньдунского технологического университета, и профессор Лан Юбинь, декан Школы сельскохозяйственной инженерии и пищевых наук, были избраны иностранными академиками Национальной академии наук Грузии. Это первый случай, когда китайский ученый был избран иностранным академиком Национальной академии наук Грузии. Научно-исследовательские институты двух стран будут осуществлять всестороннее и углубленное сотрудничество, изучать новый путь содействия преобразованию и модернизации сельского хозяйства посредством научно-технических инноваций и создавать основу для сельскохозяйственного сотрудничества и развития концепции «Один пояс, один путь» [30].

18 июня 2019 г. в Грузию с обменным визитом отправилась делегация Института общественного здравоохранения Пекинского университета. Ректор Тбилисского государственного университета Грузии Джордж Шарвашидзе и заместитель декана факультета общественного здравоохранения Пекинского университета Ван Чжифэн подписали меморандум о взаимопонимании о стратегическом партнерстве от имени двух учебных заведений [31]. Подписание меморандума предоставило преподавателям и студентам обеих сторон возможности углубленного обучения и будет способствовать обмену в сфере высшего образования между двумя странами.

15 октября 2019 г. состоялась церемония запуска Китайского исследовательского центра (Китайская академия социальных наук – Технологический университет Грузии) и семинар на тему «Китай и Грузия: совместное построение качественного развития «Один пояс, один путь»» в Тбилиси. В мероприятии приняли участие директор Бюро международного сотрудничества Китайской академии общественных наук Ван Лэй, посол Китая в Грузии Ли Янь и председатель Совета Технического университета Грузии Джемал Гахокидзе [32]. Создание этого исследовательского центра предоставило Грузии коммуникационную платформу для углубления понимания и изучения Китая, а также делает исследования Грузии в Китае более глубокими.

Культурные обмены между Китаем и Грузией были еще более усилены в 2019 г. 7 декабря 2019 г. в честь празднования 70-летия образования Китайской Народной Республики в Национальном музее Грузии состоялось официальное открытие выставки китайских коллекций. Специальная выставка китайских коллекций прошла в Грузии впервые [33].

Центральное управление радио и телевидения транслировало грузинскую программу «Родина – страна грез», которая помогла китайскому народу

еще больше углубить свое понимание Грузии. Грузинская национальная этническая труппа песни и танца «Элисиони» провела турне по Китаю и выступила на Гала-концерте фестиваля в середине осени 2019 г. Грузинский фильм «Между вдохами» получил две награды на 22-м Шанхайском международном кинофестивале. 21 декабря 2019 г. в Тбилиси был создан Институт Конфуция при Открытом университете Грузии, второй Институт Конфуция, созданный в Грузии [34, с. 113].

17 июля 2021 г. в Грузии прошел онлайн-финал 20-го конкурса на знание китайского языка «Мост китайского языка» для иностранных студентов колледжей, на котором выступил посол Ли Янь. Конкурс проводится ежегодно в Грузии с 2010 г. [35].

Наконец, противоэпидемическое сотрудничество между двумя сторонами достигло замечательных результатов. После вспышки эпидемии в Грузии Китай трижды организовывал видеообмен между врачами и экспертами в области здравоохранения из двух стран, чтобы помочь Грузии с рядом срочно необходимых предметов медицинского назначения. Китай предоставил Грузии помощь в приобретении товаров в Китае и возвращении граждан Грузии. TV24, ведущая телекомпания Грузии, транслировала «Войну Китая с эпидемией» в прайм-тайм, призывая народ Грузии в целом признать и положительно оценить противоэпидемические усилия Китая [36, с. 111].

Закключение. За годы реализации инициативы «Один пояс, один путь» Китай энергично продвигал дух шелкового пути, развивал гуманитарные обмены и сотрудничество с Грузией. Обе стороны содействовали развитию связей в области образования, культуры, спорта, средств массовой информации, туризма и т. д., чтобы реализовывать многоуровневые обмены между социальными субъектами, повысить взаимопонимание и взаимное доверие. Это способствовало синергии политических партий, общественных организаций, аналитических центров, молодежи и женщин, межрегиональных обменов и сотрудничества между двумя странами и создавало благоприятную ситуацию одновременного прогресса официальной и народной дипломатии.

На протяжении 2013–2014 гг. сотрудничество в гуманитарной области между Китаем и Грузией развивалось динамично и результативно. Автор выделяет два этапа: начальный (2013–2017) и дальнейшего развития (2018–2022), а также два уровня: официальные и народные обмены. На первом этапе основное внимание уделялось проектированию и созданию политических механизмов взаимодействия, а на втором – реализации проектов строительства ОПОП.

Автор считает необходимым выделить проблемы и вызовы в гуманитарной сфере взаимодействия.

Во-первых, с ростом экономической мощи Китая и улучшением его международного статуса некоторые авторитетные международные акторы высказывают обеспокоенность, сомнения и недопонимание по поводу активности Китая (напр. ЕС и США), что создает определенные ограничения для развития гуманитарных обменов между Китаем и Грузией. Необходимо усилить политическую пропаганду и консультации для укрепления взаимного доверия.

Во-вторых, время от времени происходят региональные конфликты, наблюдается турбулентность, возникают угрозы безопасности, что оказывает негативное влияние на сотрудничество между двумя странами. Необходимо проявлять осторожность, чтобы максимально избежать связанных с этим рисков.

В-третьих, хотя двусторонние культурные обмены и сотрудничество развивались с момента запуска инициативы «Один пояс, один путь» поступательно, общий масштаб обменов мал, а частота их проведения низка (например, по сравнению с китайско-белорусским гуманитарным сотрудничеством). Двум государствам следует расширить масштабы и увеличить частоту обменов.

В-четвертых, китайско-грузинским культурным обменам и сотрудничеству не хватает надежного и эффективного единого механизма сотрудничества или системы (такого, как Китайско-Российский комитет по гуманитарному сотрудничеству).

Пекин и Тбилиси должны трезво взглянуть на достигнутые успехи и существующие проблемы, содействовать дальнейшему развитию и разнообразию гуманитарных связей и сотрудничества между двумя странами. По прогнозу автора, китайско-грузинское сотрудничество, в том числе в гуманитарной сфере, имеет благоприятные перспективы.

Список литературы

1. Лу Пинг. Грузия и инициатива Экономического пояса Шелкового пути: отношения, последствия и перспективы // Российский академический журнал. 2015. № 5. С. 75–83 (на кит. яз.).
2. Лю Вэй. Объединить людей – возвести мост дружбы. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017. 50 с. (на рус. яз.).
3. Для сильной, демократической и объединенной Грузии: Правительственная программа // Грузинское правительство. URL: https://www.gov.ge/files/41_50258_481988_Strong,Democratic,UnitedGeorgia1.pdf (дата обращения: 12.07.2022) (на англ. яз.).
4. Правительственная программа «Свобода, быстрое развитие и процветание (2016–2020 гг.)» // Грузинское правительство. URL: https://www.gov.ge/files/41_61087_816118_GoG_Platform_LKF_19_05_2017.pdf (дата обращения: 12.06.2022) (на англ. яз.).
5. Ли Хэ. Годовой доклад о китайско-российских культурных обменах (2018–2019 гг.). Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017. 460 с. (на рус. яз.).
6. Чжан Цинмин. Анализ концепции внешней политики Китая в новую эпоху. Пекин: Китайская межконтинентальная пресса, 2020. 174 с. (на кит. яз.).
7. Чжан Цинмин. Современная китайская дипломатия. Пекин: Китайская межконтинентальная пресса, 2020. 178 с. (на рус. яз.).
8. Укрепляйте гуманистический фундамент и содействуйте общению между людьми // Министерство культуры и туризма Китайской Народной Республики. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201904/t20190428_843108.htm (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).
9. Посол в Грузии Юэ Бинь встретился в посольстве с Лю Гуанвэнем, председателем Китайско-грузинских культурного центра «Шелковый путь» // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/201309/t20130924_1093650.htm (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).
10. Посол Китая в Грузии Юэ Бинь и заместитель министра иностранных дел Грузии Джаргания подписали в Тбилиси «Протокол о китайско-грузинском соглашении о сотрудничестве в области образования» // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201410/t20141011_1093378.htm (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).
11. Пан Юнхэ, вице-президент Китайской инженерной академии, встретился с председателем Национальной комиссии по коммуникациям Грузии // Офис коммерческого советника Посольства Китая в Грузии. URL: <http://ge.mofcom.gov.cn/article/todayheader/201409/20140900739761.shtml> (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).
12. Премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили посетил Университет международного бизнеса и экономики и выступил с программной речью // Университет международного бизнеса и экономики. URL: <http://news.uibe.edu.cn/info/1608/19900.htm> (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).

13. Министр культуры Китая Ло Шуган встретился в Пекине с министром культуры и охраны памятников Грузии Михаилом Гиоргадзе. // Министерство культуры и туризма Китайской Народной Республики. URL: https://mct.gov.cn/whzx/bnsj/dwwhllj/201511/t20151104_773019.htm (дата обращения: 19.06.2022) (на кит. яз.).
14. Видеть китайский рынок и делиться возможностями в Китае // Жэньминь жибао: газета. URL: <http://finance.people.com.cn/GB/n1/2018/1108/c1004-30389768.html> (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).
15. Посол Китая в Грузии Джи Янчи встретился с министром образования, науки, культуры и спорта Грузии Баттиашвили // Посольство Китая. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201902/t20190216_1093513.htm (дата обращения: 15.06.2022) (на кит. яз.).
16. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2020). Пекин: Пресса по мировым делам, 2020. 425 с. (на кит. яз.).
17. Грузинская делегация принимает участие в форуме «Один пояс, один путь» // Спутник-Грузия: Сайт новостей. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20190425/Gruzinskaya-delegatsiya-prinimaet-uchastiya-v-forume-Odin-poyas-odin-put-245050706.html> (дата обращения: 11.07.2022) (на рус. яз.).
18. Тбилисский международный форум «Шелковый путь» горячо обсуждает стыковку с инициативой «Один пояс, один путь» // Синьху: Информационное агентство. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1648259023873271313&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 1.08.2022) (на кит. яз.).
19. Китайская международная импортная выставка имеет решающее значение для развития мировой экономики // Китайское центральное телевидение. URL: <http://news.cctv.com/2020/11/10/ARTI5lxjF9BiN07g8il1gUSp201110.shtml> (дата обращения: 1.08.2022) (на кит. яз.).
20. Заместитель министра культуры и туризма Китая Чжан Сюй встретился в Пекине с посолом Грузии в Китае Карандия // Министерство культуры и туризма Китайской Народной Республики. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202108/t20210817_927185.htm (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).
21. Посол Грузии Каландия встретился с Лю Ли, Ректором Пекинского университета языка и культуры // Посольство Грузии в КНР. URL: <https://weibo.com/n/%E6%A0%BC%E9%B2%81%E5%90%89%E4%BA%9A%E9%A9%BB%E5%8D%8E%E5%A4%A7%E4%BD%BF%E9%A6%86?layerid=4783132819853430> (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).
22. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2014). Пекин: Пресса по мировым делам, 2014. 422 с. (на кит. яз.).
23. Временный поверенный в делах Посольства Дэн Хао в Грузии принял участие в «Диалоге о терракотовых воинах и лошадях – гастрольной выставке работ скульпторов ЕС и Китая» // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/201309/t20130909_1093644.htm (дата обращения: 15.06.2022) (на кит. яз.).
24. Первое выступление китайской акробатики в Тбилиси // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/201310/t20131012_1093653.htm (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).
25. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2015). Пекин: Пресса по мировым делам, 2015. 431 с. (на кит. яз.).
26. Посол Китая в Грузии Юэ Бинь присутствовал на церемонии презентации издания учебника «Практический учебник китайского языка» грузинской версии // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201505/t20150523_1093432.htm (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).
27. Культура запретного города проникает в Грузию // Ланьчжоуский университет. URL: <https://news.lzu.edu.cn/c/201604/38900.html?from=timeline> (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).
28. Исследовательский центр Грузии Ланьчжоуского университета // Ланьчжоуский университет. URL: <http://ldbr.lzu.edu.cn/qyygb/info-5015.shtml> (дата обращения: 22.06.2022) (на кит. яз.).
29. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2019). Пекин: Пресса по мировым делам, 2019. 636 с. (на англ. яз.).
30. Китайский профессор впервые был избран иностранным академиком Национальной академии наук Грузии // Новое сельское хозяйство. 2019. № 4. С. 19 (на кит. яз.).
31. В Грузию с обменным визитом отправилась делегация Института общественного здравоохранения Пекинского университета // Пекинский университет. URL: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/043e97f5bffd4347badf001649aa0016.htm> (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).
32. Состоялась церемония запуска Китайского исследовательского центра (Китайская академия социальных наук – Технологический университет Грузии) // Пекинский университет. URL:

<http://ex.chinadaily.com.cn/exchange/partners/82/rss/channel/cn/columns/j3u3t6/stories/WS5daebdd9a31099ab995e72ac.html> (дата обращения: 12.06.2022) (на кит. яз.).

33. Посол в Грузии Ли Янь принял участие в церемонии открытия выставки китайской коллекции Национального музея Грузии // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/202001/t20200107_1093881.htm (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).

34. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2020). Пекин: Пресса по мировым делам, 2020. 425 с. (на кит. яз.).

35. В Грузии прошел онлайн-финал 20-го конкурса на знание китайского языка «Мост китайского языка» для иностранных студентов колледжей, на котором выступил посол Ли Янь // Посольство Китая в Грузии. URL: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/202107/t20210719_8931759.htm (дата обращения: 17.06.2022) (на кит. яз.).

36. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2021). Пекин: Пресса по мировым делам, 2021. 431 с. (на кит. яз.).

References

1. Lu Ping. Georgia and the Silk Road Economic Belt Initiative: Relations, Consequences and Prospects. *Rossiyskiy akademicheskii zhurnal* [Russian Academic Journal], 2015, no. 5, pp. 75–83. (In Chinese).

2. Liu Wei. *Ob "yedinit' ludey – vozvesti most družby* [To unite people – to build a bridge of friendship]. Beijing, Publishing House of Literature in Foreign Languages Publ., 2017. 50 p. (In Russian).

3. For a strong, democratic and united Georgia: Government Program. *Georgian Government*. Available at: https://www.gov.ge/files/41_50258_481988_Strong,Democratic,UnitedGeorgial.pdf (accessed 12.07.2022) (In English).

4. Government program “Freedom, Rapid development and Prosperity (2016–2020)”. *Georgian Government*. Available at: https://www.gov.ge/files/41_61087_816118_GoG_Platform_LKF_19_05_2017.pdf (accessed 12.06.2022) (In English).

5. Lee He. *Godovoy doklad o kitaysko-rossiyskikh kul'turnykh obmenakh* (2018–2019) [Annual Report on Chinese-Russian Cultural Exchanges (2018–2019)]. Beijing, Publishing House of Literature in Foreign Languages Publ., 2017. 460 p. (In Russian).

6. Zhang Qingming. Analysis of the concept of China's foreign policy in the new era. Beijing, Chinese Intercontinental Press Publ., 2020. 174 p. (In Chinese).

7. Zhang Qingming. Modern Chinese Diplomacy. Chinese Intercontinental Press Publ., 2020. 178 p. (In Russian).

8. Strengthen the humanistic foundation and promote communication between people *Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China*. Available at: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201904/t20190428_843108.htm (accessed 12.06.2022) (In Chinese).

9. Ambassador to Georgia Yue Bin met at the Embassy with Liu Guangwen, Chairman of the Chinese-Georgian Cultural Center “Silk Road”. *Chinese Embassy in Georgia*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/201309/t20130924_1093650.htm (accessed 17.06.2022) (In Chinese).

10. Chinese Ambassador to Georgia Yue Bin and Deputy Minister of Foreign Affairs of Georgia Jaragania signed in Tbilisi Protocol on the Sino-Georgian Agreement on cooperation in the field of education. *Chinese Embassy in Georgia*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201410/t20141011_1093378.htm (accessed 17.06.2022) (In Chinese).

11. Pan Yun he, Vice-President of the Chinese Academy of Engineering, met with the Chairman of the National Communications Commission of Georgia. *Office of the Commercial Adviser of the Chinese Embassy in Georgia*. Available at: <http://ge.mofcom.gov.cn/article/todayheader/201409/20140900739761.shtml> (accessed 17.06.2022) (In Chinese).

12. Prime Minister of Georgia Irakli Garibashvili visited the University of International Business and Economics and delivered a keynote speech. *University of International Business and Economics*. Available at: <http://news.uibe.edu.cn/info/1608/19900.htm> (accessed 12.06.2022) (In Chinese).

13. Chinese Minister of Culture Luo Shugang met in Beijing with the Minister of Culture and Monument Protection of Georgia Mikhail Giorgadze. *Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China*. Available at: https://mct.gov.cn/whzx/bnsj/dwwhllj/201511/t20151104_773019.htm (accessed 19.06.2022) (In Chinese).

14. To see the Chinese market and share opportunities in China. *People's Daily: Newspaper*. Available at: <http://finance.people.com.cn/GB/n1/2018/1108/c1004-30389768.html> (accessed 12.06.2022) (In Chinese).

15. Chinese Ambassador to Georgia Ji Yanchi met with the Minister of Education, Science, Culture and Sports of Georgia Battiasvili. *Embassy of China*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201902/t20190216_1093513.htm (accessed 15.06.2022) (In Chinese).
16. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Chinese Diplomacy (2020). Beijing, World Affairs Press Publ., 2020. 425 p. (In Chinese).
17. The Georgian delegation takes part in the forum the Belt and Road initiative. *Sputnik-Georgia: News site*. Available at: <https://sputnik-georgia.ru/20190425/Gruzinskaya-delegatsiya-prinimaet-uchastiya-v-forume-Odin-poyas-odin-put-245050706.html> (accessed 01.07.2022) (In Russian).
18. The Tbilisi International Forum "Silk Road" is hotly discussing the docking with the Belt and Road initiative. *Xinhua, News Agency*. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1648259023873271313&wfr=spider&for=pc> (accessed 01.08.2022) (In Chinese).
19. China International Import Exhibition is crucial for the development of the world economy. *China Central Television*. Available at: <http://news.cctv.com/2020/11/10/ARTI5lxj9BiN07g8il1gUSp201110.shtml> (accessed 01.08.2022) (In Chinese).
20. Deputy Minister of Culture and Tourism of China Zhang Xu met in Beijing with the Ambassador of Georgia in China Karandiy. *Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China*. Available at: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202108/t20210817_927185.htm (accessed 12.06.2022) (In Chinese).
21. Georgian Ambassador Kalandia met with Liu Li, Rector of Beijing University of Language and Culture. *Embassy of Georgia in China*. Available at: <https://weibo.com/n/%E6%A0%BC%E9%B2%81%E5%90%89%E4%BA%9A%E9%A9%BB%E5%8D%8E%E5%A4%A7%E4%BD%BF%E9%A6%86?layerid=4783132819853430> (accessed 12.06.2022) (In Chinese).
22. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Chinese Diplomacy (2014). Beijing, World Affairs Press Publ., 2014. 422 p. (In Chinese).
23. Charge d'affaires of the Embassy Deng Hao in Georgia took part in the Dialogue on terracotta warriors and horses – a touring exhibition of works by sculptors of the EU and China. *Chinese Embassy in Georgia*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/201309/t20130909_1093644.htm (accessed 15.06.2022) (In Chinese).
24. The first performance of Chinese acrobatics in Tbilisi. *The Chinese Embassy in Georgia*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/201310/t20131012_1093653.htm (accessed 17.06.2022) (In Chinese).
25. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Chinese Diplomacy (2015). Beijing, World Affairs Press Publ., 2015. 431 p. (In Chinese).
26. Chinese Ambassador to Georgia Yue Bin attended the presentation ceremony of the publication of the textbook Practical Textbook of the Chinese language of the Georgian version. *The Chinese Embassy in Georgia*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201505/t20150523_1093432.htm (accessed 17.06.2022) (In Chinese).
27. The culture of the forbidden city penetrates into Georgia. *Lanzhou University*. Available at: <https://news.lzu.edu.cn/c/201604/38900.html?from=timeline> (accessed 17.06.2022) (In Chinese).
28. Research Center of Georgia of Lanzhou University. *Lanzhou University*. Available at: <http://ldbr.lzu.edu.cn/qyygb/info-5015.shtml> (accessed 22.06.2022) (In Chinese).
29. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Chinese Diplomacy (2019). Beijing, World Affairs Press Publ., 2019. 636 p. (In English).
30. A Chinese professor was elected a foreign academician of the National Academy of Sciences of Georgia for the first time. *New Agriculture*, 2019, no. 4, p. 19 (In Chinese).
31. A delegation of the Institute of Public Health of Peking University went to Georgia on an exchange visit. *Peking University*. Available at: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/043e97f5bffd4347badf001649aa0016.htm> (accessed 12.06.2022) (In Chinese).
32. The launch ceremony of the Chinese Research Center (Chinese Academy of Social Sciences – Technological University of Georgia) took place. *Peking University*. Available at: <http://ex.chinadaily.com.cn/exchange/partners/82/rss/channel/cn/columns/j3u3t6/stories/WS5daebdd9a31099ab995e72ac.html> (accessed 12.06.2022) (In Chinese).
33. Ambassador to Georgia Li Yan took part in the opening ceremony of the exhibition of the Chinese collection of the National Museum of Georgia. *The Chinese Embassy in Georgia*. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/whjl/202001/t20200107_1093881.htm (accessed: 17.06.2022) (In Chinese).
34. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Chinese Diplomacy (2020). Beijing, World Affairs Press Publ., 2020. 425 p. (In Chinese).
35. The online final of the 20th Chinese Language Proficiency Contest Bridge of the Chinese Language for foreign college students was held in Georgia, where Ambassador Li Yan spoke. *Embassy of China in*

Georgia. Available at: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/202107/t20210719_8931759.htm (accessed 17.06.2022) (In Chinese).

36. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. *Chinese Diplomacy* (2021). Beijing, World Affairs Press Publ., 2021. 431 p. (In Chinese).

Информация об авторе

Лань Пэнхэ – магистр исторических наук, аспирант кафедры международных отношений. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 20, Республика Беларусь). E-mail: bdlph2017@mail.ru

Information about the author

Lan Penghe – Master of Historical, PhD student, the Department of International Relations. Belarusian State University (20, Leningradsкая str., Minsk, 220030, Republic of Belarus). E-mail: bdlph2017@mail.ru

Поступила 25.10.2022

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1:316:008

А. А. Потоцкий

Белорусский государственный технологический университет

ГЕРМЕНЕВТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Выявление специфики художественного познания, сущностных характеристик понимания художественного произведения осуществимо через обращение к герменевтической парадигме, обосновавшей проблемы понимания и интерпретации мира гуманитарной культуры, художественных текстов, социально-культурных феноменов. Специфика понимания в рамках художественной коммуникации заключается в его креативном характере, способности постигать, созидать и обогащать смысло содержание художественного текста. В качестве базисных оснований феномена понимания согласно герменевтическому подходу выступают предпонимание – диалог интерпретатора с текстом и его автором – действенно-историческая рефлексия реципиента – открытость коммуникативного процесса – культурная традиция. Понимание как коммуникативный процесс является не только итогом реконструкции авторского замысла в контексте культурно-исторической ситуации возникновения художественного текста, но и актуализации содержания данного текста субъектом понимания. В результате понимание не только воспроизводит смысл художественного текста, но и открывает возможность создания новых смыслов. Понимание, выходящее за пределы субъективного опыта автора текста, создает возможность его интерпретации в изменившихся социально-культурных условиях на основе субъект-субъектных, диалоговых отношений между интерпретатором и художественным текстом.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, интерпретация, художественное познание, художественное произведение, художественный текст, традиция.

Для цитирования: Потоцкий А. А. Герменевтика и методология художественного познания // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 90–93.

A. A. Pototski

Belarusian State Technological University

HERMENEUTICS AND METHODOLOGY OF ARTISTIC KNOWLEDGE

Revealing the specifics of artistic knowledge, the essential characteristics of the understanding of a work of art is feasible through an appeal to the hermeneutic paradigm, which substantiated the problems of understanding and interpreting the world of humanitarian culture, literary texts, socio-cultural phenomena. The specificity of understanding within the framework of artistic communication lies in its creative nature, the ability to comprehend, create and enrich the meaning of a literary text. The basic foundations of the phenomenon of understanding, according to the hermeneutic approach, are pre-understanding – the dialogue of the interpreter with the text and its author – the effective historical reflection of the recipient – the openness of the communicative process – cultural tradition. Understanding as a communicative process is not only the result of the reconstruction of the author's intention in the context of the cultural and historical situation of the emergence of a literary text, but also the actualization of the content of this text by the subject of understanding. As a result, understanding not only reproduces the meaning of a literary text, but also opens up the possibility of creating new meanings. Understanding that goes beyond the subjective experience of the author of the text creates the possibility of its interpretation in the changed socio-cultural conditions on the basis of subject-subject, dialogue relations between the interpreter and the literary text.

Keywords: hermeneutics, understanding, interpretation, artistic knowledge, work of art, literary text, tradition.

For citation: Pototski A. A. Hermeneutics and methodology of artistic knowledge. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 90–93 (In Russian).

Введение. Каждый новый этап в развитии общества стремится не только к формированию собственной системы моральных и эстетических идеалов, но и к осмыслению содержания культурной традиции во всем многообразии ее элементов: морали, права, религии, искусства. Художественная культура, являясь сосредоточением представлений о смысле жизни, о добре и зле, нравственном выборе человека, эстетических ценностей, аккумулирует духовный опыт человечества.

Многообразие языков искусства, проистекающее из многообразия художественных стилей, направлений, в свою очередь, инициирует проблему их понимания и интерпретации в изменяющихся социокультурных условиях. Именно благодаря тому, что художественное произведение обладает способностью «разговаривать» с представителями разных исторических эпох, носителями различных идеологических программ и мировоззренческих установок, искусство представляет собой феномен внеисторический, способный в различных формах воздействовать на настоящее. Это отчетливо проявляется в рамках такого явления, как «аномия культуры», когда прежняя система ценностей и идеалов уже изжила себя, а новая еще не сформирована. Именно в этот период художественное наследие выступает в роли спасительного якоря, являя собой практически неиссякаемый источник культурных смыслов.

Основная часть. Способность художественного произведения продуцировать новые смыслы в период общественных трансформаций и смены культурных эпох актуализирует проблему понимания художественных текстов, их последующей интерпретации в рамках соответствующих эпохе культурных кодов и художественных языков. Данная проблема решалась в контексте социально-гуманитарного знания усилиями рецептивной эстетики, структурализма, постструктурализма, однако именно философская герменевтика на сегодняшний день находится в авангарде решения данной проблематики. Герменевтическая методология, разработанная Ф. Шлейермахером, В. Дильтемом, Г.Г. Гадамером, П. Рикером, позволяет рассматривать художественное познание не только как деятельность, связанную с декодированием информации, содержащейся в художественном тексте, но и как деятельность творческую, обеспечивающую приращение смыслового поля произведения искусства.

Один из основных принципов герменевтики гласит: «понимание есть процесс возвращения причастности смыслу». Данный принцип предполагает разговор интерпретатора с объектами художественного наследия, в процессе которого не только воскрешаются эстетические идеа-

лы и культурные смыслы ушедших эпох, элементы традиции, но и создается новое смысловое поле, заполняющееся мировоззренческими установками новых читателей-реципиентов. При этом художественное познание предстает как измерение открытости, диалогичности, в котором плюрализм интерпретаций выступает важнейшим фактором понимания произведения искусства [6].

Это приобретает особую актуальность и значимость при познании художественных произведений неклассического искусства и литературы, цель которых не столько отобразить действительность, сколько выразить мнение, представление, впечатление о ней. Художественная практика модернизма и постмодернизма создает такую семиотическую реальность, познать которую без использования герменевтической методологии представляется весьма проблематичным. Такие современные эстетические концепции, как «смерть автора», «ризомы», «интертекстуальность», лишь обостряют значимость герменевтической методологии в качестве неотъемлемой компоненты эстетической теории и инициируют поиск новых стратегий понимания современной художественной культуры и присущего ей языка искусства.

Но это не значит, что герменевтика является инструментом для понимания исключительно современного искусства. Герменевтика как метод художественного познания является универсальным. В том числе, он применим и при интерпретации классического художественного наследия, которое в истории культуры предстает в качестве неиссякаемого источника культурных смыслов, обеспечивающих процессы преемственности и созидания.

Методологический плюрализм герменевтики открывает возможность интерпретации художественного текста как исторически изменчивой сущности [2]. При этом апелляция к герменевтической традиции позволяет утверждать, что «изолированного» эстетического сознания не существует, а опыт искусства в широком смысле означает, что произведение искусства и интерпретатор объединяются в едином процессе. Герменевтика подчеркивает, что понятия объекта и объективности недостаточно там, где речь идет не об овладении предметом, но о возвращении причастности смыслу, которое и называется пониманием. При подобном подходе художественное произведение предстает как измерение открытости, не сводимое к единому варианту прочтения, интерпретации.

Герменевтика также показывает, что нет изолированного, для себя существующего, вневременного субъекта; скорее исторический мир уже всегда определяет субъекта, так как

последний нерасторжимо принадлежит этому миру. Данная методологическая установка фиксирует не только историчность предмета интерпретации, но и историчность самого интерпретатора: само понимание можно понять только из радикального, исторически мыслимого состояния человека, укорененного в современности.

Согласно герменевтической традиции, специфической особенностью понимания, его отправной точкой выступает «предпонимание», являющееся отражением социокультурного контекста, в котором находится интерпретатор. Поэтому основанием понимания выступает историческая действительность человеческого бытия, невозможность человека абстрагироваться от реалий той культурно-исторической эпохи, которой он всецело принадлежит [3, с. 211].

Понимание как герменевтический феномен предполагает диалоговые, субъект-субъектные отношения между интерпретатором и текстом: лишь в том случае, если реципиент понял вопрос, ответом на который является текст, можно утверждать о приближении к горизонту понимания. При этом важную роль в процессе понимания приобретает установка реципиента художественного сообщения на диалог с его автором, иными интерпретаторами, что обуславливает открытость художественной коммуникации. Укорененность интерпретатора в традиции, бытию которой принадлежит и автор, и художественное сообщение, также выступает в качестве исходного базиса понимания.

Понимание как результат разговора между автором художественного произведения и реципиентом, между текстом и интерпретатором оказывается возможным благодаря действенно-историческому сознанию интерпретатора. Действенно-историческое сознание ориентировано на диалог между настоящим и прошедшим, на соединение опыта автора и опыта реципиента, на превращение их в партнеров по коммуникации [1, с. 78].

В качестве основных процедур понимания выступают:

- реконструкция культурно-исторической ситуации возникновения художественного текста, творческого замысла автора (на основе «погружения» в историко-культурный контекст, соотнесения содержания художественного текста с историческими и культурными факторами, обусловившими его появление);
- эмпатические процедуры (интуитивное проникновение, вчувствование в субъективность автора; идентификация с авторским стилем мышления и с историко-культурным контекстом; осуществление принципа конгенальности);
- интерпретация – т. е. постижение содержания художественного сообщения через

его индивидуальное осмысление. Художественное сообщение при этом выступает как совокупность ответов на вопросы, возникающие

у интерпретатора в конкретных культурно-исторических условиях, что задает пониманию «вопрос-ответную» структуру;

– аппликация (применение) – актуализация содержания художественного сообщения применительно к той социокультурной реальности, в которой находится интерпретатор [4].

В результате данных герменевтических процедур понимание не только воспроизводит смысл художественного сообщения, но и открывает возможность создания множества новых смыслов.

Тип художественного сообщения (произведение или текст) формирует модель взаимоотношений автора и реципиента, а также обуславливает специфику понимания в рамках художественной коммуникации.

Художественное произведение – это иерархически организованный, обладающий структурной целостностью, единством смысловой интенции семиотический продукт. Основная цель интерпретатора – достижение гармонического единства между собственными смыслоожиданиями и содержанием произведения. Поэтому процесс понимания произведения основан на применении интерпретатором классических герменевтических процедур, что обеспечивает произведению открытость для новых интеграций, нового коммуникативного опыта [5].

Художественный текст – такой тип художественного сообщения, для которого характерны интертекстуальность, процессуальность обретения смысла, смысловая множественность. Так, в контексте постструктуралистской методологии утверждается, что бытие художественного текста представляет собой процесс бесконечного становления, а смысл художественного текста производится и никогда не является изначальным. Текст существует только как акт интерпретации.

Для понимания такого текста использование классических герменевтических процедур оказывается недостаточным. Субъекту понимания необходимо обладать интертекстуальной компетенцией, способностью осуществить процедуру деконструкции, выявляющей спонтанные смещения смыслов художественного текста и обнаруживающей их полифонию.

В результате понимание превращается в практику означивания, трактуется как безграничное и никогда не замкнутое порождение. Это способствует рождению нового типа интерпретатора – творчески деятельного, активного, духовно свободного, приобщающегося ко множественности культурных языков.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что герменевтика смещает центр интереса в интерпретации и понимании художественного произведения важны не только интенции автора, но и история взаимодействий произведения с культурной традицией. При этом с герменевтической точки зрения художественное произведение, как живая самоорганизующаяся система, обладает собственной интенцией. Сознание субъекта понимания должно считаться с глубинными внутренними законами, которые хранит в себе художественное произведение и которые необходимо обнаружить. Герменевтика вопрошает не о происхождении, а о восприятии

произведения в соответствующей, т. е. понимающей, современности, обеспечивая множественность интерпретаций и формируя исторический характер понимания, историчность самого интерпретатора, принадлежащего определенной культурно-исторической эпохе, традиции, от влияния которых он не в силах устраниваться.

Использование методологических стратегий герменевтики открывает возможность исследовать художественные тексты в качестве неиссякаемых источников мировоззренческих оснований для различных культурно-исторических эпох, а их интерпретацию как креативную деятельность по созданию смыслов.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
2. Гадамер Г.-Г. Введение к Истоку художественного творения (1955) // Работы и размышления разных лет / пер. А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 117–132.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гафаров Х. С. Философская герменевтика Ганса-Георга Гадамера. Минск: РИВШ БГУ, 2003. 206 с.
5. Гронден Ж. Герменевтика фактичности как онтологическая деструкция и критика идеологии. К актуальности герменевтики Хайдеггера / пер. И. Инишева // Исследования по феноменологии и философской герменевтике / ред. Ев. Борисов, И. Инишев, А. Лаврухин. Минск: ЕГУ, 2001. С. 45–54.
6. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. М.: Лабиринт, 2001. 426 с.

References

1. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskustvo Publ., 1991. 368 p. (In Russian).
2. Gadamer G.-G. Introduction to the Source of Artistic Creation (1955). *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Minsk, Gnozis Publ., 1993, pp. 117–132 (In Russian).
3. Gadamer G.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenевtiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian).
4. Gafarov H.S. *Filosofskaya germenевtika Gansa-Georga Gadamera* [Philosophical hermeneutics of Hans-Georg Gadamer]. Minsk, RIVSH BGU Publ., 2003. 206 p. (In Russian).
5. Gronden J. Hermeneutics of facticity as ontological destruction and criticism of ideology. On the relevance of Heidegger's hermeneutics. *Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoy germenевtike* [Studies in Phenomenology and Philosophical Hermeneutics]. Minsk, EGU Publ., 2001, pp. 45–54 (In Russian).
6. Dilthey V. *Germenевtika i teoriya literatury* [Hermeneutics and theory of literature]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 426 p. (In Russian).

Информация об авторе

Потоцкий Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: potoc78@mail.ru

Information about the author

Pototski Aliaksei Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: potoc78@mail.ru

Поступила 31.08.2022

УДК 141.7:316.32

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**СОЦИОПРИРОДНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА В ПРЕОДОЛЕНИИ ВЫЗОВОВ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

В статье дается представление о способности общества и природы (биосферы) к саморазвитию в их взаимосвязи как важнейшем приоритете и факторе формирования онтологически обусловленного, коэволюционного пути в преодолении вызовов антропологического кризиса. В этой связи осуществлена попытка выявить внутрисистемные и межсистемные механизмы саморазвития биологических и социальных систем на основе единства диалектического, синергетического и коэволюционного подходов. В качестве важнейшего условия саморазвития системной организации биологических и социальных объектов в их взаимодействии рассматривается тенденция формирования их сопряженной, взаимонаправленной, внутренне-внешней неравновесности или активности, обуславливающей закономерное проявление их открытости, как предуготовленности к обмену веществом, энергией и информацией и взаимозависимому самовоспроизводству. Внутрисистемная и межсистемная коэволюция в их взаимосвязи сохраняют и воспроизводят такого рода неравновесность, формируя различные асимметричные способы проявления и осуществления вещественной, энергетической и информационной избыточной активности самоорганизации систем биологической и социальной природы в качестве условия овладения внешними источниками таких ресурсов в процессах саморазвития. В данном контексте интерпретируются сущностные проявления антропологического кризиса прежде всего в масштабах глобального самоопределения общества и его взаимодействия с природой (биосферой). Он выражается в различных формах избыточной энтропии в социокультурной жизни человека. Избыточная активность общества по интенсификации его саморазвития, достигаемая с помощью постоянного совершенствования технических средств воздействия на биосферу для разупорядочения ее систем и изъятия ресурсов, все более превышает возможности самовосстанавливающих механизмов биосферы, фактически свертывая масштабы ее саморазвития. Соответственно, возникает необходимость регулирования стихийно складывающейся асимметричности коэволюции в спонтанном саморазвитии глобальной системы «человек – общество – техника – природа (биосфера)», что должно включать сообразное регламентирование природопотребляющего саморазвития общества и формирование условий саморазвития биосферы в целях их сохранения и взаимной безопасности.

Ключевые слова: приоритет, коэволюция, общество, природа, кризис, вызов, безопасность.

Для цитирования: Бурак П. М. Социоприродные приоритеты формирования коэволюционного подхода в преодолении вызовов антропологического кризиса // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 94–102.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**SOCIO-NATURAL PRIORITIES FOR FORMING A CO-EVOLUTIONARY
APPROACH IN OVERCOMING THE CHALLENGES
OF THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS**

The article develops the idea of the ability of society and nature (the biosphere) to self-development in their relationship as the most important priority and factor in the formation of an ontologically determined, co-evolutionary path in overcoming the challenges of the anthropological crisis. In this regard, an attempt was made to identify intra-system and inter-system mechanisms of self-development of biological and social systems based on the unity of dialectical, synergistic and co-evolutionary approaches. As the most important condition for the self-development of the systemic organization of biological and social objects in their interaction, the tendency of the formation of their conjugated, mutually directed, internal-external disequilibrium or activity, which determines the natural manifestation of their openness, as a precondition for the exchange of matter, energy and information and interdependent self-reproduction, is considered. Intra-system and inter-system co-evolution in their interconnection preserve and reproduce this kind of disequilibrium, forming various asymmetric ways of manifestation

and implementation of material, energy and informational excess activity of self-organization of systems of biological and social nature as a condition for mastering external sources of such resources in the processes of self-development. In this context, the essential manifestations of the anthropological crisis are interpreted primarily in terms of the global self-determination of society and its interaction with nature (the biosphere). It is expressed in various forms of excess entropy in the socio-cultural life of a person. Excessive activity of society to intensify its self-development, achieved by constantly improving the technical means of influencing the biosphere to disorder its systems and withdraw resources, increasingly exceeds the capabilities of the self-healing mechanisms of the biosphere, actually curtailing the scale of its self development. Accordingly, there is a need to regulate the spontaneously emerging asymmetry of co-evolution in the spontaneous self-development of the global system “man – society – technology – nature (biosphere)”, which should include consistent regulation of the nature-consuming self-development of society and the formation of conditions for the self-development of the biosphere in order to preserve them and mutual security.

Keywords: priority, co-evolution, society, nature, crisis, challenge, security.

For citation: Burak P. M. Socio-natural priorities for forming a co-evolutionary approach in overcoming the challenges of the anthropological crisis. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 94–102 (In Russian).

Введение. Сохранение способности саморазвития, его внутренних и внешних механизмов, воспроизводство идентичности общества во взаимосвязи и с поддержанием саморазвития природы (биосферы) являются первостепенными приоритетами современных обществ в условиях нарастания глобальных процессов социальной и социоприродной нестабильности, сокращения репродуктивных возможностей естественных экосистем вследствие экспансии социотехнической деятельности человека и расширения границ техносферы. Особую актуальность рассматриваемой проблеме сохранения способности саморазвития общества в современном мире придают экспансионистские попытки определенных субъектов социального мироустройства дестабилизировать и заблокировать с помощью различных санкционных приемов внутренние и внешние механизмы взаимодействия некоторых стран как условие их безопасного существования. Важнейшей исходной идеей представленной статьи является предположение о несовпадении внутренней и внешней направленности саморазвития современного общества и тенденций саморазвития биосферы как открытых, относительно автономных самоорганизующихся систем, что на глобальном уровне выступает длительно действующим фактором формирования антропологического кризиса. Обоснование данного предположения включает теоретическое рассмотрение коэволюционных механизмов сохранения способностей и возможностей саморазвития общества и биосферы, что должно учитываться в качестве основного приоритетного ориентира познавательной и практикоориентированной деятельности человека, направленных на достижение приемлемой безопасности социоприродного взаимодействия.

Основная часть. Саморазвитие, самоорганизация общества и природы (биосферы) есть основной интегрирующий и дифференцирующий фактор, их целостности, открытости, автономности, взаимозависимых сопряженных изменений и процесса формирования внутренне противоречивого (в диалектическом понимании) исторически нового, глобального социотехноприродного образования. Порождая человека разумного, биосфера саморазвивается, трансформируется в новые формы организации жизни – социально-биологические, а точнее, социоприродные, в которых социальная организация, связывающая ее в систему трудовая деятельность людей, речевая коммуникация и культура оказываются наиболее активными формами экспансии жизни на Земле. Они осуществляют растущее ускорение обмена веществ, энергии и информации для сохранения, прежде всего человека и общества, включая создание для этой цели собственной среды – техносферы. Техносфера есть продукт реализации определяющих, сущностных свойств социально-организованной жизни и совокупной деятельности людей. Она выступает проявлением творчески организуемой и конструирующей деятельности живых существ, наделенных сознанием. При этом научно-философское понимание истинности человеческой социальности, сущности его сознания, трудовой, познавательной, творческой деятельности недопустимо полностью выносить за пределы биосферной организации жизни, биологических форм ее существования и воспроизводства. В. И. Вернадский подчеркивал, что человек как автаркическое целое, неотделим от биосферы, является ее частью. Он сам и его сознание есть функции биосферы. Эти констатации В. И. Вернадского также недопустимо

преувеличивать, радикализировать зависимость человеческих качеств от глобальной организации биологической жизни на планете. Столь же нежелательно и отрицать их зависимость от исторически совершенствующейся системной организации биологической жизни в ходе эволюции и смены состояний биосферы в целом. Данный процесс развития жизни во взаимосвязи с изменяемой ею средой, в диалектическом его понимании, приводит к самоизменению человека, усложнению, отрицанию – снятию сугубо биологического существования в процессе становления биосоциальной сущности человека. Человек, наделенный сознанием, продолжает тенденцию усложнения организации жизни, но уже в социальном варианте. Он изменяет свою социальную организацию во взаимосвязи с изменяемой им и стихийно изменяющейся природной средой, превращаясь, согласно оценке В. И. Вернадского, в планетарную геологическую силу. Соответствующий глобальный «перенос атомов» вещества человек осуществляет при помощи трудовой деятельности, знания, науки, техники и социальной организации. Это новое качество человека по своему историческому происхождению имеет биологические корни, которые и выступают в форме различных проявлений «техники жизни» (термин В. И. Вернадского). Биогеохимическая сущность активности биологических организмов, названная «техникой жизни», заключается в их способности перемещать атомы веществ природы без непосредственного их включения во внутренние процессы жизнедеятельности. Такой способ не только непосредственного адаптивного взаимодействия с изменяемой биосистемами средой их существования, одновременно он является преадаптивным, упреждающим возможные негативные воздействия различных средообразующих явлений внешней реальности. Такого рода тенденция формирования активности биологических форм жизни имела специфическое продолжение и качественное своеобразие в процессе эволюционного становления человека разумного. Различные варианты техники жизни биосистем практически являлись эволюционно возникающими «пробами» в биосферной организации жизни в направлении роста возможностей воспроизводства и сохранения, саморазвития биологических организмов и их сообществ. Их роль в прогрессе жизни на Земле целесообразно оценивать по меньшей мере в двух взаимосвязанных отношениях. Во-первых, в качестве защитного ответа биологической эволюции на губительное воздействие энтропии различных явлений внешней среды явилось одновременное совершенствование механизмов и предпосы-

лок относительно автономного саморазвития. Во-вторых, подобно правомерности рассмотрения общеприродного свойства отражения в качестве естественноисторической предпосылки сознания человека, вполне допустимо квалифицировать «технику жизни» в биосфере как результат и фактор объективного роста возможностей относительно автономного саморазвития, самосохранения данной способности биосистем в процессах совершенствования саморегуляции и самоорганизации вплоть до появления человека. Антропосоциогенез сопровождался возникновением, в качестве нового уровня и механизма обогащения способностей человека и общества, направленных на сохранение расширения масштабов и интенсификации воспроизводства, факторов и условий их относительно автономного саморазвития. Это взаимосвязанное сопряженное развертывание разнообразных форм и способов трудовой деятельности, расширение ее масштабов при освоении природных источников вещества и энергии, с помощью неуклонного совершенствования технических средств их добывания, аккумулирования, обработки и использования. Это интенсификация познавательной деятельности, развития науки, всевозможных технологий, коммуникации в целях жизнеобеспечения и культурогенез, генерирующий установку массового сознания на более полное достижение земных благ как главного условия самосохранения человека и общества.

Все эти механизмы в настоящее время все более интенсивно сопрягаются в создании новой системно организуемой реальности – искусственной среды жизни или техносферы. Техносфера, как дом для людей, построенный ими в пространстве биосферы и за счет ее вещества и энергии, выполняет функцию защиты от разрушительных и неблагоприятных воздействий природных стихий, создания разнообразных продуктов из ресурсов естественной природы для сохранения жизни человека и воспроизводства общества. Иными словами, техносфера является неотъемлемым механизмом социальной организации жизни, воспроизводит и сохраняет множество технических орудий, средств и условий для обеспечения трудовой деятельности, обуславливает содержание и направление внутрисоциальных отношений и коммуникаций, регламентирует и направляет взаимодействие человека, общества природы. При этом в массовом сознании происходит неизбежное формирование отношения к природе как ценности, прежде всего, в плане сохранения техносферы как дома для людей и общества в целом, что, по сути, и является основной их целью в окружении неуправляемой, стихийной

природной реальности. В массовом сознании людей закрепились ценностная установка, состоящая о том, что искусственная природа, т. е. их дом, который они построили сами, не должен быть разрушен. В противном случае произошла бы планетарная антропологическая катастрофа, что означало бы уничтожение жилищ больших масс людей. При этом они сами оказались бы в ситуации неизбежной, трагической для всех их природной энтропийной элиминации.

Подчеркнем общую закономерность, проявляющуюся в разнообразных формах «техники жизни» в процессе биологической эволюции и в социальном бытии человека, направляющего свою адаптивную и преадаптивную активность на процветание социально-организованной техники жизни и сотворение своего специфического жилища – техносферы. И в первом, и во втором случаях самоорганизация биологических форм жизни и социальная самоорганизация человека структурно и процессуально обуславливают воспроизводство механизмов и сохранение способности саморазвития, как неравновесных систем, противостоящих разрушительным явлениям внешней среды и нивелирующим ее энтропийные воздействия. Однако имеется и принципиальное различие между биологическими формами жизни и техникой жизни человека в современном техногенном обществе. Биологическое разнообразие, как фактор устойчивости биосферы, воспроизводится благодаря разнообразию «техник жизни», направленных на сохранение множества различных видов организмов во взаимодействии их между собой и во взаимосвязи с неживой природой. Иная ситуация с «авторством» и предназначением техносферы. Ее, как глобальный дом для жизни, выстраивает один единственный вид – человек разумный, и прежде всего для себя. В этом доме он единоличный хозяин, производитель и потребитель всего, что он создает с помощью техники для своей жизни. Поэтому в целях самосохранения, самовоспроизводства он не заинтересован в том, чтобы созданными им продуктами, необходимыми для их производства ресурсами естественной природы, которыми он пользуется, «владело» множество видов других биологических организмов, уменьшая тем самым возможности и условия самосохранения и саморазвития человека. Во избежание подобной конкуренции и в перманентном стремлении увеличивать возможности овладения разнообразными ресурсами естественной природы для упреждающего создания гарантий самосохранения, человек непрерывно осуществляет, интенсифицирует и совершенствует простран-

ственно-временную, геологическую, организационную, сельскохозяйственную, промышленную урбанистическую, социокультурную информационную, технико-технологическую, техносферную в целом и другие формы экспансии в биосфере планеты. Принцип ресурсной экспансии в иных формах повторяется в различных обществах, практически на всех иерархических уровнях его организации, в государственных структурах, межгосударственных отношениях, в цивилизационных предпочтениях и их транслировании на различные сообщества людей. При этом в социальной иерархии должен сохраняться принцип неравновесности в статусах, распределении ролей и результатов различных форм и способов экспансии. Это один из основных социоприродных приоритетов, необходимое условие и фактор сохранения способности общества к саморазвитию. Подобная неравновесность в отношениях различных социальных субъектов в одном и том же обществе или во взаимодействии международного уровня, в зависимости от ценностных ориентаций, на которых выстраиваются отношения, может основываться на требованиях паритета обладания объемом ресурсов и отдачи физической и интеллектуальной энергии в трудовой деятельности для реализации собственного воспроизводства и обеспечения саморазвития общества. Необходимо подчеркнуть, что интересы и цели развития общества в целом и отдельных субъектов никогда не совпадают и не должны совпадать полностью даже при самом справедливом социальном строе. В противном случае обе эти активные силы истории лишились бы взаимообусловленной неравновесности, predeterminedной их неравнозначной по величине, но избыточной для каждой из них энергии взаимного воздействия, что и влечет за собой способность взаимозависимо саморазвиваться и формировать единую, целостную, внутренне противоречивую систему в диалектическом понимании. Предметом внутрисоциальной неравновесной экспансии посредством несправедливого присвоения ресурсов фактора сохранения способности могут быть различные ценности: трудовая деятельность по созданию материальных и духовных продуктов, сами эти продукты, человеческие ресурсы, полезные ископаемые, территория, технологии, результаты научных исследований, перспективные коллективы и т. д. и т. п. В любом из подобного рода случаев проявляется одна и та же закономерность – самосохранение, выживание, воспроизводство, саморазвитие любого социального субъекта, что и обуславливает создание адекватных условий и возможностей. Второй важный вывод, который вытекает из

вышеприведенных утверждений заключается в том, что сохранение способности и условий саморазвития обуславливается поддержанием неравновесности в той или иной социальной системе в целом, отдельной группе людей или даже какого-либо одного субъекта, а также в деятельности по отношению к окружающей природной среде, направленной на противодействие энтропии, вызывающей свертывание возможностей вплоть до прекращения развития разнообразных социальных субъектов. Третий, предварительный вывод заключается в том, что неравновесность биологических и социальных систем, являющаяся предпосылкой, условием и фактором способности саморазвития как способа их существования и сохранения, обусловлена избыточностью такого рода системной организации материальных объектов, которые могут самовоспроизводиться посредством преодоления сопротивления организованности внешней среды и перевода вещественных, энергетических и информационных «продуктов» во внутренние источники жизнедеятельности. Это означает, что саморазвивающиеся системы обладают свойством открытости, обусловленным избыточностью и неравновесностью. Поскольку саморазвивающиеся системы представляют собой продукты коэволюции, то их свойства избыточности, неравновесности, открытости, относящиеся к механизмам саморазвития и выявляющие внешнюю направленность на экспансию взаимодействия с другими системами, генерирование вещества, энергии и информации, формируются и воспроизводятся в процессах сопряженных изменений такого рода систем. Логично предположение, что сопряженное взаимодействие саморазвивающихся систем обуславливает формирование их как избыточных, неравновесных и открытых по отношению друг к другу. Вероятно, в этом заключается одна из важнейших закономерностей коэволюции, являющейся атрибутивным механизмом возникновения и саморазвития более сложных и масштабных систем. Заметим также, что стихийное становление социотехноприродной (биосферной) системы, корни которой уходят в историю эволюции биосферы, возникновение механизмов ее самоотрицания, как саморазвивающейся системы, генерирование функции избыточности, наряду с внешними воздействиям, обуславливали смену ее состояний на пути к более сложной и масштабной системной организации. Социотехнобиосферогенез – это объективно закономерный этап ранее не существовавшей стихийной самоорганизующейся интеграции социальной биологической и «технической» материи – формы, изменяемой и конструируемой человеком неживой природы. Становление социотехнобиосферы

есть процесс совмещения в глобальную систему различных по природе и организации общества биологической жизни и искусственно измененной неживой природы при помощи избыточных знаний и деятельности человека, выходящих за пределы сохранения общества, техники и биосферы, по отдельности. Подобные знания и деятельность пока что не соответствуют задаче контролируемого формирования и безопасности социотехнобиосферы при необходимом сохранении способности и возможностей саморазвития общества и биосферы, без чего невозможно выстроить стратегию благоприятной перспективы существования человека. Несоответствие знаний и характера деятельности по обеспечению безопасности становления социотехнобиосферы есть один из глобальных вызовов, составляющих сущность антропологического кризиса в современной цивилизации, который проявляется на всех уровнях социальной организации вплоть до человеческого индивида в форме критического и опасного соотношения позитивных и негативных тенденций в культуре, мировоззрении и деятельности.

Избыточность биосистем рассматривается в современной научной литературе как один из важнейших факторов эволюции в качестве адаптивного и преадаптивного средства противодействия негативным явлениям биологической жизни. Например, С. В. Пучковский прослеживает явления биологической избыточности на основных уровнях организации живой материи – начиная от клеточного и заканчивая биосферным. Человеку, как одному из биологических видов, также свойственны все основные формы биологической избыточности до видового уровня включительно. Установлено существование различных форм биологической избыточности как фундаментального свойства, которое обуславливает сохранение и воспроизведение живых систем в изменяющихся условиях. Автор придерживается убеждения о том, что избыточность является общесистемным свойством физико-химических, биологических и социальных объектов и искусственных систем. Следует согласиться с утверждением С. В. Пучковского об одной существующей позиции как не вполне корректной. Ее суть состоит том, что разрушение восстановительных механизмов биосферы как недостаточных для ее сохранения под напором избыточной человеческой деятельности якобы может привести к ее полной деградации. Таким образом, определяемая перспектива биосферы не включает глубокого знания о ее избыточности. [1, с. 642, 644, 649, 650]. Объективности ради добавим к приведенной оценке соображение о далеко неполном знании избыточных механизмов

биосферы на уровне микроорганизации жизни как фактора противодействия избыточному давлению человека на биосферу. В. Ю. Даренский раскрывает две противоположные тенденции формирования избыточности высшего образования – конструктивную и деструктивную, являющиеся своеобразным отражением современного антропологического кризиса [2]. Зафиксируем в этой связи важнейшую методологическую идею относительно понимания сущности антропологического и любого другого кризисов. Кризис – это вызов или неразрешенная проблема отношений деструктивного, ведущего к разрушению системы, направления коинволюционных изменений или регрессивного развития и прогрессивных изменений в системе, собственно коэволюции, направленной на перспективное обновление. Следовательно, кризис может закончиться двояко. Чтобы не произошло катастрофического разрушения вследствие преобладания избыточности деструктивных изменений над избыточностью конструктивного направления развития, необходимо осуществлять меры регулирования саморазвития кризисной системы, обеспечивая доминирование, конструктивных (прогрессивных) изменений над деструктивными (регрессивными). Сохранение именно такого русла саморазвития человека, общества, биосферы в их взаимозависимости фактически и есть матрица позитивной идентичности, которую необходимо воспроизводить и недопустимо изменять в поисках путей выхода из кризиса, как об этом напоминает исследователь кризисных обществ Дж. Даймонд [3, с. 11–13].

К сожалению, при подготовке статьи автору не удалось отыскать необходимых материалов, в которых бы раскрывались взаимосвязи свойств избыточности и недостаточности в воспроизводстве и сохранении биологических, социальных и технических систем, что позволило бы более обстоятельно ответить на поставленные вопросы в данной статье. Поэтому мы ограничимся некоторыми своими общими предположениями по вопросу о внутрисистемных механизмах сохранения способности их саморазвития, что и рассматривается в качестве важнейшего приоритета формирования коэволюционного подхода к преодолению вызовов антропологического кризиса.

А. Гелен подчеркивал недостаточность человека, поскольку он, в отличие от животных, не обладает естественными органами защиты («...от враждебной природы...»), не обладает специализацией и адаптивной привязанностью к конкретным условиям среды жизни как животные. В то же время, будучи неспециализированным, он очень пластичен в своем поведении, способен

комбинировать свои действия и сам приспосабливать природную среду для собственного сохранения [4, с. 169–176]. Содержание этого краткого комментария позволяет понять, что человек недостаточен в своей биологической адаптированности к природной среде в сравнении с животными и одновременно избыточен в своих способностях и действиях (не привязан к какой-то конкретной специализации) по приспособлению среды к потребностям выживания, опять-таки по сравнению с животными. Биологическая адаптивная недостаточность и социально-культурная избыточность по целенаправленному изменению и приспособлению природной среды к потребностям собственного развития составляет ту «вилку» стратегий встраивания человека в мир природы и мир людей, которые явились предпосылкой антропоцентристского мироустройства, недостаточности развития культуры, избыточности ожиданий роста материального потребления, падения престижа знания о единстве и целостности человека и мира, разрушения биосферы и антропологического кризиса. В попытке ответить на вопрос о причинах единства явлений избыточности и недостаточности биологических систем и биосоциальной природы человека мы выдвинули предположение о взаимосвязи свойств избыточности и недостаточности со внутрисистемными тенденциями организации воспроизводства и способности к саморазвитию этих систем. Исходными постулатами предположения явились идеи открытой системы, имеющей вход и выход, способной регулировать свои внутренние связи, в обязательном порядке взаимодействовать с внешней средой, изменять ее организацию, обмениваться с ней, как совокупностью иных систем, веществом, энергией и информацией, восстанавливая свою организацию и способность саморазвития. В порядке продолжения логики интеграции конструктивных идей, направленных на решение поставленной задачи, подчеркнем, что способностью саморазвития обладают системы, «устанавливающие» свою неравновесность по отношению к внешней среде, а такая неравновесность является продолжением внутренней неравновесности вследствие внутренних процессов регуляции обмена веществ, энергии и информации, возникновения их дефицита и соотвествующей внешнеориентированной активности, необходимой с целью генерирования ресурсов для самовосстановления. Цикличность процессов самовоспроизводства, включенная в самоорганизацию и саморазвитие, осуществляется в нерасторжимой взаимосвязи двух основных тенденций изменения системы (ее развития) – упорядочения и разупорядочения, организации и дезорганизации, соединения и распада.

Всякий процесс развития в обязательном порядке, как объективный закон природы, включает обе тенденции этих бинарных оппозиций в их нерасторжимой связи и взаимообусловленности. Их соотношение регулируется как внутренними механизмами системы, так и внешними воздействиями на нее. Если система способна реализовывать доминирование первых сторон приведенных бинарных оппозиций во внутренних отношениях, то она тем самым создает внутреннюю неравновесность как предпосылку активного взаимодействия со средой, собственного воспроизводства и саморазвития. Если же тенденции разупорядочения, регресса преобладают над тенденциями упорядочения, то система разрушается и элиминируется. Все эти тенденции саморазвития биологических, социальных и социоприродных систем являются объективно закономерными. Все они «переживают» множество микрокризисов в результате расходования ресурсов на самовоспроизводство, что обуславливает формирование у них механизмов избыточности для обеспечения поступления новых ресурсов для самовоспроизводства. Если механизмы самовосстановления не могут обеспечить поступление ресурсов и воспроизводство системы, наступает подлинный кризис перехода к доминированию распада, заканчивающийся элиминацией системы. Коэволюция это не только взаимные изменения, но и взаимные их превращения в процессах воспроизводства, усложнения, развития во внутренних и внешних связях. Ни один из механизмов самовоспроизводства, развития биологических и социальных систем, которые рассмотрены выше, коэволюция не исключает, а сохраняет и воспроизводит их как механизмы сохранения и распада во взаимозависимости и взаимообусловленности. Антропологический кризис это и есть либо состояние неопределенности, возникшее в обществе или в жизни человека вследствие некоего неустойчивого равновесия между позитивными и негативными тенденциями, неясность перспективы, либо, что еще хуже, в случае неактуальности и утраты жизненной стратегии под влиянием роста разрушительных явлений. Кризис может возникнуть также в результате нежелания изменять привычный образ жизни, который становится опасным и разрушительным. Все эти проявления характерны для современного антропологического кризиса.

Отметим важнейшие общие элементы внутреннего механизма самовоспроизводства и саморазвития биологических и социальных систем в краткой авторской интерпретации. Все названия частей такого механизма будут начинаться смысловыми обозначениями, указывающими на сохранение способности саморазвития, что и назва-

но приоритетным сюжетом статьи. Самоизбыточность биологических и социальных систем есть их реакция на самонедостаточность, поскольку системы не обладают достаточными ресурсами для самовоспроизводства. Поэтому существует опосредованная реакция предуготовленности, ориентирующая систему на формирование достаточной активности по включению системы в более общие внешние связи для обеспечения отношений с ними как более достаточного основания для самосохранения и саморазвития. Свойство системы преадаптивно ориентироваться на внешнюю активность и принадлежать к большей системной организации реальности, как увеличивающей гарантированность ее воспроизводства и саморазвития, названо нами несамодостаточностью. В результате реализации взаимосвязанного действия этих механизмов активности самоовладения и усвоения внешних ресурсов достигается самовоспроизводство и саморазвитие системы. В этом заключается восходящий коэволюционный механизм, направленный на сохранение системы. Если же разрушается его целостность, то начинается коинволюционный процесс взаимосвязанных явлений распада системы. Антропологический кризис на уровне взаимодействия человека и биосферы складывается в результате значительного избыточного превышения человеческой деятельности, вооруженной техникой, самовосстанавливающих возможностей внутренних коэволюционных механизмов многих биогеоценозов в структуре современной биосферы. Поэтому общие закономерности коэволюционных механизмов самовосстановления биологических и социальных систем в социоприродном взаимодействии должны быть первостепенным приоритетом изучения и внедрения соответствующих знаний в практику вузовского образования.

В этой связи представляют особый интерес исследования о социотехноприродном характере развития жизни.

Э. С. Демиденко подчеркивает важнейшие негативные тенденции (мегатренды) социотехноприродного развития жизни. К ним относятся: «1) коренная и весьма нежелательная смена эволюции жизни на Земле с ее биосферно-биологической эволюции... на социотехнобиологическую; 2) уничтожение биосферно-биотического круговорота веществ и формирование социально-техногенного; 3) разрушение и уничтожение почвенного покрова как основы биосферы и биосферной жизни на Земле; 4) усиление технократизма и техногенности социоприродного прогресса, что приводит к деградации биосферы; 5) глобальная трансформация человека, порожденного биосферой и общественным прогрессом» [5, с. 75–76]. В работах Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачевой осуществляется

плодотворный поиск и предлагаются определенные меры сохранения биосферы и человека, который сформирован биосферой и социализирован обществом. Поскольку продолжается гибель биосферы под воздействием экспансионистского развития социотехнической системы, то, в особенности, весьма актуальной является настоятельная рекомендация о необходимости консолидации усилий всех правительств, экономических субъектов, партий и общественных объединений «...для упрочения биосферной жизни» и «решения острых экологических проблем» [6, с. 13, 14].

В. С. Степин раскрывает три важнейших аспекта антропологического кризиса современной цивилизации. Во-первых, это проблема воспроизводства и сохранения генетического аппарата человека в условиях все большего загрязнения среды, что обуславливает рост количества вредных мутаций и наследственных заболеваний в мире, разрушение генома человека. Во-вторых, резко и значительно усложняется механизм адаптации человека к изменениям социальной среды, ее усложнению. Человек оказывается в условиях перманентного интенсивного нарастания скорости различных изменений в современной цивилизации и должен быть их участником, чтобы выжить. Тем самым обнаруживаются ограниченные адаптивные возможности его нервной системы. Его травмируют непрерывные стрессы и депрессивные состояния, а прием соответствующих лекарственных препаратов ради достижения успехов в жизни, вызывает ослабление и потерю памяти, повреждение мозга. В-третьих, наиболее значимым аспектом антропологического кризиса, в соответствии с оценкой В. С. Степина, выступают тенденции и соображения по переконструированию биологической основы человека, что связано с вмешательством в его геном, чревато рисками и непредсказуемыми последствиями, искажающими другие человеческие свойства. К тому же следует учесть, что культура, социальное бытие человека связаны с биологическими предпосылками, а поэтому вмешательство в геном может вызвать негативные изменения человеческой духовности [7, с. 22–23].

В. С. Степин формулирует обобщающие выводы и прогнозы относительно антропологического кризиса и нестабильности в обществе. Их сущность заключается в том, что риски антропологического кризиса на текущей стадии развития

цивилизации являются взаимосвязанными и взаимозависимыми, а также имеет место системное взаимодействие между локальными и глобальными рисками, которые усиливают друг друга, и это может закончиться катастрофой для человечества. Поэтому чтобы предотвратить такого рода угрозу, требуется изменить стратегию жизни человека и общества на основе выработки новых ценностных ориентиров, формирование нового мировоззрения, направленных на обеспечение перехода к новому типу цивилизационного развития. Одна из таких точек роста – социально-этическая регуляция научно-технических программ и проектов [7, с. 30].

Заключение. Приоритетным направлением формирования перспективного путей преодоления вызовов антропологического кризиса является изучение механизмов, обуславливающих способность саморазвития биологических и социальных систем с учетом их взаимодействия. С этой целью на основе единства диалектического, синергетического и коэволюционного подходов выявлены внутрисистемные и межсистемные сопряжения тенденций самовоспроизводства биологических и социальных систем как открытых и неравновесных в их относительно автономном существовании и в организации межсистемных взаимодействий. Раскрыта роль и последствия избыточной активности человека и общества в вещественном, энергетическом и информационном отношениях в контексте необходимости соблюдения принципа обеспечения способности саморазвития экосистем и биосферы с целом. Выявлен внутрисистемный коэволюционный механизм самосохранения, воспроизводства и саморазвития биологических и социальных объектов, включающий взаимосвязанные тенденции, выраженные в терминах «самонедостаточность», «несамодостаточность», «самоизбыточность», «самовосстановление». Предложено объяснение условий и причин антропологического кризиса, важнейшими из которых являются разрушение самовоспроизводящих механизмов, прекращение саморазвития биологических и социальных систем, включая и их взаимодействие на различных уровнях существования. Предлагается разрабатывать основы знаний о единых законах развития биосферы и общества и включать такие знания в образовательную подготовку студентов вузов.

Список литературы

1. Пучковский С. В. Избыточность живых систем: понятие, определение, формы, адаптивность // Журнал общей биологии. 1999. Т. 60, № 6. С. 642–653.
2. Даренский В. Ю. Социальная избыточность высшего образования: ресурс развития или фактор деструктивности? // Гуманитарный вектор. Сер.: Педагогика, психология. 2015. № 1 (41). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-izbytochnost-vysshego-obrazovaniya-resurs-razvitiya-ili-faktor-destruktivnosti> (дата обращения: 18.11.2022).

3. Даймонд Дж. Кризис. М.: Изд-во АСТ, 2020. 544 с.
4. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
5. Демиденко Э. С. Мегатренды в социоприродном развитии мира и в трансформации биосферной жизни // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 6. С. 69–78.
6. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Глобальная гибель биосферы и поиск путей сохранения биосферной жизни // Вестник Московского университета. Сер. 27, Глобализация и геополитика. 2021. № 2. С. 3–19.
7. Данилов А. Н., Андреева И. Н., Мелешкевич Е. Э. Материалы круглого стола «Человек в обществе риска» // Социология. 2013. № 1. С. 4–30.

References

1. Puchkovskiy S. V. Redundancy of living systems: concept, definition, forms, adaptability. *Zhurnal obshchey biologii* [Journal of General Biology], 1999, vol. 60, no. 6, pp. 642–653 (In Russian).
2. Darenskiy V. Yu. Social redundancy of higher education: a resource for development or a factor of destructiveness? *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian vector], series: Pedagogy, Psychology, 2015, no. 1 (41). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-izbytochnost-vysshego-obrazovaniya-resurs-razvitiya-ili-faktor-destruktivnosti> (accessed 18.11.2022) (In Russian).
3. Daymond Dzh. *Krizis* [A crisis]. Moscow, AST Publ., 2020. 544 p. (In Russian).
4. Gelen A. On the systematics of anthropology. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988. 552 p. (In Russian).
5. Demidenko E. S. Megatrends in the socio-natural development of the world and in the transformation of biospheric life. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 2015, vol. 6, pp. 69–78 (In Russian).
6. Demidenko E. S. Dergacheva E. A. Global death of the biosphere and the search for ways to preserve biospheric life. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], series 27, Globalization and geopolitics, 2021, no. 2, pp. 3–19 (In Russian).
7. Danilov A. N., Andreeva I. N., Meleshkevich E. E. Materials of the round table “Man in risk society”. *Sotsiologiya* [Sociology], 2013, no. 1, pp. 4–30 (In Russian).

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: bmp49@bk.ru

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bmp49@bk.ru

Поступила 28.11.2022

УДК 141.319.8+101.1:316

А. С. Чарвінскі

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

**НАРМАТЫЎНЫЯ ПРЫНЦЫПЫ Ў СТРУКТУРЫ КОМПЛЕКСНАЙ АЦЭНКІ
ЯКАСЦІ НАВАКОЛЬНАГА АСЯРОДДЗЯ**

Наяўнасць вялікай колькасці рознааспектных крытэрыяў якасці навакольнага асяроддзя традыцыйна стварае сітуацыю ацэначнай раз'яднанасці і, як следства, практычнай неэфектыўнасці розных метадык. Укараненне ў працэдуру ацэнкі прынцыпу іерархічнай узаемазалежнасці ў значнай ступені садзейнічае пераадоленню несумяшчальнасці ацэначных метадык і фарміраванню комплекснага крытэрыя, здольнага з дастатковай эфектыўнасцю выконваць экалагічна-наарматыўныя функцыі з улікам узроўню сацыяльна-прыроднай аптымальнасці рэальнай экалагічнай сітуацыі.

Ключавыя словы: якасць навакольнага асяроддзя, ацэначныя прынцыпы, сацыяльна-экалагічныя крытэрыі, антропны прынцып, прынцып пірамідальнасці, прынцып іерархіі, прынцып якасна-колькаснай спалучанасці.

Для цитування: Чарвінскі А. С. Нарматыўныя прынцыпы ў структуры комплекснай ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 103–107.

A. S. Chervinsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**NORMATIVE PRINCIPLES IN THE STRUCTURE OF COMPREHENSIVE
ENVIRONMENTAL QUALITY**

The presence of a large number of various environmental quality criteria traditionally creates a situation of evaluative disunity and, as a result, the practical inefficiency of various methods. The introduction of the principle of hierarchical interdependence into the assessment procedure to a large extent contributes to overcoming the incompatibility of assessment methods and the formation of a complex criterion capable of performing environmental and regulatory functions with sufficient efficiency, taking into account the level of socio-natural optimality of the real environmental situation.

Keywords: environmental quality, evaluation principles, socio-ecological criteria, anthropic principle, pyramidal principle, hierarchy principle, qualitative-quantitative contingency principle.

For citation: Chervinsky A. S. Normative principles in the structure of comprehensive environmental quality *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022. no. 2 (246), pp. 103–107 (In Belarusian).

Уводзіны. Эфектыўнасць комплекснай ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя забяспечваецца наяўнасцю ў яе структуры нарматыўна-ацэначных прынцыпаў. Такія прынцыпы павінны валодаць канкрэтнасцю, што забяспечвае іх прыкладное выкарыстанне; рэпрэзентатывнасцю, якая дазваляе выказаць сукупнасць розных метадаў ацэнкі; прагнастычнасцю ў ацэнцы дынамікі сістэм, якія развіваюцца. У гэтых адносінах трэба адзначыць работы В. К. Лукашэвіча [1]. У даследаванні праблемы фарміравання структуры ацэначных прынцыпаў вялікае значэнне маюць работы прадстаўнікоў натуральна-навуковых дысцыплін (В. І. Парфёнаў, Л. В. Хатылёва, В. К. Саўчанка і інш.). Такія навуковыя распрацоўкі, арыентаваныя на апісанне спецыфічных праяў забруджвальнікаў у экалагічных сістэмах,

спрыяюць нарматыўнаму апісанню экстрэмальнасці ў сістэмнай арганізацыі біягеацэнозаў, з наступным выяўленнем ролі ацэначных прынцыпаў.

Мэта працы – філасофска-метадалагічная распрацоўка асноў сістэмы ацэначных прынцыпаў, закліканых да нарматыўнага вызначэння дынамікі антрапагенных пераўтварэнняў у сістэме сацыяльна-прыродных адносін.

Асноўная частка. Структурна і функцыянальна дастатковы комплекс метадалагічных прынцыпаў, якія адпавядаюць пералічаным патрабаванням, можа быць прадстаўлены ў наступным выразе: прынцып якасна-колькаснай спалучанасці ацэначных паказчыкаў; прынцып антропнай залежнасці, асабліва ў дачыненні да штучных біягеацэнозаў; прынцып іерархіі ў комплексных экалагічных ацэнках;

прынцып пірамідальнасці ацэначнай структуры з прыярытэтам медыка-біялагічных крытэрыяў у экалагічна экстрэмальных рэгіёнах.

Прынцып якасна-колькаснай спалучанасці ў сацыяльнай экалогіі закліканы выканаць складаную ў метадалагічным стаўленні функцыю карэляцыі рознапарадкавых, але адначасова ўзаемазалежных велічынь.

Суадноснасць экалагічных характарыстык першапачаткова дапускае пэўную ўзаемную адаптацыю з магчымым змяненнем структурнай упарадкаванасці ацэначных крытэрыяў. Па меры іх узаемага збліжэння крытэрыі набываюць рысы якаснай агульнасці, што з'яўляецца неабходнай перадумовай для іх наступнай аграгацыі.

Якасная ацэнка пачынаецца з выяўлення структурных асаблівасцяў аб'екта і наступнымі вызначэннямі функцыянальных характарыстык. Таму канцэптуальнае апісанне працэсу павінна быць вытрымана ў такой жа паслядоўнасці, г. зн. функцыянальныя змены ў сістэме сацыя-прыродных адносін павінны быць вызначаны як другасныя, вытворныя ад структурных пераўтварэнняў. Адначасова, у адпаведнасці з філасофскай традыцыяй, пераўтварэнні ў сістэме экалагічных адносін выяўляюцца як колькасныя, якія паддаюцца лічбавай інтэрпрэтацыі [1, с. 141].

Такім чынам, антрапагенныя пераўтварэнні структурна-функцыянальнай арганізацыі экалагічных комплексаў могуць ацэньвацца як якасна-колькасныя змены, якія адбываюцца па прыцыпе прычынна-следчай узаемазалежнасці.

Аналіз прычынна-следчай залежнасці паміж структурнымі і функцыянальнымі зменамі ў сістэме «чалавек – прырода» складае істотны аспект ацэначнай працэдуры, ажыццёўленай у адпаведнасці з сацыяльнымі крытэрыямі якаснасці асяроддзя. Антрапагенна ператворанае асяроддзе, якое страціла традыцыйны біягеаэкалагічны статус, у ацэначнай структуры павінна быць прадстаўлена ў дыферэнцаваным выразе, г. зн. субстанцыйныя змены павінны тлумачыцца як якасныя, якія адлюстроўваюць значнасць новага ў сістэмнай арганізацыі біяцэнозу, а атрыбутыўныя, у сваю чаргу, як вытворныя, якія выказваюць колькасную прадстаўленасць фактару. Ацэначная спалучанасць двух гэтых аспектаў фактару (прадстаўленасці і значнасці) дазваляе дабіцца дастаткова адекватнага адлюстравання экалагічнай сітуацыі, якая склалася ў ацэнцы якасці навакольнага асяроддзя.

Прынцып антропнай залежнасці ў сістэме сацыяэкалагічных ведаў служыць узорам эфектыўнасці ўзаемадзеяння філасофіі з практыкай

прыватна-навуковага аналізу, пры якім традыцыйны ў філасофскай праблематыцы аб'ект даследавання – дынаміка суб'ектна-аб'ектных адносін – набывае спецыфічную форму антрапаэкалагічнай праблемы [2, с. 235].

Пры абгрунтаванні месца антропнага прынцыпу ў сістэме экалагічнай ацэнкі важнае значэнне мае вызначэнне ролі антрапагеннага фактару ў арганізацыі сістэмнай цэласнасці біясферных утварэнняў, падтрыманні ў іх стану дынамічнай сацыяпрыроднай раўнавагі і забеспячэнні неабходнай для нармальнай жыццядзейнасці якасці прыроды пасялення.

Існуе праблема залежнасці якасці навакольнага асяроддзя ад ступені структурна-функцыянальнай узаемнай адаптаванасці як сацыяльнай, так і ўласнай прыроднай кампаненты сістэмы «чалавек – прырода». Відавочна, што ўмовы сацыяпрыроднай узаемнай адаптацыі на ўзроўні акультуранага прыроднага асяроддзя, якое ўключае аграцэнозы, штучныя вадаёмы і іншыя культурныя экасістэмы, прыцыпова адрозніваюцца ад умоў, якія рэалізуюцца на ўзроўні ўзаемадзеяння з натуральнымі біякомплексамі: лясным біятопам, рачной аквасістэмай і г. д., таму ў комплекснай ацэнцы павінна ўлічвацца спецыфіка вызначэння якасці навакольнага асяроддзя ў залежнасці ад ступені антрапагеннай абумоўленасці бягучых працэсаў [3, с. 35].

Сучасныя кампаненты прыроднага асяроддзя на планеце (за выключэннем асобных, фактычна ўнікальных высакагорных, палярных, астраўных і іншых участкаў) не могуць быць прызнаны безумоўна натуральнымі, і таму наяўнасць антрапагеннага фактару ў структуры біяцэнозу, яго роля (як дэструктыўная, так і канструктыўная) у забеспячэнні структурна-функцыянальнай арганізацыі канкрэтнай экалагічнай сістэмы павінны быць уключаны ў якасці рэгулятыўнага прынцыпу ў ацэначную працэдуру.

Роля антрапагеннага фактару ў дэструктыўных працэсах шырока асветлена ў літаратурных крыніцах і мае дастаткова поўнае адлюстраванне ў канцэптуальных, дысцыплінарных, навукова-прагнастычных варыяцыях, але адваротны бок, г. зн. функцыя пазітыўнага ўдзелу чалавека ў дынаміцы развіцця біясферных кампанентаў, да гэтага часу не стала, насуперак канцэптуальным палажэнням вучэння аб наасферы У. І. Вярнадскага, прадметам сур'ёзнай тэарэтыка-метадалагічнай інтэрпрэтацыі. Мабыць, гэты недахоп павінен быць пераадолены ў працэсе распрацоўкі метадалогіі ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя ў сувязі з судзіненнем крытэрыяў аптымальнасці экалагічнай сітуацыі з ацэначнымі паказчыкамі

рэабілітацыйных працэсаў ва ўмовах постава-
рынай дэградацыі якасці прыроднага асярод-
дзя пражывання жыхароў Беларусі.

Задача карэляцыі двух узроўняў ацэнкі: са-
цыяльнага, які вызначае якасны ўзровень
рэабілітацыйнага, г. зн. аднаўляе нормы са-
цыяльна-прыроднага ўзаемадзеяння, працэсу, і
біягеаэкалагічнага, што абапіраецца на ком-
плекс крытэрыяў, якія не маюць непасрэднага
стаўлення да чалавека (ступень відавочнай раз-
настайнасці, збалансаванасць трафічных сувя-
зў, экалагічная пластычнасць відаў і г. д.)
[4, с. 201], эфектыўна можа быць вырашана
толькі ў выпадку прыцягнення да ацэнчнай
працэдуры антропнага прынцыпу як тэарэтыч-
най асновы.

Прынцып іерархіі якасных характарыстык
адлюстроўвае супадпарадкаванасць канцэпту-
альных блокаў, дазваляе пераадолець аднамер-
насць ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя
і пэўную бесструктурнасць у тэарэтычным
адлюстраванні гэтага сацыяэкалагічнага фе-
номену.

Дыферэнцыяцыя па прынцыпе іерархіі
дазваляе ажыццявіць падзел цэласнай структу-
ры на элементы з вылучэннем узроўняў
супадпарадкаванасці ў двух кірунках: цэн-
тралізацыі, з характэрнай для гэтай формы
функцыянальнай агульнасцю вылучаемых
узроўняў, і дэцэнтралізацыі, якая мае на ўвазе
функцыянальную супрацьлегласць узроўняў у
ацэнчнай структуры.

Цэнтралізаваная форма дапускае агульна-
мэтавую функцыянальную сувязь, якая выказ-
вае шматузроўневы характар ацэнкі прыро-
дазнаўчага працэсу. Якасць навакольнага
асяроддзя ў такіх выпадках ацэньваецца ў адпа-
веднасці з унітарнай пазіцыяй, што, безумоўна,
змяшчае элемент унутранай супярэчнасці.

Значна больш перспектывы мае дыферэн-
цыяцыя ацэнчных узроўняў па прыкмеце
дэцэнтралізацыі. Такі падыход не абцяжараны
першапачаткова адзінай мэтавай зададзенасцю
ацэнчнай працэдуры і прадстаўлены большай
функцыянальнай варыябельнасцю. Іерархія
ўзроўняў па прыкмеце дэцэнтралізацыі не можа
быць звязана да дыферэнцыяцыі роўнапа-
стаўленых элементаў, бо яна ўяўляе сабою
прыватны выпадак падзелу цэлага на часткі, з
той асаблівасцю, што элементамі цэлага высту-
паюць функцыянальна незалежныя адзін ад
аднаго аспекты якасці асяроддзя [5, с. 163].

Відавочна, што ацэнка экалагічна экстрэ-
мальнага рэгіёнаў дапускае больш цвёрдую
іерархію ацэнчных крытэраў, а аптымальнасць,
у сваю чаргу, дапускае для свайго апісання
параўнальна мяккую іерархію, бліжэйшую па
сваёй форме да гарызантальнага выразу.

У межах разгледжаных абмежаванняў у
структурылізацыі феномену якасці наваколь-
нага асяроддзя можа быць прапанавана схема
рэалізацыі выкладзенага прынцыпу, якая ўліч-
вае не толькі мэтавую накіраванасць ацэнчнай
працэдуры, што складае яе суб'ектны аспект,
але і сукупнасць аб'ектных, уласна прырод-
ных перадумоў адэкватнай ацэнкі экалагічнай
сітуацыі.

Збалансаванасць паміж прыроднымі і са-
цыяльнымі працэсамі выступае асноўнай умо-
вай экалагічнай аптымальнасці, таму ў ацэнцы
якасці навакольнага асяроддзя пры выбары
канкрэтнага варыянта ацэнчнай іерархіі заўсё-
ды павінен прысутнічаць крытэрыі сацыяльна-
прыроднай карэляцыі, заснаваны на прызнанні іх
функцыянальнай агульнасці.

У ацэнчнай іерархіі якасных характа-
рыстык экстрэмальнага прыроднага асяроддзя
прынцыпова прыярытэтнымі з'яўляюцца меды-
ка-біялагічныя крытэрыі, але яны не вычэр-
пваюць усёй паўнаты ацэнчнай структуры.
Часта прыярытэтнымі крытэрыямі выступаюць
эканамічныя ацэнкі рэсурснага патэнцыялу, а
экалагічныя паказчыкі са стратай ацэнчнай
значнасці ператвараюцца ў дадатковыя, вы-
творныя ад эканамічных, са значным скарачэн-
нем сферы іх функцыянальнай арганізацыі да
ўзроўня ацэнкі рэкрэацыйных патэнцый пра-
мыслова эксплуатаемага экакомплексу (ва ўмо-
вах Беларусі, як правіла, ляснога).

Змена ацэнчных прыярытэтаў звязана не са
змяненнем аб'екта ацэнкі (ім ва ўсіх выпадках
застаецца стан прыроднага асяроддзя пражы-
вання), а з дынамікай суб'ектна-аб'ектных са-
цыяльна-прыродных адносін.

Відавочна таксама, што для эфектыўнай
ацэнкі экалагічнай сітуацыі неабходна іерархія
нарматыўных фактараў у залежнасці ад накіра-
ванасці ацэнчнай працэдуры, і прынцып
іерархіі, які прадугледжвае дыферэнцыяцыю
паказчыкаў якасці навакольнага асяроддзя па
ступені іх сацыяэкалагічнай значнасці, мае
вялікае значэнне.

*Прынцып пірамідальнасці ацэнчнай
структуры* можа быць прадстаўлены як пры-
ватны выпадак, вытворны ад прынцыпу іерархіі
якасных характарыстык, які рэалізуецца ва
ўмовах страты сацыяльна-прыроднай аптымальнасці
і ўзнікнення экалагічнай пагрозы.

У экалагічна экстрэмальных умовах піра-
мідальны комплекс крытэрыяў павінен скласці
пэўнае канцэптуальнае адзінства ацэнчнага
ўспрымання навакольнага асяроддзя, таму
патрабаванне цэнтралізацыі ўзроўняў ацэнкі
з'яўляецца адной з вызначальных умоў пісь-
менна ажыццёўленай іерархізацыі фактараў
ацэнкі.

Іншай асаблівасцю пірамідальнай ацэначнай структуры з'яўляецца яе сацыяэкалагічная нарматыўнасць, г. зн. дынамічная залежнасць вастрыні пірамідальнага пабудовы ад тэмпаў і характару экалага-рэабілітацыйных працэсаў, якія адбываюцца.

Трэцяй акалічнасцю, якая вызначае спецыфічнасць пірамідальнай структуры крытэрыяў, з'яўляецца яе часовы характар, абмежаваны тэрмінам захавання экстрэмальнасці асяроддзя пасялення.

Пірамідальнасць ацэначнай структуры дае магчымасць пераадолюваць функцыянальную дыферэнцыяцыю кожнага з нарматыўных узроўняў і садзейнічае іх канцэптуальнай агульнасці, што ў значнай ступені спрыяе працэсу агрэгаванні экалагічных фактараў па прыкмеце мэтавага прызначэння.

Функцыянальная і мэтавая агульнасць усяго ацэначнага комплексу дазваляе прадставіць яго адзіным нарматыўным блокам, структураваным па прыкмеце прычынна-следчай залежнасці адбіваных у канцэптуальнай схеме сацыяпрыродных працэсаў. Дыферэнцыяцыя выдзеленых узроўняў у комплекснай ацэнцы экстрэмальнай якасці навакольнага асяроддзя звязана з іх спецыялізацыяй, г. зн. наяўнасцю ўласнай ацэначнай функцыі, што, безумоўна, утрымлівае патэнцыі міжузроўневай канфліктнасці як па працэдурных падставах, так і па структурных.

Такая супярэчнасць з'яўляецца ўнутраным, першапачаткова ўласцівым любой пірамідальнай структуры ацэнкі, і, відаць, адзіны эфектыўны спосаб пераадолення канфліктнасці – гэта штучнае пераразмеркаванне ацэначных акцэнтаў у працэдуры інтэрпрэтацыі экалагічнай сітуацыі экстрэмальных рэгіёнаў. У комплекснай сістэме ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя роля эканамічных, эстэтычных, біягеаэналагічных і іншых крытэрыяў павінна быць штучна заніжана на карысць медыкабіялагічных. У практыцы сацыяльнага прыродакарыстання гэтае патрабаванне можа мець наступныя рэальныя ўвасабленні: радыеактыўна забруджаны, які не адпавядае патрабаванням экалагічнай бяспекі, прыродны кампанент павінен быць прымусова выведзены з сістэмы прыроднага асяроддзя чалавека; радыеактыўна-пашкоджаныя жывёлы павінны адстрэльвацца з наступным пахаваннем і пісьмовым афармленнем, а эстэтычна высака якасны ландшафт на тых жа падставах павінен быць

заараны з перанясеннем верхняга пласта, змешчае радыёнуклідны, на глыбіню не менш за 30 см у гліністых глебах і на глыбіню экалагічна бяспечнага дэпанавання ў суглінкавых тарфяных глебах.

Для ацэнкі стану сістэм сацыяльнай інфраструктуры трэба кіравацца сукупнасцю супастаўных паміж сабою уяўленняў пра структуру прыроднага і штучнага паходжання [6, с. 287]. Пры гэтым мае сэнс інтэрпрэтаваць агрэгаваныя фактары, што значна памяншае верагоднасць пераацэнкі аднаго класа фактараў у складанай структуры іх узаемаадносін. Агрэгацыя дазваляе падзяліць складана арганізаваны фактар на элементы і пасля мадальнай ацэнкі кожнага з іх фармаваць канцэптуальныя блокі, аб'яднаныя ўзаемазалежнасцю.

Заклучэнне. Галоўныя высновы могуць быць прадстаўлены ў наступным выразе:

- для фарміравання цэласнай карціны экалагічнага стану навакольнага асяроддзя неабходна апераваць прынцыпамі, якія адлюстроўваюць не толькі структурную сувязь элементаў апісванай з'явы, але і функцыянальны характарыстыкі з улікам перспектывы сацыяпрыродных сувязяў;

- экалагічная ацэнка навакольнага асяроддзя пастаянна павінна рабіцца адраснай выявай, у інтарэсах якой-небудзь функцыянальнай сферы: якасна – няякасна ў рэкрэацыйным, вытворчым, эстэтычным і г. д. У гэтым стаўленні прадуктыўны прынцып якасна-колькаснай спалучанасці паказчыкаў;

- прынцып іерархіі і асабліва вытворны з яго прынцып пірамідальнасці ацэначнай структуры найбольш эфектыўныя ў выпадку аналізу экалагічна экстрэмальнай сітуацыі;

- прынцып антропнай залежнасці вызначае межы магчымага антрапагеннага ўздзеяння на прыроднае асяроддзе, бо паказчык якасці асяроддзя не можа быць безадносным да дынамікі сацыяльнага кампанента.

Сферай прымянення комплексу прынцыпаў могуць стаць тэорыя і практыка аптымізацыі сацыяпрыродных адносін. Магчымасці практычнага прымянення комплексу прынцыпаў абумоўлены тым, што ён павінен быць пластычным і дапускаць магчымасці ўзрастання і памяншэння фактараў ацэнкі. Такім чынам, прыцягненне выкладзеных прынцыпаў заўсёды выступае своеасаблівым кампрамісам, часовым і адносным.

Спіс літаратуры

1. Лукашевич В. К. Философия и методология науки: учеб. пособие. Минск: Современная школа, 2006. 320 с.
2. Ващекин Н. П., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2002. 320 с.

3. Колчинский Э. И. Эволюционный процесс в современной биосфере // Философские науки. 2000. № 1. С. 34–37.
4. Водопьянов П. А. Устойчивость динамики биосферы. Минск: Наука и техника, 1981. 246 с.
5. Широканов Д. И. // Академик Широканов Дмитрий Иванович: философия, методология, познание. Минск: Право и экономика, 2016. 757 с.
6. Вернадский В. И. Избранные труды по биогеохимии. М.: Мысль, 1967. 376 с.

References

1. Lukashevich V. K. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Minsk, Sovremennaya shkola Publ., 2006. 320 p. (In Russian).
2. Vashchekin N. P., Muntyan M. A., Ursul A. D. *Globalizatsia i ustoychivoye razvitie* [Globalization and sustainable development]. Moscow, MGYK Publ., 2002. 320 p. (In Russian).
3. Kolchinsky E. I. Evolutionary process in the modern biosphere. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences], 2000, no. 1, pp. 34–37 (In Russian).
4. Vodop'yanov P. A. *Usotoychivost' dinamiki biosfery* [Stability of biosphere dynamics]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1981. 246 p. (In Russian).
5. Shirokanov D. I. *Akademik Shirokanov Dmitriy Ivanovich: filosofiya, metodologiya, poznanie* [Academician Shirokanov Dmitry Ivanovich: philosophy, methodology, knowledge]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2016. 757 p. (In Russian).
6. Vernadsky V. I. *Izbrannyye trudy po biogeokhimii* [Sel. wr. on biogeochemistry]. Moscow, Mysl' Publ., 1967. 376 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Чарвінскі Аляксандр Сяргеевіч – кандыдат філасофскіх навук, старшы навуковы супрацоўнік Аддзела сацыяльнай экалогіі і біяэтыкі. Інстытут філасофіі Нацыянальнай Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь (220072, г. Мінск, вул. Сурганава, 1/2, Рэспубліка Беларусь). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Information about the author

Chervinsky Alexander Sergeevich – PhD (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Пастыніў 15.04.2022

УДК 355.01

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь

МЕНТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

В условиях усиления геополитического противоборства возрастает роль системы национальной безопасности. Враждебные действия в отношении государства имеют комплексный характер. Деструкция касается всей социальной системы. Учитывая значение информации и научных знаний для человека, геополитические противники наращивают противоборство в духовно-мировоззренческой сфере. Подчинение государства-жертвы воле агрессора достигается посредством разрушения сознания личности, общества, оккупацией национального информационного и ментального пространств. Этот вид насилия – ментальная война. Обеспечение защиты государства от нее определяется ментальной безопасностью. Выявлена сущность ментальной войны, основной закон, направления и принципы ее ведения. Акцентируется, что ментальная агрессия как продолжение политики субъекта агрессии – это форма неклассической войны, главной «мишенью» которой является цивилизационная, духовно-мировоззренческая составляющая страны-жертвы. Дано определение ментальной безопасности, актуализированы основные угрозы ей и предложено включить ее в гуманитарную составляющую национальной безопасности. Важно формировать у личности и социума ментальную культуру, сосредоточив основные усилия на системе образования и воспитания молодежи. Целесообразно готовить специалистов для ведения противоборства в интеллектуально-смысловой сфере. Ментальная война трансформируется в ноосферное противоборство и выступает как своеобразный вызов философской науке, способной сформировать ментальный иммунитет. В интересах ментальной безопасности государства необходимо усиливать роль науки, системы образования и воспитания, базирующихся на культуре нации. Только высокоинтеллектуальный и нравственно здоровый социум способен противостоять ментально-политическим вирусам и операциям ментальной войны, а значит, системно обеспечить национальную безопасность государства в ментальном отношении.

Ключевые слова: Беларусь, национальная безопасность, человек, сознание, мировоззрение, ментальная война, ментальная безопасность, культура.

Для цитирования: Ксенофонов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 108–113.

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus

MENTAL SECURITY OF THE STATE

The role of national security system increases in the context of increasing geopolitical confrontation. Hostile actions against the state are of a complex nature. Destruction concerns the entire social system. Given the importance of information and scientific knowledge for a man, geopolitical adversaries increase confrontation in the spiritual and philosophical sphere. The subordination of the victim-state to the will of the aggressor is achieved through the destruction of the consciousness of individuals, society, the occupation of national information and mental spaces. This type of violence is a mental warfare. Ensuring the protection of the state from it is determined by mental security. The essence of mental warfare, the basic law, directions and principles of its conduct is revealed. It is emphasized that mental aggression as an extension of the policy of the subject of aggression is a form of non-classical war, where the main “target” is the civilizational, spiritual and philosophical component of the victim country. A definition of mental security is given, the main threats to it are actualized, and it is proposed that it be included in the humanitarian component of national security. It is important to form a mental culture of the individual and society, focusing the main efforts on the system of education and upbringing of young people. It is advisable to train specialists to conduct confrontation in the intellectual and semantic sphere. The mental war is transformed into a noosphere confrontation and acts as a kind of challenge to philosophical science, capable of forming a mental immunity. In the interests of state mental security it is necessary to strengthen the role of science, the system of education and upbringing, based on the culture of the nation. Only a highly intelligent and morally healthy society is able to resist the mental-political viruses and mental warfare operations, and thus systematically ensure the national security of the state mentally.

Keywords: Belarus, national security, man, consciousness, worldview, mental war, mental security, culture.

For citation: Ksenofontov V. A. Mental security of the state. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 108–113 (In Russian).

Введение. В условиях усиления геополитического давления государствами Запада на Республику Беларусь многократно возрастает роль системы национальной безопасности (далее – НБ) и всех ее составляющих. Враждебные действия в отношении республики имеют комплексный характер и осуществляются по различным направлениям: политико-дипломатическое, финансово-экономическое, информационно-идеологическое, военно-силовое и др. Деструктивное воздействие касается всей социальной системы и отдельной личности как ее субстанции.

Безусловно, определяющая роль в системе НБ принадлежит человеку, который обладает определенными духовно-мировоззренческими установками, действует сообразуясь с национальными интересами или вопреки им.

Учитывая ключевое значение информации и научных знаний для личности и социальных систем, определяющих их целесообразную социальную деятельность, геополитические противники существенно наращивают противоборство в духовно-мировоззренческой сфере.

Стратегическая цель данного вида насилия заключается в разрушении мировоззрения, цивилизационных основ страны, смене идентичности общества, лишении суверенитета и подчинение государства-жертвы воле страны-агрессора. Цель достигается посредством разрушения сознания отдельной личности, социальных образований, оккупацией национально-го информационного и ментального пространств. Этот вид насилия получил название ментальная война (далее – МВ). Поэтому сознание и мировоззренческая сфера человека, социальных образований являются главной мишенью в ментальном насилии (МВ), а *антропосфера выступает важнейшим театром современной войны* [1].

Определение способов противостояния ментальному насилию и обеспечение защиты национальных интересов в ментальном противоборстве (ментальная безопасность) является задачей статьи.

Основная часть. В целях обеспечения ментальной безопасности (далее – МБ) республики важно определиться с основными категориями: МВ (агрессия), основные направления и принципы ведения МВ. Это позволит разрешить противоречие между указанным типом насилия и сохранением безопасных условий развития государства, т. е. обеспечить МБ.

Ряд российских ученых рассматривали проблему МБ в различных аспектах: И. Л. Мионов, С. С. Никитина, Н. А. Коровникова, И. Н. Караваев, А. М. Ильницкий [2–5]. В республике исследований МБ в прямой постановке не проводилось.

Подчеркнем, что в условиях ведения глобальной гибридной войны (А. Бартош) западные стратеги широко используют технологии невоенного подчинения государства-жертвы собственным геополитическим целям. Одной из эффективных технологий и является МВ.

По нашему мнению, **МВ** – это высшая разновидность (форма) конфликта между социальными субъектами, ведущегося в информационной и духовно-мировоззренческой сферах противоборствующими сторонами, связанного с применением интеллектуально-психологического насилия на противника в интересах разрушения его мировоззренческого ядра и системы духовно-нравственных ценностей, со сменой его идентичности. Другими словами, это крайняя форма экзистенциального конфликта, в которой победа достигается путем уничтожения культурных ценностей противоборствующей стороны. Теряя собственную идентичность, поверженная сторона приобретает иную.

Таким образом, *ментальная агрессия* – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социального образования является предметом замены или духовной оккупации. Другими словами, *МВ – это форма неклассической войны, в которой главной «мишенью» является цивилизационная, духовно-мировоззренческая составляющая страны-жертвы.*

МВ в отношении государства-жертвы ведется системно, противник воздействует на основные элементы обеспечения жизнедеятельности общества и государства. Это неоявная, скрытая агрессия, в которой основным «оружием» являются информация и знание. МВ носит тотальный характер, воздействует как на информационное, образовательное поле, «так и на сферу чувств, эмоций и настроений населения страны – жертвы агрессии» [5, с. 28].

По мнению ученого Ильницкого А. М., технологии МВ включают *информационную и психоэмоциональную составляющие* [5, с. 28]. В первой составляющей осуществляется комплексное переформатирование информационного

пространства, а во второй – навязывание своей воли путем захвата и манипуляции сознанием.

Авторская позиция заключается в том, что основными направлениями воздействия страны-агрессора на человека и социальные общности в ходе ведения МВ являются:

- *цивилизационное*, основной предмет оперирования (разрушения и смены) которого – духовно-нравственные и религиозные ценности, являющиеся базисом духовной культуры социальной системы;

- *философско-методологическое*, меняющее философские доктрины и предполагающее смену философско-мировоззренческого ядра как основы для теоретического и практического социального действия, а также установки и ценностные ориентиры людей, формирующих своеобразие социума;

- *научное*, направленное на искажение научных знаний и замену их псевдонаучными теориями и различными «верованиями»;

- *геополитическое, политическое и идеологическое*, внедряющее иные политические и идеологические традиции, нормы, принципы, базирующиеся на интересах геополитических агрессоров, направленное на деструкцию страны – жертвы агрессии;

- *экономическое*, имеющее целью снижение экономического потенциала страны – объекта агрессии, включение ее в зону своих интересов (своеобразное паразитирование);

- *технологическое и техническое*, направленное на неоспоримое лидерство страны-агрессора и установление явной зависимости страны-жертвы в технике и технологиях;

- *образовательное*, предполагающее целенаправленное воздействие на систему образования страны-жертвы в интересах резкого снижения ее интеллектуального потенциала до критической черты, способствующей социальному скатыванию на обочину истории;

- *историческое*, обеспечивающее смену истории и поражающее историческое сознание человека, социума в целях разрушения цивилизационных основ государства-жертвы;

- *культурное*, нацеленное на всю систему культурного потенциала государства-жертвы для разрушения его культуры как фундамента нации и системы НБ, формирования иного культурного кода.

Эти направления, на наш взгляд, составляют общий «театр» МВ. Агрессор выбирает то направление, которое будет более результативно для достижения цели МВ. При этом оценивается международная и военно-политическая обстановка, задачи МВ, а также ментальный потенциал сторон конфликта.

МВ имеет систему законов, еще не до конца исследованных. Акцентируем, что *закон* определяющей роли геополитических целей страны-агрессора и *закон* определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон решающим образом влияют на главные показатели МВ.

Принципы ведения МВ по отношению к государству-жертве следующие: ведется постоянно; явно и тайно; информационно-агрессивно; системно (по всем компонентам ментального потенциала); индивидуально и массово; высокоинтеллектуально и технологично; воздействуя на разум и волю; нарушая способность и критичность мышления; разрушая интеллектуальные силы личности и социума; на внешнем контуре и внутри страны; разрушая и подменяя национальное историческое сознание; изменяя базовые духовно-нравственные ценности и традиции; до полной оккупации ментального поля (пространства) личности, общества и государства.

Уточнив сущность, направления и принципы МВ, важно ответить на вопросы: Что делать? Как сохранить государство от МВ?

Можно сказать, что знание сущностного содержания, направлений ведения, законов, принципов МВ позволит обеспечить защиту социальной системы (МБ). Но сложность заключается в том, что в отличие от классической войны она (МВ) «невидима» и сложна в идентификации противника, действующего как внутри страны, так и за ее пределами.

Поскольку «оружием» в МВ является информация, то Концепция информационной безопасности Республики Беларусь способствует решению задач НБ государства в данном сегменте [6]. Учтем, что МВ тотальна, неясна и направлена на подрыв интегральной безопасности через воздействие на сознание человека во всех сферах общества и системы НБ.

Полагаем, что в концептуальном плане *ментальная безопасность* – состояние защищенности жизненно важных интересов (потребностей) личности, общества и государства от внутренних и внешних ментальных угроз. Иными словами, это состояние, при котором национальное ментальное пространство не деформируется в результате деструктивного информационно-психологического воздействия субъекта агрессии.

Под *угрозой* МВ будем понимать потенциально или реально существующую возможность нанесения ущерба национальным интересам в ментальной сфере. Где же эта сфера? Ментальная подсистема в перспективе может быть включена в гуманитарную безопасность как составляющую НБ, а сегодня она пронизывает все

имеющиеся восемь сфер НБ страны и «присутствует» в них, поскольку во всех действует человек с определенным сознанием и мировоззренческими установками. Полагаем, что уместно говорить и о ментальном измерении НБ.

Угрозы МБ комплексны, действуют по отмеченным направлениям, могут классифицироваться по различным основаниям. Они подобны ментальному вирусу, снижающему защитный потенциал всей системы НБ.

Основными потенциальными либо реально существующими *угрозами НБ*, на наш взгляд, в ментальной сфере являются:

- агрессивное информационно-психологическое воздействие, направленное на подрыв независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Беларуси;

- наращивание каналов информационного давления в целях вмешательства извне во внутриполитические процессы, навязывания политического курса, противоречащего национальным интересам республики;

- попытки дезорганизации системы государственного и военного управления, создания препятствий для функционирования государственных и общественных институтов;

- нарушение устойчивости системы социальных связей и отношений в целях хаотизации социального пространства;

- снижение количественно-качественных параметров воспроизводства научного и образовательного потенциала до уровня, не обеспечивающего научно-образовательный суверенитет и инновационный путь страны;

- воздействие деструктивных и манипулятивных технологий на личность и общество в целях нарушения социальной стабильности, а также утраты определенной частью общества способности самостоятельно и критически воспринимать социальную реальность;

- сокращение времени и увеличение каналов распространения деструктивной информации с помощью информационно-коммуникационных технологий, формирующих негативное восприятие принимаемых управленческих решений;

- снижение доверия граждан к основным государственным СМИ, стремление к получению информации из альтернативных источников;

- снижение социального статуса научной, педагогической и культурно-образовательной сферы деятельности общества;

- постоянная критика предшествующего исторического развития страны и попытки растворения собственной (национальной) истории в других государственных образованиях, ставящая под сомнение современную государственность;

- разрушение традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки формировать ментальное пространство нации на чуждых национальной традиции культурных нормах и принципах поведения и др.

В условиях массовой цифровизации жизни общества и государства задача обеспечения МБ будет только возрастать. Убеждены, что проблема МБ не только информационно-коммуникационная, психологическая, но и правовая, педагогическая и социокультурная. Очевидно, что сократить влияние современных ИКТ на личность и общество представляется нерациональным, да и практически невозможным. В этих условиях важно формировать у личности и общества необходимую ментальную культуру, ментальный иммунитет и ментальную гигиену. При этом основные усилия по достижению данных образований должны быть перенесены на систему образования и воспитания молодого поколения, как наиболее подверженного данному типу агрессии.

МВ и ее составляющие в условиях глобальной конкуренции и геополитического противоборства закономерно будут усиливаться. Важно готовить к противостоянию в ментальной агрессии весь государственный организм с акцентом на личность, институты гражданского общества.

В силу сложности определения и классификации МВ в органах государственного и военного управления необходимо иметь подготовленных специалистов для выявления ментальных операций, осуществления сдерживающих, оборонительных (защитных) и наступательных мероприятий. Причем при значимости технико-технологической компоненты МВ существенных усилий требует подготовка специалистов для противоборства в интеллектуально-смысловой сфере.

МВ, являясь продолжением политики субъекта агрессии, ведется интеллектуально-информационным оружием, воздействуя на ментальную сферу противника. Противоборство ведется онлайн и офлайн, наступательно и оборонительно, всегда имеет предметную область с заданным гносеологическим и психологическим форматом.

Убеждены, что в отличие от классической войны как объекта военной науки, МВ должна быть комплексно исследована социальными науками, в первую очередь философией. Именно философская наука может и должна выявить сущностное содержание, наиболее общие связи и отношения МВ и социума, показать перспективы развития ментального противоборства. Не умаляя роли и значения всей системы социальных наук, философия способна

сформировать ментальный иммунитет, защищающий мировоззренческое ядро личности и ее смысложизненные установки от деструктивного антисоциального и антигосударственного воздействия.

Подчеркнем, что МВ, как социально-политический и интеллектуально-информационный феномен по демонтажу и переформатированию ментального пространства социума, — это своеобразный вызов философской науке. Теоретическое осмысление МВ должно войти как подсистема в существующее учение «Философия войны» и развивающуюся теорию «Философия национальной безопасности».

Стоит уяснить, что в условиях развития глобальной информационной сферы осуществляется ноополитика как «метод реализации внешней политики в информационную эпоху, который подчеркивает первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики, основанный на применении «мягкой», а не «грубой» силы» [7, с. 14].

Кроме того, необходимо понимать, что нынешние возможности военного насилия подвели человечество к «мере», за которой возможно его исчезновение. В этой связи, как отмечает академик Никитенко П. Г., необходима смена парадигмы социально-экономического обустройства. Речь идет о ноосферизации, имеющей ряд значений. Согласимся с данным постулатом, так как и МВ касается ноосферы и явно трансформируется в ноосферное противоборство. «Ноосферизация — это тенденция к господству сферы разума, регулированию планетарной деятельности с сохранением биологического и культурного разнообразия на основе

ценности и самооценности человека и обеспечением приоритетного развития нематериальной сферы общественного воспроизводства, особенно науки, образования, культуры и здравоохранения» [8, с. 102].

Таким образом, обеспечение МВ требует понимания значимости ноосферной области жизнедеятельности социума, человеко-центричного, науко-центричного и культурно-центричного развития социальной системы во всех областях НБ.

Заключение. Важнейшим способом сохранения личности, общества и государства является научно-философское знание законов современного насилия, невоенного и военного, и защитных механизмов от деструкции. МВ, как недостаточно изученный феномен, относится к неклассическому противоборству (войне).

В интересах НБ отмеченные в статье направления и угрозы МВ должны иметь систему стратегического сдерживания ментальной агрессии. Существенная роль отводится культуре [9]. Кроме того, важно комплексно обосновать и сформировать необходимые силы и средства для успешного ведения МВ. Возможно, разработать Стратегию МВ Республики Беларусь.

Фундаментальное значение в защите от МВ принадлежит науке, системе образования и воспитания, базирующейся на культурных традициях нации. Только высокоинтеллектуальный и нравственно здоровый социум способен адекватно противостоять различным ментально-политическим вирусам и различным операциям МВ, а значит, системно обеспечить в ментальном отношении НБ государства.

Список литературы

1. Ксенофонов В. А. Антропосфера как важнейший театр современной войны // Вышэйшая школа. 2021. № 2. С. 37–40.
2. Миронов И. Л., Никитина С. С. Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник СПб университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 182–184.
3. Коровникова Н. А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2020. № 1. С. 107–118.
4. Караваев И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35–42.
5. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
6. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь № 1 от 18 марта 2019 г. URL: <https://www.pravo.by> (дата обращения: 15.05.2022).
7. Гриняев С. Н. Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы воздействия информационной войны. Минск: Харвест, 2004. 448 с.
8. Никитенко П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. Минск: Белорус. наука, 2006. 479 с.
9. Культура как фактор национальной безопасности современной России / А. В. Костина [и др.]. М.: ЛЕНАНД, 2021. 328 с.

References

1. Ksenofontov V. A. Anthroposphere as the most important theater of modern warfare. *Vysheyschaya shkola* [Graduate School], 2021, no. 2, pp. 37–40 (In Russian).
2. Mironov I. L., Nikitina S. S. Mental safety of Russia: pedagogical aspects. *Vestnik SPb universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 3 (75), pp. 182–184 (In Russian).
3. Korovnikova N. A. Mental safety in the era of digitalization. *Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki* [Social innovations and social sciences]. Moscow, INION RAN Publ., 2020, no. 1, pp. 107–118 (In Russian).
4. Karavaev I. N. The concept of mental warfare as part of the doctrine of war and the army. *Voyennaya Mysl'* [Military Thought], 2022, no. 3, pp. 35–42 (In Russian).
5. Ilitsky A. M. Strategy of Russia's mental security. *Voyennaya Mysl'* [Military Thought], 2022, no. 4, pp. 24–35 (In Russian).
6. Resolution Concept of information security of the Republic of Belarus. Security Council of the Republic of Belarus No. 1 of March 18, 2019. Available at: <https://www.pravo.by> (accessed 15.05.2022) (In Russian).
7. Grinyaev S. N. *Pole bitvy – kiberprostranstvo: Teoriya, priyemy, sredstva, metody i sistemy vozdeystviya informatsionnoy voyny* [The battlefield – cyberspace: Theory, techniques, means, methods and systems of influence of information warfare]. Minsk, Harvest Publ., 2004. 448 p. (In Russian).
8. Nikitenko P. G. *Noosfernaya ekonomika i sotsial'naya politika: strategiya innovatsionnogo razvitiya* [Noosphere economy and social policy: strategy of innovative development]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ., 2006. 479 p. (In Russian).
9. Kostina A. V., Makarevich E. F., Karpukhin O. I., Lukov V. A. *Kul'tura kak faktor natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii* [Culture as a factor of national security of modern Russia]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 328 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ксенофонов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр. Независимости, 220). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatol'yevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor, the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

Поступила 30.08.2022

УДК 101.1.316.4

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

В статье анализируются методологические возможности и пределы прикладной функциональности концепта социального капитала. В публикации реконструируются социально-экономические предпосылки формирования теорий социального капитала как ведущего фактора социально-экономического роста в условиях формирования постиндустриального общества. Логико-методологический анализ содержания понятия социального капитала позволяет выявить различия в экономическом, социологическом и политологическом толковании феномена капитализации социальных отношений. Признавая общим местом всех концепций социального капитала идею ликвидности таких социальных феноменов, как экспертный или харизматический авторитет субъекта или группы, мощность социальной сети, частью которой является субъект или общий уровень доверия к другим людям или социальным институтам, следует обратить внимание на дискуссионный характер статуса социального капитала в социально-философских теориях. Следуя логике Ф. Фукуямы и Р. Патнэма наряду с инструменталистскими классификациями форм социального капитала, целесообразно обосновать историческую типологию моделей функционирования социального капитала, разделить их на открытые (построенные по принципу моста) и закрытые (построенные по принципу «уз»). Выводом проведенного исследования является утверждение о том, что целевым ориентиром догоняющей социальной модернизации должен стать не количественный анализ общего уровня доверия, мощности и разветвленности горизонтальных социальных связей, толерантности, а качественный способ описания баланса сильных и слабых социальных связей в структуре социального капитала.

Ключевые слова: капитал, социальный капитал, доверие, социальная модернизация, постиндустриальное общество.

Для цитирования: Подручный М. В. Социальный капитал как фактор социальной модернизации // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 114–118.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

**SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR
IN SOCIAL MODERNISATION**

The article analyzes the methodological possibilities and limits of applied functionality of the concept of social capital. The article reconstructs socio-economic prerequisites for the formation of theories of social capital as the leading factor of socio-economic growth in the conditions of formation of post-industrial society. The logical and methodological analysis of the content of the concept of social capital allows us to reveal the differences in the economic, sociological and political interpretation of the phenomenon of capitalization of social relations. Recognizing the idea of liquidity of such social phenomena as expert or charismatic authority of a subject or group, the power of a social network of which the subject is a part, or the general level of trust in other people or social institutions as commonplace in all concepts of social capital, attention should be paid to the debatable nature of the status of social capital in sociophilosophical theories. Following the logic of F. Fukuyama and R. Putnam along with instrumentalist classifications of social capital forms, it is reasonable to substantiate a historical typology of social capital functioning models, dividing them into open (built on the principle of bridge) and closed (built on the principle of "bond"). The conclusion of this research is the assertion that the target benchmark of catch-up social modernization should be a qualitative way of describing the balance of strong and weak social ties in the structure of social capital, rather than a quantitative analysis of the overall level of trust, the power and ramification of horizontal social ties, and tolerance.

Keywords: capital, social capital, trust, social modernization, post-industrial society.

For citation: Podruchny M. V. Social capital as a factor in social modernisation. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022, no. 2 (263), pp. 114–118 (In Russian).

Введение. За минувшее столетие решение проблем социально-экономической трансформации общества в региональном и локальном масштабах неоднократно заставляло социальных ученых пересматривать определение сущности и структуры производительных сил. Список факторов производства прирос с добавлением в него финансового, человеческого, культурного и социального капитала. Экономисты и социологи активно рассматривают вопрос о влиянии социального капитала на экономическую деятельность индивидов. Р. Патнэм определяет его как синергетический комплекс социальных связей, социальных норм и доверия между людьми. Ряд исследований убедительно продемонстрировали закономерные связи структуры и объема социального капитала многими базовыми показателями социально-экономического развития. Например, Н. Кифер рассматривает социальный капитал как амплификатор и катализатор экономического роста, качества государственного администрирования. Согласно работам Ф. Бали и П. ван Ланжа, можно обнаружить положительную корреляцию между социальным капиталом, с одной стороны, и человеческим капиталом, а также способностью к коллективным действиям, с другой стороны. Существенную проблему для интерпретации социального капитала представляет анализ коммуникации в переходном обществе. Догоняющая социальная модернизация нередко испытывает противодействие со стороны форм солидарности и доверия, сформировавшихся в традиционном обществе. Как следствие, возникает вопрос о том, является ли капитализация социальных связей фактором или эффектом перехода к индустриальному и постиндустриальному качеству общества.

Основная часть. Социальный капитал – это эффективное функционирование социальной группы посредством межличностных отношений, общего чувства идентичности, общего понимания, общих норм, общих ценностей, доверия, сотрудничества и взаимности. Социальный капитал – это знание и способность обратиться к нужному человеку за помощью в определенной ситуации. В экономическом смысле социальный капитал – это мера стоимости ресурсов как материальных (например, общественные пространства, частные активы), так и нематериальных (например, актеры, человеческий капитал, люди). Обычно его рассматривают как капитал, который производит общественные блага в отличие от частных.

Термин «социальный капитал» периодически использовался примерно с 1890 г., но ши-

рокое применение получил в конце 1990-х годов в связи с теорией постиндустриального общества. При всей очевидности феномена в толковании социального капитала до сих пор можно наблюдать конкуренцию нескольких определений и интерпретаций. Дэвид Халперн утверждает, что популярность социального капитала среди политиков объясняется двойственностью этой концепции, которая происходит из того факта, что «она пытается придать экономический смысл, одновременно подтверждая важность социальной значимости». Для исследователей популярность термина отчасти объясняется широким спектром результатов. Социальный капитал в разное время использовался для объяснения более высокой эффективности работы менеджеров, роста предпринимательских фирм, лучшей работы функционально-разнообразных групп, ценности стратегических альянсов и укрепления отношений в цепочке поставок; т. е. ресурс, который акторы получают от определенных социальных структур и который затем используют для реализации своих интересов; создается в результате изменений в отношениях акторов.

Первые попытки определить социальный капитал были сосредоточены на том, в какой степени социальный капитал как ресурс должен использоваться на благо общества или на благо отдельных людей. Роберт Д. Патнэм утверждал, что социальный капитал будет способствовать сотрудничеству и взаимоподдерживающим отношениям внутри сообществ и наций, и поэтому будет ценным инструментом в борьбе со многими социальными нарушениями, характерными для современных обществ, такими как преступность. Напротив, те, кто фокусируется на индивидуальных выгодах, получаемых от сети социальных отношений и связей, в которых оказываются отдельные субъекты, связывают социальный капитал с более широким личным доступом к информации и наборам навыков, а также с большей властью. Согласно этой точке зрения, люди могут использовать социальный капитал для продвижения своих собственных карьерных перспектив, а не на благо организаций.

Робинсон, Шмидт и Сайлс рассмотрели различные определения социального капитала и пришли к выводу, что многие из них не отвечают требованиям формального определения. Они отметили, что определения должны иметь форму $A = B$ и что многие определения социального капитала описывают, для чего он может быть использован, где он находится, как он может быть создан и что он может преобразовать.

Они также утверждают, что многие из предложенных определений социального капитала не соответствуют требованиям к капиталу. Они предлагают определить социальный капитал как сострадание: объект сострадания обладает социальным капиталом; те, кто сострадают другим, обеспечивают социальный капитал. Одним из главных преимуществ социального капитала является то, что он обеспечивает доступ к ресурсам на льготных условиях.

В книге «Формы капитала» П. Бурдье выделяет три формы капитала: экономический, культурный и социальный. Он определяет социальный капитал как «обладание фактически или потенциальными ресурсами, связанными с владением прочной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знания и признания» [1]. Его концепция очень важна, она фокусируется на преимуществах обладателей социального капитала и намеренном создании социальности с целью наращивания этого ресурса. В отличие от позитивного подхода Патнэма к социальному капиталу, Бурдье применяет эту концепцию для демонстрации механизма возникновения неравенства между поколениями. Таким образом, Бурдье подчеркивает, что богатые и влиятельные люди используют свою «сеть своих парней» или другой социальный капитал для сохранения преимуществ для себя, своего социального класса и своих детей.

Т. Сандер определяет ценность коллектива как ценность всех социальных сетей (то, что люди знают), и тенденции делать что-то друг для друга, которые возникают из этих сетей (нормы о взаимности). В этом смысле социальный капитал подчеркивает конкретные выгоды, которые вытекают из доверия, взаимности, информации и сотрудничества, связанных с социальными сетями. Эта выгода создает ценность для людей, связанных с ней, а также для посторонних. Между тем негативные нормы взаимности сдерживают вредное и насильственное поведение.

Дж. Коулман определил социальный капитал функционально как «разнообразные образования с двумя общими элементами: все они составляют некоторый аспект социальной структуры и облегчают определенные действия акторов» [2]. Социальный капитал – это все, что способствует индивидуальным или коллективным действиям в рамках сети взаимоотношений, взаимности, доверия и социальных норм. В концепции Коулмана социальный капитал – это нейтральный ресурс, который облегчает любые действия, но станет ли общество в результате лучше, зависит ис-

ключительно от того, как индивид его использует.

По словам Роберта Д. Патнэма, социальный капитал относится к «связям между людьми – социальным сетям и возникающим на их основе взаимности и доверия» [3]. Для Патнэма и его последователей социальный капитал является ключевым компонентом в построении и поддержании демократии. Патнэм утверждает, что социальный капитал в США снижается. Это отражается в снижении доверия к правительству и участия граждан. Он также говорит, что телевидение и разрастание городов сыграли значительную роль в том, что Америка стала гораздо менее «связанной». Патнэм считает, что социальный капитал может быть измерен доверием и «взаимностью» внутри сообщества или между отдельными людьми. Патнэм также утверждает, что одной из основных причин снижения социального капитала является уменьшение числа женщин, поступающих на работу, что может быть связано с нехваткой времени, препятствующей гражданской активности в Ассоциации родителей и учителей. Технологическая трансформация досуга (например, телевидение) является еще одной причиной снижения социального капитала, как утверждал Патнэм. Это послужило отправной точкой, с которой несколько исследований оценили социальный капитал с точки зрения того, как СМИ стратегически участвуют в создании социального капитала.

В книге «Социальный капитал, гражданское общество и развитие» политолог Фрэнсис Фукуяма определяет социальный капитал как общепринятые правила, позволяющие людям сотрудничать, например взаимность, или религиозную доктрину, например христианство. Социальный капитал формируется в результате повторяющихся во времени взаимодействий и, как он утверждает, необходим для развития, но его трудно сформировать с помощью государственной политики. Важность социального капитала для экономического развития заключается в том, что эти нормы поведения снижают транзакционные издержки, связанные с юридическими контрактами и государственным регулированием. Фукуяма утверждает, что, хотя социальный капитал полезен для развития, он также увеличивает издержки для не членов группы, что приводит к нежелательным последствиям для общего благосостояния.

Ссылаясь на Алексиса де Токвиля в книге «Демократия в Америке» и на то, что он назвал искусством ассоциации в склонности Америки к гражданским объединениям, Фукуяма утверждает, что социальный капитал создает граж-

данское общество. Хотя гражданское участие является важной частью демократии и развития, Фукуяма говорит, что «гражданское участие одного человека – это поиск ренты для другого» [4]. Таким образом, хотя социальный капитал может способствовать экономическому развитию, снижая транзакционные издержки и повышая производительность, социальный капитал также может искажать демократию, если гражданское объединение позволяет получить особые привилегии. Однако Фукуяма утверждает, что, несмотря на риск того, что общество имеет слишком много социального капитала, хуже иметь его слишком мало и быть неспособным организовать общественные блага и деятельность, повышающую благосостояние.

Именно Ф. Фукуяма первым указал на амбивалентный характер роли социального капитала в процессе модернизации общества. Так, им было замечено, что социальный капитал не всегда может быть использован для достижения позитивных целей. Социальный капитал часто ассоциируется с успехом демократии и участием в политической жизни. Но на практике социальный капитал может быть использован и для создания или воспроизводства неравенства, показывая, например, как люди могут занять влиятельные позиции, прямо или косвенно используя социальные связи. Примером сложности воздействия негативного социального капитала является насилие или деятельность преступных группировок, которой способствует укрепление взаимоотношений (связующий социальный капитал). Негативные последствия социального капитала следует ассоциировать с засильем закрытого типа социального капитала, основанного на социальных связях по принципу «уз» (bonds). Социальная модернизация должна приводить к распаду такого типа эксплуатации социальных связей в

пользу формирования открытого социального капитала, построенного по принципу «моста» (bridge). Иначе группы могут стать изолированными от остальной части общества и лишены гражданских прав и, что более важно, от групп, с которыми необходимо навести мосты, чтобы обеспечить прирост социального капитала. Закрытый социальный капитал является необходимой, но не сакральной предпосылкой для развития солидарного общества. Закрытый и открытый социальные капиталы могут быть продуктивными, только если они находятся в равновесии, иначе они будут уничтожать друг друга. Преобладание в группе сильных (обязывающих) социальных связей повышает вероятность того, что группа станет однородной и ригидной. Общности такого типа ожидают радикализация и изоляция по этническому или политико-идеологическому основанию.

Выводы. Таким образом, влияние социального капитала на модернизацию носит амбивалентный характер. Процессы изменения социокультурных норм и реформы экономических отношений идут параллельно и взаимно обуславливают друг друга. Хотя из-за «эффекта колеи» многие неформальные нормы остаются устойчивыми в обществе, в целом экономическое развитие связано с переходом от норм традиционного общества к более рациональным и прогрессивным нормам общества модерна. Учитывая, что сильные связи внутри общества являются ценностью доиндустриальной эпохи, а слабые связи, основанные на межличностном доверии, характерны для индустриальных обществ, можно предположить, что целевым показателем модернизационного перехода должен быть баланс между этими типами социальных связей и соответствующими социальными капиталами.

Список литературы

1. Бурдье П. Формы капитала. М.: РОССПЭН, 2004. С. 57–59
2. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 70, no 1. P. 95–120.
3. Putnam R. *Hanging Together: Cooperation and Conflict*. Chicago: MIT, 1984. P. 102–104.
4. Фукуяма Фр. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. С. 47–48.

References

1. Burdieu P. *Formy kapitala* [Forms of capital]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 57–59 (In Russian).
2. Coleman J. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 1994, vol. 70, no. 1, pp. 95–120.
3. Putnam R. *Hanging Together: Cooperation and Conflict*. Chicago, MIT Publ., 1984, pp. 102–104.

4. Fukuyama F. *Doveriye: Sotsial'nyye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow, AST Publ., 2002, pp. 47–48 (In Russian).

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: in_litteras@tut.by

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: in_litteras@tut.by

Поступила 15.07.2022

УДК [2-1+130.2:2](4-15)"18/19"

Н. А. Никонович

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ЗАПАДНОМ
РЕЛИГИОВЕДЕНИИ XIX–XX ВВ.**

В тематических рамках данной статьи рассмотрены различные концепции современного религиоведения, а также их генезис – сравнительный подход и формирование религиоведческой науки в трудах М. Мюллера, соотношение религии и теологических доктрин у П. Шантепи де ла Соссе, феноменология религии Г. ван дер Леува и ряд других, соотносимость, коррелятивность базовых постулатов современных религиоведческих концепций, их представленность в культурном дискурсе. Выявлена эволюция и модификации понятия религиозности в различных концепциях западного религиоведения и философии мифа. В рамках культур-онтологической рефлексии проанализированы идеи М. Элиаде, Р. Отто о сущности религиозного начала, его представленности в культуре, формах и проявлениях. Осуществлена проблематизация категории религиозности в современном дискурсе, обозначено концептуальное и проблемное поле ее исследования, проанализированы теории религии в системе культурологического (гуманитарного) знания. В работе эксплицировано концептуально-теоретическое осмысление феномена религиозности и религиозного опыта, затронуты проблемы современного религиоведения, онтологии религии в ракурсе новых подходов и проблемного поля.

Ключевые слова: генезис и спецификации религиоведческих наук, онтологические проекции религиоведческих парадигм, дискурс религиозной онтологии и феноменологии М. Элиаде, феноменологические проекты Р. Отто, Г. ван дер Леува, П. Шантепи де ла Соссе, феноменологические и неопеноменологические стратегии в религиоведении, компаративистские подходы М. Мюллера и К. Тиле, методология религиоведческих наук.

Для цитирования: Никонович Н. А. Концептуализация понятия религиозности в западном религиоведении XIX–XX вв. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 119–124.

N. A. Nikonovich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**CONCEPTUALIZATION OF THE IDEA OF RELIGIOUSNESS IN WESTERN
RELIGIOUS STUDIES OF THE XIX–XX CENTURIES**

Within the thematic framework of the article various conceptions of modern religious studies are considered, as well as their genesis - a comparative approach and the formation of religious science in the works of M. Müller, the correlation between religion and theological doctrines by P. Chantepie de la Saussaye, the phenomenology of religion by G. van der Leeuw and a number of others, and besides, correlativity of the basic postulates of modern concepts of religion, their representation in cultural discourse. The evolution and modifications of the concept of religiosity in various concepts of Western religious studies and the philosophy of myth are revealed. Within the framework of cultural-ontological reflection, the ideas of M. Eliade, R. Otto regarding the essence of the religious principle, its representation in culture, forms and manifestations are analyzed. The problematization of the category of religiosity in modern discourse is carried out, the conceptual and problematic field of its research is identified, the theories of religion are analyzed in the system of culturological / humanitarian knowledge. The article explicates the conceptual and theoretical understanding of the phenomenon of religiosity and religious experience, concerns the problems of modern religious studies, ontology of religion from the perspective of new approaches and problem areas.

Keywords: genesis and specifications of religion study sciences, ontological projections of religious paradigms, discourse of religious ontology and phenomenology by M. Eliade, phenomenological projects of R. Otto, G. van der Leeuw, P. Chantepie de la Saussaye, phenomenological and neophenomenological strategies in religious studies, comparative approaches of M. Müller and C. Tiele, methodology of religion study sciences.

For citation: Nikonovich N. A. Conceptualization of the idea of religiousness in western religious studies of the XIX–XX centuries. *Proceeding of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2022. no. 2 (263), pp. 119–124 (In Russian).

Введение. В данной работе осуществлена проблематизация категории религиозности в современном дискурсе, обозначено концептуальное и проблемное поле ее исследования, проанализированы теории религии в системе культурологического (гуманитарного) знания. В статье репрезентирована теоретико-методологическая реконструкция спецификаций, генезиса и эволюции религиоведческих идей XIX–XX вв. Конкретизированы следующие предметные проекции и парадигмальные направления исследования:

- теоретическая экспликация религиоведческих концепций XIX–XX вв.;
- концептуализация и теоретизация понятия религиозности в западном религиоведении и теории мифа;
- концептуальный и теоретико-методологический анализ понятийного и категориального статуса религиозного начала в религиоведческих и культурфилософских исследованиях.

Методология и методы исследования. В работе использовались методы компаративного, дескриптивного анализа, системно-структурный и интерпретационный методы, метод анализа и синтеза, исторический и логический методы. В основе исследования лежит компаративистская и аналитическая методология.

Основная часть

Бог трансцендентен посреди нашей жизни.

Д. Бонхёффер

Категория религиозности как категория религиоведческой науки, при всей ее теоретической вариативности, не является достаточно концептуализированным термином в силу самой сложности и многомерности этого понятия. Исходные предпосылки ее интерпретации зависят от методологических и эпистемологических модусов исследования, от контекстуального плюрализма и конфигурации смыслов концептуальных подходов и дискурсивных практик. Теоретический и методологический анализ данного понятия – это интенция на создание поля вариативных возможностей экспликации как его генезиса, так и модификаций в религиоведческой и культурологической мысли.

XIX век отмечен тем, что в полной мере начинают развиваться науки о религии, появляются школы и направления, которые теоретизируют и концептуализируют понятия религии, религиозного начала, их генетические формы в различных дискурсивных плоскостях. Зарождение религиоведческой науки связано с такими именами, как Ж. Ф. Шампольон,

И. Я. Бахофен и, в особенности, М. Мюллер. Этим авторам принадлежат как сравнительно-исторические, так и сравнительно-религиоведческие исследования.

В работе М. Мюллера «Введение в науку о религии» (1873) подчеркивается роль компаративной филологии и языкознания для изучения сущности религии, роль научного метода в религиоведении. Логическим продолжением этих идей и интенций является предложенный ученым сравнительный метод в религиоведческих науках, чья суть выражена в его известной максиме «кто знает одну религию, не знает ни одной» [1, с. 41]. Немаловажный вопрос, касающийся теоретической реконструкции и экспликации религиоведческих идей М. Мюллера, – это вопрос о феноменологических процедурах, которыми может быть постигнуто божественное начало (субстанция), или, в терминологии М. Мюллера, – «Бесконечное». Религиозность в понимании немецкого религиоведа – это присущее человеческой природе свойство. Отдельным вопросом является проблема методов ее исследования. М. Мюллер использует термины «способность верить», «способность постижения Бесконечного» для объяснения возможности религиозного познания. Гносеологическая система религиозного знания в целостном виде не была построена М. Мюллером, хотя были намечены некоторые теоретические контуры, выражающиеся в попытке переосмысления кантианской априорной схемы.

Другой представитель и основатель религиоведческой науки XIX в. – К. Тиле, теолог и религиовед, в своей религиоведческой системе исходит из того, что суть философии религии в том, что она «является учением о человеке как религиозном существе» [2, с. 146]. В фокусе его исследования оказываются также вопросы средств и методов религиоведения; в частности, он указывает на важность феноменолого-аналитического подхода, что дало основание некоторым исследователям относить его к предшественникам феноменологической парадигмы в религиоведении [3, с. 59–61].

Феноменология религии является парадигмальным направлением религиоведческих исследований, оказавшим влияние и предопределившим вектор развития корпуса религиоведческих наук и связанных с ними спецификаций. Она в значительной мере отличается от предшествовавших направлений и школ, прежде всего, интенциями на рассмотрение религиозного опыта «изнутри», религиозного во взаимозависимости его структурных констант, как феноменологических, так и субстанциальных, а также методологическими принципами и установками, которые ори-

ентированы на большую автономность религиозного знания (что означает, что методология, методологическая рецепция религиозного познания коррелирует с феноменологическими процедурами). Возникновение феноменологической парадигмы, феноменологии религии как дисциплинарного направления во многом связывается с именами П. Шантепи де ла Соссе, Р. Отто, которым принадлежат теоретические разработки в этой области, впоследствии продолженные Г. ван дер Леувом, М. Элиаде и др.

Высоко оценивая достижения М. Мюллера, П. Шантепи де ла Соссе в методологическом отношении указывает на следующие положения: «Обобщение и группирование различных религиозных явлений (феноменология религии) обеспечивают переход истории религии к философии религии. Последняя разбивает религию на ее субъективную и объективную составляющие и исследует также ее психологическую и метафизическую стороны» [4, с. 201]. Таким образом, здесь вводится и обосновывается концепт «феноменология религии», под которым понимается теоретизация и систематизация религиозных феноменов.

Другим значительным представителем феноменологии религии XX в. был Г. ван дер Леув. Его религиоведческая парадигма представляет собой, по выражению А. Н. Красникова, модель «интерпретативной феноменологии религии» [5, с. 107]. Религиозные размышления ван дер Леува касаются сущности божественного начала, его проявлений в человеческом сознании, дуального взаимодействия человеческого «Я» и рефлексии о божественном. Представитель неопеноменологического направления в современном религиоведении, Ж. Ваарденбург, переосмысливая идеи Г. ван дер Леува, подчеркивает теологический контекст развития его концепции: «...становится ясным, что для Г. ван дер Леу феноменология религии была в основном богословской дисциплиной, которую он мог в равной степени назвать “феноменологической теологией”» [6, с. 19]. Таким образом, предметное и аналитическое поле феноменологии религии Г. ван дер Леува – различные градации феноменов и интенций мифорелигиозного сознания.

В своей работе «Religion in essence and manifestation» [7] Г. ван дер Леув затрагивает такие сущностные вопросы, как объекты религии (под которыми понимаются религиозные категории силы, табу, священные предметы) и субъекты (в числе которых человеческие проявления священного, а также сакральное внутри человека), их взаимодей-

ствие, религиозный опыт, взаимоотношения Бога и мира, формы религии и т. д. Это тот спектр вопросов, которые составляют основу его феноменологии религии. Эксплицируя понятия религиозных феноменов, он указывает на такое их свойство, как способность проявляться, манифестироваться, в то же время они имеют не только психологическую природу. «The phenomenon» as such, therefore, is an object related to a subject <...>¹, – полагает он [7, р. 671]. Им выделены следующие феноменологические уровни, уровни манифестации: сокрытие, раскрытие и прозрачность (transparency), которые составляют основу процедурной части феноменологии. Как и Э. Гуссерль, Г. ван дер Леув обращается к категории опыта как вместилища жизненных форм, как базовой структуры.

Еще одним представителем феноменологического направления в религиоведении XX в. является Р. Отто, немецкий теолог и религиовед. Ему принадлежат исследования в области сакрального, введение категорий «священное» и «нуминозное» в науки о религии. Доминирующим в его идеях является философско-феноменологическое осмысление понятия «нуминозное» как части религиозного опыта, его основной, фундаментальной константы. Прежде всего, это опыт «инаковости», внерациональной религиозности, основанной на нуминозном начале. В связи с этим возникает вопрос средств, которыми можно постигнуть опыт нуминозного, вопрос об эйдетических процедурах, являющихся методологией феноменологических исследований нуминозного (сакрального). Плюрализм интенций осмысления феноменологической стратегии Р. Отто варьируется в диапазоне от «универсальной, сущностной структуры религиозного опыта» (А. Н. Красников) до «эпистемологического обоснования – и оправдания – религиозному знанию посредством врожденного “sensus numinis” у человека» (Ж. Ваарденбург).

Одними из наиболее известных и исторически первых в русскоязычной литературе исследований феноменологии религии Р. Отто являются исследования М. А. Пылаева [8, 9]. Важным замечанием, проясняющим природу категории «священное», является мысль о том, что «нуминозное чувство у Отто – это не только эмоция, но в том числе и род познания в интуитивной, допонятийной, целостной форме, вид познания, который через априорный схематизм категорий пытается придать религиозному

¹ Следовательно, «феномен» как таковой – это объект, связанный с субъектом.

опыту общезначимый характер» [8, с. 40]. Именно общезначимость этого типа опыта фундировала категориальность данного понятия, его гносеологический статус.

Идеи о «безусловной реальности» религиозного сближают концептуальные подходы Р. Отто и другого западного феноменолога М. Элиаде. Категориальное понятие религиозности у М. Элиаде вытекает из всей религиозно-мифологической системы его взглядов. Фактически, мы можем констатировать у него идею инвариантной сущности религиозного начала, манифестируемую в понятии крипторелигиозности. Это означает культурную и историческую поливариабельность форм религиозности, сохраняющую при этом свое базисное, доминантное ядро в культурных и личностных проекциях, что свидетельствует об имманентном, индетерминационном характере религиозности. В то же время в теоретико-методологическом отношении применительно к идеям М. Элиаде мы можем говорить о неконцептуализируемой (трудноконцептуализируемой) религиозности.

В религиозведческой и мифологической концепции М. Элиаде мы можем обнаружить совмещение онтологической и феноменологической проекций в исследовании мифо-религиозного пространства и его форм, а также глубинную рефлексию над категориями сакрального и религиозного, что дало основания для обозначения нами его подхода как мифо-онтологической парадигмы [10, с. 9]. При том, что и Р. Отто, и М. Элиаде исследователи традиционно относят к феноменологической парадигме, мы можем констатировать различия в их подходах, которые касаются как базовых модусов осмысления сакрального, так и понятия религиозности (религиозного как такового, его структур).

Проект онтологии мифа и религии М. Элиаде выходит за рамки феноменологии религии в ее классическом и даже неклассическом варианте. Требуется своей теоретической экспликации концепт религиозности как таковой, а также сопряженных с ней феноменов. Классические процедуры верификации (методологические процедуры «ероснѐ», эйдетические процедуры и др.) оказываются неоперациональными в его религиозно-мифологической концепции. Можно согласиться с М. А. Пылаевым в том, что «...вопрос о перспективе построения религиозведения как науки о святом не был закрыт классической феноменологией религии. Он был передан неофеноменологии религии» [9, с. 44].

Появление такого фундаментального направления, как феноменология религии, было значительной вехой в научном религиозведении, но ряд вопросов системного свойства не был

решен. На это также указывают такие ученые, как А. Н. Красников и Ю. А. Кимелев. Несмотря на философско-религiovедческие интенции феноменологической и других школ, перед религиозведческой наукой по-прежнему стоит задача конструирования целостной теоретико-методологической модели религиозного опыта, его сущности и проявлений, экспликации детерминационных связей между структурами сознания и их религиозными формами, а также построения концепции методологии религиозного опыта.

Заключение. Подводя итог нашему аналитическому исследованию, можно сделать ряд следующих выводов. Осуществлен аналитический обзор концепций западного религиозведения и теории мифа. Исследована психологическая и феноменологическая природа категории «сакральное» немецкого религиозведа Р. Отто. Рассмотрены основные положения феноменологии религии Г. ван дер Левува – одного из ее виднейших представителей. Проанализировано компаративное религиозведение М. Мюллера, выявлены его типологические свойства и особенности. Проблема сравнительного изучения религиозных доктрин, поднятая М. Мюллером, вызывает ряд вопросов о их субстанциальной основе, а также критериях компаративного религиозведческого анализа. Определено, что феноменология религии является парадигмальным направлением религиозведческих исследований, оказавшим влияние и предопределившим вектор развития корпуса религиозведческих наук и связанных с ними спецификаций. Показано, что значительное отличие проекта М. Элиаде от предшествовавших версий феноменологии религии заключается в том, что он методологически унифицирует различные типы религиозных представлений, тем самым нивелируя доминирование какой-либо одной религиозной системы в научном осмыслении.

В исследовании выявлено, что концептуальное и проблемное поле анализа категории религиозности составляет такой блок вопросов, как субстанциональный или релятивный характер понятия религиозности, его экстерииоризация. Одной из наиболее важных методологических проблем является прояснение методологических процедур исследования этой религиозведческой категории, а также механизм взаимодействия и взаимообусловленности ее интериорного и экстериорного характера, связь, с одной стороны, со структурами психики и сознания, и с другой – с культурогенными и культуросоциальными модусами.

Список литературы

1. Мюллер М. Введение в науку о религии // Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1. М.: Канон +, 1996. С. 32–143.
2. Тиле К. Основные принципы науки о религии // Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1. М.: Канон +, 1996. С. 144–196.
3. Самарина Т. С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М.: ИФ РАН, 2019. 296 с.
4. Шантепи де ла Соссе П. Учебник по истории религий // Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1. М.: Канон +, 1996. С. 197–215.
5. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академический проект, 2007. 239 с.
6. Ваарденбург Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе работ Герарда ван дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. 408 с.
7. Leeuw van der G. Religion in essence and manifestation / Turner with appendices incorporating the additions to the second German edition by Hans H. Penner. New Jersey: Published by Princeton University Press, 1986. 732 p.
8. Пылаев М. А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 223 с.). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2019. Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5; экран 10".
9. Пылаев М. А. Западная феноменология религии: теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом. М.: РГГУ, 2006. 97 с.
10. Никонович Н. А. Теоретический анализ философии мифа М. Элиаде: основные идеи и когнитивный потенциал: монография. Минск: Бел. наука, 2018. 151 с.

References

1. Müller M. Introduction to the Science of Religion. *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. T. 1* [Classics of world religious studies. Anthology. Vol. 1]. Moscow, Kanon + Publ., 1996, pp. 32–143 (In Russian).
2. Tile K. Basic Principles of the Science of Religion. *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. T. 1*. [Classics of world religious studies. Anthology. Vol. 1]. Moscow, Kanon + Publ., 1996, pp. 144–196 (In Russian).
3. Samarina T. S. *Fenomenologiya, noumenologiya, postfenomenologiya religii* [Phenomenology, noumenology, postphenomenology of religion]. M., IF RAN Publ., 2019. 296 p. (In Russian).
4. Shantepi de la Sosse, P. Religious History Textbook. *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. T.1*. [Classics of world religious studies. Anthology. Vol. 1]. Moscow, Kanon + Publ., 199, pp. 197–215. (In Russian).
5. Krasnikov A. N. *Metodologicheskiye problemy religiovedeniya* [Methodological problems of religious studies]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2007. 239 p. (In Russian).
6. Vaardenburg Zh. *Razmyshleniya o religiovedenii, vklyuchaya esse rabot Gerarda van der Leu. Klassicheskiye podkhody k izucheniyu religii. Tseli, metody i teorii issledovaniya. Vvedeniye i antologiya* [Reflections on Religious Studies, including Essays on the Works of Gerard van der Leeuw. Classical approaches to the study of religion. Aims, methods and theories of research. Introduction and anthology]. Vladimir, Izdatel'stvo Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta Publ., 2010. 408 p. (In Russian).
7. Leeuw van der G. Religion in essence and manifestation. Turner with appendices incorporating the additions to the second German edition by Hans H. Penner. New Jersey, Published by Princeton University Press Publ., 1986. 732 p.
8. Pylaev M. A. *Kategoriya "svyashhennoye" v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka*. Electronic text data (1 fajl pdf: 223 p.). Moscow, Rossiyskiy gosudarstbennyy gumanitarnyy universitet Publ., 2019. Sistem. trebovaniya: Adobe Reader XI libo Adobe Digital Editions 4.5; jekran 10" (In Russian).
9. Pylaev M. A. *Zapadnaya fenomenologiya religii: teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya i perspektivy postroeniya religiovedeniya kak nauki o svyatom* [Western Phenomenology of Religion: Theoretical and Methodological Foundations and Prospects for Building Religious Studies as a Science of the Sacred]. Moscow, RGGU Publ., 2006. 97 p. (In Russian).

10. Nikonovich N. A. *Teoreticheskiy analiz filosofii mifa M. Eliade: osnovnyye idei i kognitivnyy potentsial: monografiya* [Theoretical analysis of the philosophy of myth by M. Eliade: main ideas and cognitive potential: monograph]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ., 2018. 151 p. (In Russian).

Информация об авторе

Никонович Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии культуры. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: ol_ra@list.ru

Information about the author

Nataly Nikonovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Senior Research Fellow, the Department of Philosophy of Culture. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072 Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ol_ra@list.ru

Поступила 14.07.2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Астрога В. А. Уплыў геаграфічных адкрыццяў на развіццё еўрапейскай геапалітычнай думкі	5
Ерашэвіч А. У. Дзяржаўны фінансава-бюджэтны кантроль у беларускіх губернях Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст.	11
Алексашина Г. В. Состав наемных рабочих ремесленных предприятий Минска и регулирование условий их труда (конец XIX – начало XX в.)	16
Астрога В. М. Адукацыйная і кадравая палітыка царызму ў Беларусі ў пачатку XX ст. ...	21
Воронич Т. В. Экскурсии учащихся учебных заведений городов Беларуси в начале XX века	27
Климко М. К. Роль военно-патриотического воспитания в системе подготовки военных кадров Беларуси (1917–1920-е гг.)	32
Семенчик Н. Е. Бундовские организации Беларуси после Февральской революции 1917 г.	37
Коваль В. У. Адметнасці сацыяльна-культурнай адаптацыі беларускіх студэнтаў у міжваеннай Чэхаславакіі	44
Каляда І. У. Беларусізацыя 1920-х гадоў: перадумовы і накірункі ажыццяўлення	50
Дубовик А. К. Из истории химико-технологического образования в Белорусском политехническом институте (1920–1975 гг.)	56
Якуш Н. М. Укрепление материально-технической базы и повышение культуры земледелия в Белорусской ССР (1971–1975 гг.)	61
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Эволюция методов и технологий электорального опроса	68
Рышкевич О. И. Историческая периодика Республики Беларусь: общая характеристика	73
Лань Пэнхэ. Сотрудничество между Китаем и Грузией в гуманитарной области (2013 –2022 гг.)	79
ФИЛОСОФИЯ	90
Потоцкий А. А. Герменевтика и методология художественного познания	90
Бурак П. М. Социоприродные приоритеты формирования коэволюционного подхода в преодолении вызовов антропологического кризиса	94
Чарвінскі А. С. Нарматыўныя прынцыпы ў структуры комплекснай ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя	103
Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства	108
Подручный М. В. Социальный капитал как фактор социальной модернизации	114
Никонович Н. А. Концептуализация понятия религиозности в западном религиоведении XIX–XX вв.	119

CONTENTS

HISTORY	5
Ostroga V. A. The influence the great geographical discoveries on the development of European geopolitical thought.....	5
Yerashevich A. V. State financial and budgetary control in the Belarusian provinces of the Russian Empire in the first half of the XIX century	11
Alexashina G. V. The composition of hired workers of handicraft enterprises in Minsk and the regulation of their working conditions (late XIX – early XX century).....	16
Ostroga V. M. Educational and personnel policy of czarism in Belarus at the beginning of the XX century.	21
Voronich T. V. Excursions of students in educational institutions in the cities of Belarus at the beginning of the XX century	27
Klimko M. K. The role of military-patriotic education in the system of training military specialists in Belarus (1917–1920s)	32
Semenchik N. Ye. Bund organizations of Belarus after the February Revolution of 1917.	37
Koval V. U. Peculiarities of the sociocultural adaptation of the Belarusian students in the interwar Czechoslovakia.....	44
Kolyada I. U. Belarusianization of the 1920s: prerequisites and directions of implementation.	50
Dubovik A. K. From the history of chemical and technological education in the Belarusian Polytechnical Institute (1920–1975).....	56
Yakush N. M. Strengthening the material and technical base and increasing the culture of agri-culture in the Byelorussian SSR (1971–1975).....	61
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Evolution of methods and technologies of electoral polling ..	68
Ryshkevich O. I. Historical periodicals of the Republic of Belarus: general characteristics	73
Lan Penghe. Cooperation between China and Georgia in the humanitarian field (2013–2022).....	79
PHILOSOPHY	90
Pototski A. A. Hermeneutics and methodology of artistic knowledge.....	90
Burak P. M. Socio-natural priorities for forming a co-evolutionary approach in overcoming the challenges of the anthropological crisis	94
Chervinsky A. S. Normative principles in the structure of comprehensive environmental quality assessment	103
Ksenofontov V. A. Mental security of the state.....	108
Podruchny M. V. Social capital as a factor of social modernization	114
Nikonovich N. A. Conceptualization of the idea of religiousness in western religious studies of the XIX–XX centuries.	119

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *П. М. Никитина*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 15.12.2022. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 15,8.
Тираж 23 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.